

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Д. Д. Васильев

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Т. I

Москва
ИВ РАН
2021

ББК 81.2Тюрк
В 19

Ответственные редакторы
академик РАН В. В. Наумкин
к. и. н. А. Д. Васильев

Составители
к. ф. н. Т. А. Аникеева
к. и. н. Д. М. Тимохин
к. и. н. В. В. Тишин

Рецензенты
д. и. н. В. Г. Дацышен
д. и. н. И. В. Зайцев

Утверждено к печати
Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН

Васильев Д. Д.

В 19 Избранные труды : в 2 т. Т. 1. / Отв. ред. В. В. Наумкин, А. Д. Васильев; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2021. — 288 с. : ил.
ISBN 978-5-907384-47-7

Предлагаемый сборник отражает основные области научных интересов Дмитрия Дмитриевича Васильева (1946–2021), объединяя его статьи разных лет по нескольким разделам. В раздел «История востоковедения и тюркологии» включены статьи Д. Д. Васильева, посвященные деятельности Общества востоковедов, формированию научных школ в российской тюркологии, а также истории изучения и дешифровки древнетюркской рунической письменности. Во второй раздел — «Древнетюркская руника и археология» — включены работы Д. Д. Васильева по изучению памятников древнетюркской рунической письменности. Изучение графических особенностей этих памятников — совершенно отдельная область, где ученый-тюрколог стал одним из пионеров. Раздел «История и культура тюркских народов» объединяет статьи Д. Д. Васильева, посвященные истории, обычаям, верованиям и культуре древних тюрков и тюркских народов Сибири. Специальный раздел сборника посвящен роли Д. Д. Васильева в развитии российско-турецких отношений. Сборник снабжен цветными иллюстрациями.

ISBN 978-5-907384-47-7

© Д. Д. Васильев и наследники, 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово академика РАН, научного руководителя Института востоковедения РАН В. В. Наумкина.....	9
Мой друг Дмитрий Васильев. <i>Иштван Зимоньи</i>	11
Предисловие составителей Т. А. Аникеева, А. Д. Васильев, Д. М. Тимохин, В. В. Тишин	13
Раздел 1. История востоковедения и тюркологии	21
Д. Д. Васильев. Казанская тюркологическая школа и исследования памятников древнетюркской письменности.....	23
Д. Д. Васильев. Биографические сведения об авторе «Путешествия в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» Е. Ф. Тимковском и его братьях	27
Д. Д. Васильев. Можно смело утверждать: отечественное научное востоковедение занимает одно из ведущих мест в мире.....	42
Раздел 2. Российско-турецкие отношения	51
Д. Д. Васильев. Российско-турецкий диалог в области древнетюркского источниковедения	53
Д. Д. Васильев. Древнетюркская эпиграфическая традиция в Малой Азии.....	56
Д. Д. Васильев, Ю. А. Аверьянов. Из истории Русского Археологического института в Константинополе (1894–1914).....	58

<i>Д. Д. Васильев.</i> Об опыте Российско-Турецкого учебно-научного центра РГГУ.....	63
<i>Д. Д. Васильев.</i> Император, султан и Ушак-паша. От боевого содружества к демократическим гарантиям.....	68
Раздел 3. Древнетюркская руника и археология.....	75
<i>Д. Д. Васильев.</i> Принципы палеографического исследования тюркских рун.....	77
<i>Д. Д. Васильев, Ю. И. Трифонов.</i> Руническая надпись из окрестностей Черби (Тува).....	83
<i>Д. Д. Васильев.</i> Нерасшифрованный графический вариант сибирской руники	87
<i>Д. Д. Васильев.</i> Имя, титул, род, тамга — информационный комплекс тюркских рунических надписей	90
<i>D. D. Vasilyev.</i> Versuch zur Lozung der Kerbinschrift aus dem Umgebung von Kalocsa im Spiegel der eurasischen parallelen.....	93
<i>Д. Д. Васильев.</i> Персоналии древнетюркских эпитафий: возможность источниковедческого анализа	101
<i>D. D. Vasilyev.</i> Sayan-Altay Asilzadelerinin kimlikleri hakkında Gök Türk Yazıtlarındaki bilgiler. Information in Orhon Inscription on the Identities of Sayan-Altai Nobles.	103
<i>Dimitri Vasilyev.</i> Sibirya Müzelerinde Bulunan Gök Türk Arkeolojik Koleksyonlar (Археологические коллекции древнетюркского времени, найденные в Сибири)	111
<i>Д. Д. Васильев.</i> Тюркские рунические надписи правобережья Улуг-Хема и создание базы данных эпиграфических источников	116
<i>Д. Д. Васильев.</i> Руноподобная надпись на костяной пластине из Калоча	126
<i>Dmitriy D. Vasilyev.</i> 1889 Yılında Orhun Yazıtlarını İlk Olarak Keşfeden N. M. Yadrintsev'in Arşivinden Bilinmeyen Anıt Kopyalar (Неизвестные копии памятников из архива Н. М. Ядринцева — первооткрывателя памятников древнетюркской письменности в 1889 г.)	134
<i>Д. Д. Васильев.</i> Евразийский ареальный аспект руноподобной культуры древних тюрков	136
<i>D. D. Wassilieff.</i> Alt-Türkische Runen-Inschriften auf den Chinesischen Metallspiegeln aus Minussinsk Museum (Древние тюркские рунические надписи на китайских металлических зеркалах из Минусинского музея)	149

<i>Д. Д. Васильев. Отчет об археологическом и этнографическом обследовании Тере-Хольского кожууна Республики Тыва в июле–августе 2007 г. востоковедческой изыскательской группой экспедиции «Крепость Пор-Бажын»</i>	157
<i>Д. Д. Васильев. Тюркские рунические надписи из урочища Кара-Булун и их орфографические особенности</i>	199
<i>Д. Д. Васильев. Corrigenda к дешифровке наскальной рунической надписи на утесе Городовая Стена</i>	204
Раздел 4. История и культура тюркских народов	211
<i>D. Vasilyev, O. Sertkaya. Çengiz Han'ın ciger kızartması ve Sibirya'da yaşayan Türk Halklarının Koyun Kesip Parçalama ve Et Yemekleri hazırlamada Kadim Gelenegi (Жареная печень для Чингисхана и древняя традиция приготовления мясных блюд из баранины у тюркских народов Сибири)</i>	213
<i>D. D. Vasilyev. Manas Destanı ve Kök Türk Yazısında anlan Askerlerin Savaş Kahramanlıkları (Эпос «Манас» и воинская доблесть в тюркской рунике)</i>	217
<i>Dimitri Vasiliev. The Culture of Writing and Literacy in Kok-Turkish Society</i>	218
<i>Dmitri D. Vasilyev. Kök Türklerin Okuma Yazma Bilimleri Sorunu (Проблема грамотности у древних тюрков)</i>	221
<i>D. D. Vasilyev. Göktürk Yazı Kültürünün Asya'nın Merkezinden Doğu Avrupa'ya Yolu (Путь письменной культуры древних тюрков из центра Азии в Восточную Европу)</i>	229
<i>Dmitriy D. Vasilyev. Güney Sibirya'da Göktürk Taş Heykellerinde Saç, Büyük ve Sakal Şekilleri (Прически, усы и бороды древнетюркских каменных изваяний из Южной Сибири)</i>	236
<i>Д. Д. Васильев. Кочевая аристократия енисейской периферии Каганата</i>	240
Раздел 5. Фотографии Д. Д. Васильева разных лет	247
Библиография трудов Д. Д. Васильева	265
<i>English Resume</i>	23
Благодарности	24

Вступительное слово академика РАН,
научного руководителя
Института востоковедения РАН
В. В. Наумкина

Тюркология — одна из наиболее интересных и сложных составляющих востоковедения, имеющая огромное историческое, социальное и культурное значение для нашей страны. Она занимает особое место в нашей отрасли науки и, вероятно, является первой из востоковедческих дисциплин, которые начали изучать в России в практическом плане. Энтузиастом отечественной тюркологии в Институте востоковедения РАН был трагически ушедший в этом году Дмитрий Дмитриевич Васильев.

Тюркология для российского востоковедения носит не только академический, но и важный прикладной характер, учитывая особенности исторического взаимодействия российского государства со странами и народами Востока. Работа отечественного тюрколога предполагает необходимость глубокого проникновения в иную этнокультурную среду, соблюдения закрепленных устоявшейся веками традицией норм и правил. Все это определяет высокие личностные и профессиональные требования к тюркологам отечественной школы.

Именно таким выдающимся профессионалом-тюркологом, энциклопедистом, сочетавшим навыки историка, филолога, этнолога и обладавшим высокими личными и деловыми качествами, был Дмитрий Дмитриевич. Он запомнится всем нам как уникальный специалист, обладавший широким кругозором, как отзывчивый и всегда готовый помочь коллега, не отказывавший в содействии и сочувствии. Возглавлявшийся им на протяжении многих лет Отдел истории Востока по праву считался одним из важнейших структурообразующих подразделений Института востоковедения.

Дмитрий Дмитриевич запомнится нам и как опытный экспедиционер, еще со времен студенческой молодости принимавший участие в деятельности одной из наиболее крупных российских научных экспедиций в Сибири — СТЭАН, 50-летний юбилей которой отмечался в 2015 г. Впоследствии Дмитрий Дмитриевич возглавит отдельную эпиграфическую экспедицию Института востоковедения РАН в Южной Сибири, которая принесла плодотворные результаты в виде многочисленных индивидуальных и коллективных монографий. Полевая работа, организация экспедиций и музеефикация памятников тюркской рунической письменности принесли ему широкую известность и многочисленные награды в России и за рубежом, а его родному Институту востоковедения — славу одного из всемирно признанных центров тюркологической науки.

Дмитрия Дмитриевича будут помнить и востоковеды России как прекрасного организатора науки. Именно благодаря его активной и энергичной деятельности состоялись и имели успех Всероссийские съезды востоковедов, ставшие местом встречи востоковедов со всех уголков России. За годы работы он подготовил 12 аспирантов, трое из которых в настоящее время — доктора наук.

Дмитрий Дмитриевич представлял собой образ настоящего подвижника русской науки, прекрасного специалиста, образцового семьянина, создавшего тюркологическую династию. Его внезапная кончина стала потрясением для всех нас, знавших его более 40 лет. Несмотря на его преждевременный уход, его дело — развитие тюркологии в России — продолжает жить и будет продолжено его учениками, идейными последователями и детьми.

Мой друг Дмитрий Васильев

Иштван Зимоньи (István Zimonyi)

Я имел честь лично знать Дмитрия Васильева, одну из самых выдающихся фигур современного российского востоковедения. Из знаменитых представителей традиции российской тюркологии и исследований по Центральной Евразии мне довелось быть знакомым с Миркасымом Усмановым, Булатом Кумековым, Сергеем Кляшторным и Дмитрием Васильевым, с которым у меня сложились также и личные дружеские отношения.

Впервые мы встретились в Будапеште в 1980-х годах, когда он выступал там с лекцией о тюркских рунических надписях. Впоследствии Дмитрий неоднократно посещал Будапешт и Сегед, где прочитал несколько лекций в Сегедском университете и даже вел целый курс по историографии российской тюркологии и средневековой истории кочевников Центральной Евразии. Я слышал его выступления на ряде международных конференций, в частности на Постоянной международной алтаистической конференции (Permanent International Altaistic Conference), в которой мы многократно принимали участие. Последний раз мы лично встречались в августе 2018 г. в Бишкеке, несколько раз ездили из Москвы в Казань, где участвовали в конференциях по истории тюркских народов Поволжья. Помню я и конференции, организованные Дмитрием Васильевым в Звенигороде и Майкопе.

Дмитрий Васильев регулярно возглавлял исследовательские экспедиции в Южную Сибирь, в основном в Туву, Хакасию и Горный Алтай, систематически собирая там тюркские надписи. Он опубликовал результаты своей работы и исследований в нескольких монографиях и многочисленных исследованиях, ввел собранный материал в

научный оборот в докладах и лекциях. Дмитрий также участвовал в проекте «Крепость Пор-Бажын», и мы впервые услышали его подробный доклад об этой уйгурской крепости на одной из лекций в Сегедском университете.

Дмитрий Васильев сыграл решающую роль в организации выставки «Наши предки и наши родственники. Восточные корни венгерской культуры» в Венгерском национальном музее (Будапешт) в 1994 г., курировавшейся венгерским археологом Иштваном Фодором (к сожалению, он также умер в 2021 г.). Материал был в основном отобран из по большей части неизвестных европейской публике коллекций музеев России и СНГ (Минск, Омск, Екатеринбург, Ижевск, Сыктывкар, Казань, Ставрополь, Москва, Санкт-Петербург).

В 1994 г. венгерские ученые задумали серию конференций под названием «Средневековые кочевники» («*Medieval Nomads*») в Университете Сегеда и привлекли к ее организации Дмитрия Васильева, внесшего большой вклад в успешное проведение этих форумов: он включил в проект коллег из России, а в 2013 году организовал пятую конференцию в Москве.

Помимо этого, вместе с Дмитрием Васильевым мы участвовали в нескольких совместных проектах, результатом которых стало составление трех томов: «Бюллетень (Newsletter) 9 Hungaro-Rossica» (М.: ИВ РАН, 2002); «Бюллетень (Newsletter) 12 Hungaro-Rossica» (М.: ИВ РАН, 2005); «Труды Института востоковедения РАН. Вып. 7: Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры» отв. ред. Д. Д. Васильев, сост. Д. Д. Васильев, Ю. И. Дробышев, И. Зимоньи. М.: ИВ РАН, 2018.

3 апреля этого года скончался еще один из самых выдающихся венгерских ученых-гуманитариев, наш друг и коллега Иштван Фодор, ведущая фигура венгерской археологии. Вместе с Дмитрием Васильевым они посетили множество важных исторических мест, участвовали в конференциях, организовывали выставки. Возможно, сейчас они вместе путешествуют по небесному Алтаю, разыскивая евразийские следы венгров и тюркоязычных народов.

Для меня большая честь и радость написать вступительное слово к сборнику статей Дмитрия Васильева. Статьи этого тома точно отражают основные направления его выдающихся научных интересов: тюркские рунические надписи, историография востоковедения в России и история культуры тюркоязычных народов.

Сегед, 31 мая 2021 г.

Предисловие

*Т. А. Аникеева
А. Д. Васильев
Д. М. Тимохин
В. В. Тишин*

В этом году мировая тюркология понесла невосполнимую утрату в лице выдающегося российского ученого, каковым являлся Дмитрий Дмитриевич Васильев. Однако каждый ученый продолжает жить благодаря своему научному наследию, и этот сборник статей Д. Д. Васильева является лучшим тому подтверждением. Многие и многие годы спустя исследователи будут обращаться к его работам, демонстрирующим блестящие способности ученого в самых разных областях тюркологии. Несмотря на разносторонние интересы и огромную эрудицию Дмитрия Дмитриевича, главным направлением его исследований всегда оставались памятники древнетюркской рунической письменности, и международное тюркологическое сообщество по праву признало его выдающимся специалистом в этой области.

В 1983 г. Дмитрий Дмитриевич защитил кандидатскую диссертацию «Палеографическая систематизация памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала» (научный руководитель — Э. Р. Тенишев), в том же году монографически изданную под названием «Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала» [Васильев, 1983а]. Тогда же был издан «Корпус памятников тюркской рунической письменности бассейна Енисея» [Васильев, 1983б]. Эти две работы навсегда вписаны в золотой фонд мировой тюркологии. Именно эта черта — всестороннее изучение памятников древнетюркской рунической письмен-

ности — характеризует все творчество Дмитрия Дмитриевича. Он исследовал эти тексты не только и не столько с их содержательной стороны, т. е. как собственно письменные источники на предмет закодированной информации, но прежде всего как историко-культурный феномен — продукт определенного общества, определенной эпохи. Его интересовали и палеографические характеристики памятников, и контекст их обнаружения, в частности сопровождавшие надписи тамги.

Изучение графических особенностей памятников древнетюркской рунической письменности — совершенно отдельная область, где Дмитрий Дмитриевич был одним из пионеров. Его вечным оппонентом был другой выдающийся отечественный тюрколог — И. В. Кормушин, который, в сущности, первым прямо поставил вопрос о возможности использования данных палеографии как исторических изысканий. Он придерживался мнения, что различия форм одних и тех же знаков древнетюркского письма в разных памятниках могут рассматриваться как показатель эволюции древнетюркской графики и, следовательно, могут выступать как хронологический признак [Кормушин, 1975]. Позиция Дмитрия Дмитриевича состояла в том, что вариативность форм одних и тех же знаков может объясняться более субъективными факторами — в первую очередь самой неровностью поверхности нанесения надписей и случайностью инструмента, не говоря уже о субъективных обстоятельствах (срывы руки) или особенностях писца. Это казалось Дмитрию Дмитриевичу более логичным, поскольку речь идет не о шрифте документов на бумаге, когда можно было бы говорить о палеографии [Васильев, 1983а. С. 19–20]. Дмитрий Дмитриевич предпочитал осторожно говорить о своего рода локальных «школах» письма, выявляемых по определенным ареалам распространения памятников, характеризующихся сопоставимыми традициями графики [Васильев, 1983а. С. 4, 70 сл.].

Дмитрий Дмитриевич специализировался на памятниках древнетюркской рунической письменности Енисейского бассейна, обнаруженных на территории Тувы, Хакасии, Красноярского края (как он упоминал в личных беседах, существовал определенный устный договор о своего рода «разделе сфер влияния» с Сергеем Григорьевичем Кляшторным, занимавшимся памятниками, расположенными на территории Монголии). Изданный в 1983 г. «Корпус памятников тюркской рунической письменности бассейна Енисея», ставший результатом многолетней кропотливой работы по обследованию памятников на местах их нахождения, включает фотографии, прорисовки и транслитерации обследованных текстов. В этой работе нет ни транскрипций, ни попыток чтения и перевода этих памятников. Эту работу Дмитрий Дмитриевич проводил отдельно, издавая статьи с вариантами прочтения некоторых текстов.

Появление в последующие годы книг И. В. Кормушина и Э. Айдына [Кормушин, 1997; 2008; Yıldırım et al., 2013, s. 15–277; Aydın, 2015] никоим образом не влияет на ценность работ Дмитрия Дмитриевича, посвященных прочтению и переводу памятников древнетюркской рунической письменности бассейна Енисея. Работы

И. В. Кормушина, также изучавшего памятники *in situ* и многократно «исправлявшего» идентификации знаков, сделанные Д. Д. Васильевым, вызывают у некоторых исследователей осторожное отношение и определенные сомнения в их корректности [Erdal, 2002]. Кроме того, в работах И.В. Кормушина почти нет публикации снимков и прорисовок перечисляемых памятников, тогда как Э. Айдын в своих прочтениях и вовсе основывается на снимках и прорисовках Дмитрия Дмитриевича. Кардинальные различия в трактовке одних и тех же текстов лишь снова демонстрируют, что дискуссия не завершена и сегодня.

«Корпус памятников тюркской рунической письменности бассейна Енисея» остается единственной работой, наиболее полно зафиксировавшей состояние вошедших в нее памятников. В последующем она может быть только дополнена ввиду такого объективного фактора, как обнаружение и введение в научный оборот новых текстов. Памятники древнетюркской рунической письменности неизбежно со временем подвергаются разрушению; причины тому — как естественная эрозия, так и, увы, антропогенный фактор. Памятники не могут избежать подобной участи даже в местах музейного хранения. Именно по этой причине «Корпус памятников тюркской рунической письменности бассейна Енисея» не устареет никогда.

Еще одно направление интересов Дмитрия Дмитриевича в исследованиях памятников древнетюркской рунической письменности — реконструкция биографий и генеalogий мемориантов енисейских текстов. Исследователь предложил соотнести свидетельства различных памятников с установлением генеалогических связей между отдельными упоминаемыми в них персоналиями. Соглашаться с этими построениями или нет — другой вопрос, но важно отметить, что разработки Дмитрия Дмитриевича являются одной из важнейших попыток реконструкции истории Тувы в древнетюркский период. Д. Д. Васильев планировал завершить монографическую работу на эту тему.

Однако Дмитрий Дмитриевич не ограничивался лишь изучением древних тюрков. Хотя главным направлением его деятельности было исследование древнетюркской рунической письменности, он внес значительный вклад и в развитие российско-турецких научных связей. Первая его поездка в Турцию состоялась в 1988 г., когда он был удостоен награды за высокие достижения в области изучения древнетюркской рунической письменности. С тех пор Д. Д. Васильев стал постоянным участником турецкой научной дискуссии об истоках истории и культуры древних тюрков. Участвуя в многочисленных научных мероприятиях, проводимых Турецким историческим или лингвистическим обществом, Дмитрий Дмитриевич всегда достойно представлял отечественную тюркологию и в целом Россию. Это было не всегда просто, особенно в момент крушения СССР в начале 1990-х годов.

Важным направлением в российско-турецких отношениях стала для Дмитрия Дмитриевича работа по публикации источников по истории двух стран, непосред-

ственно связанная и с основной темой работы ученого — исследованием памятников древнетюркской рунической письменности, поскольку их большая часть находится в России. Важной вехой в данном случае представляется сотрудничество с Турецким историческим обществом в рамках активно действовавшей в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Смешанной российско-турецкой комиссии историков. Эта работа послужила отправной точкой для публикации серии работ российских историков на турецком языке в турецкой печати и стала мощным стимулом для переиздания на турецком языке классиков отечественной тюркологии — В. В. Бартольда, В. В. Радлова, Л. З. Будагова, Н. А. Аристова, Н. Ф. Катанова, А. К. Казем-Бека и др. Кульминационной точкой этой работы стало завершение подготовки русского перевода речи Мустафы Кемала Ататюрка, в которой приняла деятельное участие многолетняя сподвижница Дмитрия Дмитриевича, его супруга и прекрасный переводчик, тюрколог-практик, Елена Александровна Васильева.

Одной из неотъемлемых и весьма значимых составляющих научной работы Д. Д. Васильева была организационная деятельность в Советском (Российском) комитете тюркологов в качестве секретаря конференции «Бартольдские чтения» и Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC в 1986 и 1988 гг.), председателя Совета молодых ученых ИВ АН СССР.

Советский комитет тюркологов был учрежден в 1973 г. постановлением Президиума Академии наук СССР при Отделении литературы и языка АН СССР. Его правопреемником стал Российский комитет тюркологов (РКТ) при ОИФН РАН под председательством И. В. Кормушина. Задачами РКТ (унаследованными от Советского комитета) являются координация научной деятельности тюркологов в нашей стране, осуществление организационных связей с тюркологами за рубежом, «издание материалов международных конгрессов и симпозиумов тюркологов, проводимых в Российской Федерации; разработка предложений о программах и участии российских ученых в международных конгрессах, симпозиумах и конференциях, информирование о ведущихся в России и зарубежных странах исследованиях и последних достижениях в области тюркологии, представляющей собой совокупность научных дисциплин, изучающих языки, литературы, фольклор, этнографию, историю народов и этнических групп, относящихся к тюркской языковой семье» [РКТ, 2021]. Дмитрий Дмитриевич входил в Бюро Комитета, ежегодно проводящего собрания (как правило, в феврале), на которых звучали научные доклады, посвященные различным вопросам тюркской филологии, лингвистики, эпиграфики, и обсуждались организационные вопросы. Д. Д. Васильев был активным участником этих обсуждений (о чем свидетельствуют протоколы заседаний РКТ), предлагал новые кандидатуры членов Комитета, способных поддержать его работу.

С 1991 г. Д. Д. Васильев являлся вице-президентом Общества востоковедов России, которое — под разными названиями и в разных формах — имеет более чем

вековую историю и ведет отсчет своего существования от приказа С. Ю. Витте 29 февраля 1900 г. («Об утверждении Устава Российского Общества Востоковедения»). Так, уже в советское время, с 1979 г. и распоряжения Е. М. Примакова, оно продолжило существование как Всесоюзная Ассоциация востоковедов АН СССР. Постановлением Президиума Академии наук в 1993 г. Общество востоковедов России стало преемником Всесоюзной Ассоциации востоковедов АН СССР. Под фактическим руководством Дмитрия Дмитриевича ОВ организовывало и проводило съезды востоковедов в Москве, Улан-Удэ, Санкт-Петербурге, Казани, Уфе, Элисте и Майкопе. Кроме того, с 1997 г. Общество востоковедов издавало «Бюллетень Общества востоковедов России» с приложениями (на сегодняшний день — 34 тома), где публиковались отчеты об экспедициях, полевой работе и исследовательские статьи.

Во многом благодаря личным связям и организаторскому таланту Д. Д. Васильева в Москве, в Институте востоковедения, в 2004 г. был проведен масштабный XXXVII ICANAS — Международный конгресс азиатских и североафриканских исследований (Д. Д. Васильев являлся генеральным секретарем конгресса).

Долгие годы Дмитрий Дмитриевич был вдохновителем и отчасти соорганизатором серии международных конференций «Средневековые кочевники. История и культура Евразийских степей» (Сегедский университет, Венгрия), посвященных истории и источниковедению средневековых кочевников Евразии. Совместно с Обществом востоковедов России в 2002, 2005 и 2008 гг. по материалам конференций были изданы сборники, получившие общее название «Hungaro-Rossica».

Надо сказать, что в сферу исследовательских интересов Д. Д. Васильева входила и материальная культура всего тюркского мира Евразии. Так, в 1995–1996 гг. Дмитрий Дмитриевич и Общество востоковедов организовали этноархеологическую выставку «Восточные истоки культуры народов Европы (по следам Атиллы)». Выставка, на которой были представлены экспонаты из российских музеев, проехала по нескольким европейским городам, останавливаясь в Австрии и Венгрии.

Ученого интересовали не только объекты культурного наследия древних тюрков Южной Сибири, но и историко-архитектурные памятники Османской Турции (включая Балканы, Крым, Кавказ и Закавказье), Центральной Азии и Русского Туркестана — караван-сарай, медресе, мечети, музейные экспонаты, панорамы городов, запечатленные на фотоснимках экспедиций востоковедов и путешественников, военных, выполнявших «служебные и частные поездки и владевших навыками искусства фотографии, которая в то время была уделом немногих» [Васильев, Длужневская, 2010]. Этот обширный фотоматериал, содержащийся в архивах РАН, Российского этнографического музея, фондах Русского географического общества и Институте истории материальной культуры, был предметом особого научного интереса Д. Д. Васильева: в 2005 году совместно с Г. В. Длужневской и М. Е. Малевинской он выпускает альбом «Православные святыни Балкан» [Васильев и др., 2004], совместно с Г. В. Длужневской

и видным деятелем крымско-татарского движения в Турции Х. Кырымлы — «Крым в прошлом в старых фотографиях» (этот альбом на двух языках — русском и турецком — под эгидой Турецкого исторического общества выдержал два издания — в 2006 и 2017 гг.), в 2013 г. — монографию на русском, турецком и английском языках «Из Центральной Азии в Анатолию. Город и человек» [Васильев и др., 2006; 2013], вобравшую в себя около 400 фотографий памятников тюркской мусульманской и христианской культуры Центральной Азии, Кавказа и Анатолии из российских архивов.

В 2017 г. при участии Д. Д. Васильева и Института востоковедения РАН в РГГУ была организована большая выставка «Наследие Сельджуков» и симпозиум, посвященный историко-культурному наследию династии Сельджукидов. Экспозиция выставки представляла собой фотографии архитектурных памятников Ближнего и Среднего Востока (Иран, Турция, Сирия, Туркменистан), связанных с династией Сельджуков, а также имитации произведений сельджукского искусства.

Еще одним направлением деятельности Дмитрия Дмитриевича было преподавание турецкого языка и тюркологических дисциплин в РГГУ, которому он отдавал много времени и сил. Дмитрий Дмитриевич был не согласен с традиционно сложившимся разделением отечественных исследователей тюркских народов на тюркологов и тюркологов и придерживался точки зрения о том, что тюркология — это комплексная исследовательская дисциплина, для которой важно как знание современных реалий Турции, так и понимание исторических закономерностей развития тюркских языков, тюркской истории и культуры. Он прилагал значительные усилия для подготовки нового поколения специалистов, способных совмещать знание турецкого языка и работу в тюркских регионах России и постсоветского пространства.

Дмитрий Дмитриевич стал заметной фигурой российско-турецких гуманитарных отношений. Он сыграл большую роль в их укреплении и создании в Турции имиджа России как великой научной державы, обладающей прочными историческими связями с тюркским миром, поэтому в сборник вошли некоторые статьи Дмитрия Дмитриевича, посвященные российско-турецким отношениям и тюркологическому образованию в России.

В настоящем издании мы постарались отразить основные области научных интересов Дмитрия Дмитриевича Васильева, объединив его статьи разных лет по нескольким разделам*.

---

* Ввиду особенностей перепечатки редких статей, издававшихся в различных журналах и сборниках, мы сохраняем в этом томе исходный справочный аппарат, систему ссылок и даже особенности написания имени и фамилии автора. Для удобства соотнесения использованных Д. Д. Васильевым и зачастую транслитерированных латиницей библиографических позиций в конце тома дается сводная библиография трудов ученого.

Раздел 1 назван «История востоковедения и тюркологии». В этот раздел включены статьи Д. Д. Васильева, посвященные деятельности Общества востоковедов, формированию научных школ в российской тюркологии, а также истории изучения и дешифровки древнетюркской рунической письменности.

Второй раздел сборника составляют статьи ученого, тематически связанные с развитием русско-турецких отношений и проблемами тюркологического образования в нашей стране.

В третий раздел, «Древнетюркская руника и археология», включены работы Д. Д. Васильева по изучению памятников древнетюркской рунической письменности. Раздел составляют статьи и тезисы докладов Д. Д. Васильева по древнетюркской эпиграфике, связанные с проблемами палеографии, расшифровки памятников Южной Сибири и Монголии, а также созданием баз данных эпиграфических источников.

Четвертый раздел, «История и культура тюркских народов», объединяет статьи, посвященные истории, обычаям, верованиям и культуре древних тюрков и тюркских народов Сибири. Так, сюда вошла статья, написанная Д. Д. Васильевым совместно с О. Ф. Серткай и посвященная кулинарным традициям древних тюрков-кочевников и преемственности этой традиции («Жареная печень у Чингис-хана и древняя традиция приготовления мясных блюд из баранины у тюркских народов Сибири»); статья, изданная на основе семинара, проходившего в Университете Мармара в Стамбуле, — «Прически, усы и бороды древнетюркских каменных изваяний из Южной Сибири» и некоторые другие. Эти работы позволяют взглянуть на культуру древних тюрков по-новому, с иного, более «этнографического», ракурса. Как правило, эти тексты выходили в Турции на турецком языке в 1990-е — начале 2000-х годов. Ныне сборники этих статей представляют собой библиографическую редкость.

Отдельную часть сборника составляют фотографии Д. Д. Васильева разных лет — это прежде не публиковавшиеся снимки из его экспедиций, с симпозиумов и конференций.

Смеем надеяться, что, обратившись к этому сборнику, читатель сможет увидеть не только пример плодотворной научной деятельности, но и благодаря опубликованным здесь исследованиям воссоздать для себя портрет выдающегося ученого-тюрколога. Именно это является важнейшей задачей, которую преследовали составители сборника, а также все друзья и коллеги Дмитрия Дмитриевича Васильева.

Литература

Васильев Д. Д. *Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации)*. М.: Наука, 1983а.

Васильев Д. Д. *Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея*. Л.: Наука, 1983б.

Васильев Д. Д. *Из Центральной Азии в Анатолию. Город и человек*. Иллюстрированная монография по истории отечественного востоковедения (на русском, английском и турецком). Анкара, 2013.

Васильев Д. Д., Малевинская М. Е., Длужневская Г. В. Православные святыни Балкан: [альбом]. СПб.: Невский мир, Лики России, 2004.

Васильев Д. Д., Длужневская Г. В., Кырымлы Х. Крым в прошлом в старых фотографиях. *Eski fotoğraflarda bir zamanlar Kırım*. Анкара: Türk Tarih Kurumu, 2006. Серия XXXI, № 9.

Васильев Д. Д., Длужневская Г. В. Города Османской Турции на старинных фотографиях, выполненных российскими учеными. *Османский мир и османистика (к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой)*. М.: ИВ РАН, 2010. С. 195–205.

Кормушин И. В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии. *Советская тюркология*. 1975. № 2. С. 25–48.

Кормушин И. В. *Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования*. М.: Наука, 1997.

Кормушин И. В. *Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология*. М.: Наука, 2008.

Российский комитет тюркологов. URL: <http://www.turcologica.org/rossijskij-komitet-turkologov> (дата доступа: 25.07.2021).

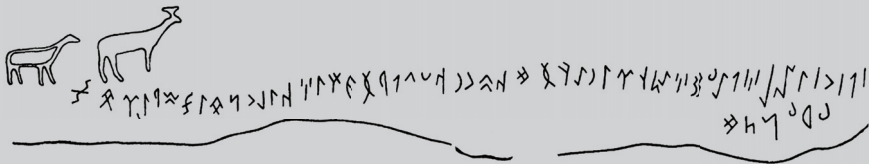
Aydın E. *Yenisey Yazıtları*. Konya: Kömen Yayınları, 2015.

Erdal M. Anmerkungen zu den Jenissei-Inschriften. *Splitter aus der Gegend von Turfan. Festschrift für Peter Zieme anlässlich seines 60. Geburtstags* / ed. M. Ölmez, S.C. Raschmann. İstanbul; Berlin: Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi, 2002. S. 51–73.

Yıldırım F., Aydın E., Alimov R. *Yenisey — Kirgizistan Yazıtları ve Irk Bitig*. Ankara: Bilge Su, 2013.

Раздел 1

ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И ТЮРКОЛОГИИ

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

КАЗАНСКАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ¹

Эпиграфические памятники тюркской руники являются древнейшими образцами тюркской письменности культуры и ценнейшими источниками по истории тюркских народов. В тюркской рунологии существует хронологическое определение «радловского периода», которое можно считать фундаментом всех последующих, в том числе и современных, исследований в этой отрасли тюркологии.

Проследив истоки этих научных интересов В. В. Радлова и его последующих открытий, можно убедиться, что первый интерес ученого к тюркским руническим надписям (как они значительно позже стали именоваться) проявляется в период его жизни и работы в Казани. Здесь была завершена его работа «Aus Sibirien», где в описании своих археологических исследований на Алтае он упоминает найденный им в Курайской степи серебряный сосуд с неведомыми письменами. Причем именно здесь, более чем за 15 лет до открытия орхонских надписей, он предполагает связь этой находки с другими известными ранее, но также неведомыми надписями Сибири, о которых сообщали землепроходцы и служивые люди со второй половины XVII в.

---

¹ Опубликовано в: *Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы*. Казань, 1997. С. 11–15.

Одним из первых образованных путешественников по Сибири был Николай Гаврилович Спафарий Милеску, возглавивший в 1675 г. русское посольство в Китай. По возвращении в 1678 г. он представил в Посольский приказ несколько географических трудов, в одном из которых передает рассказы местных казаков о верховьях Енисея: «А до Большого порогу не доезжая есть место, утес каменный по Енисею. На том утесе есть вырезано на камне неведомо какое письмо... и никто не ведает, что писано и от кого». Описание совпадает с единственным местом, где в 1977 г. нами была зафиксирована тюркская руническая надпись. Полагаю, что именно это упоминание следует считать первым научным известием о памятниках древнетюркской письменности.

Следующие сведения появляются в конце XVII в. в книге амстердамского бургомистра Н. Витзена «Северная и Восточная Тартария» и в «Чертежной книге Сибири» Семена Ульяновича Ремизова. И только уже после этого появляются первые издания образцов этих надписей в отчетах о путешествиях по Сибири Д. Г. Мессершмидта и Ф.-И. Табберта Страленберга в 1730 г. и введение последним в научный обиход термина «сибирские руны». В Архиве императорской Кунсткамеры имеется записка секретаря Петра I Макарова о передаче туда на хранение серебряного зеркала и чаши с сибирскими письменами.

По распоряжению Екатерины II сибирский генерал-губернатор Якоби скопировал пять рунических надписей на Енисее; и одну из них издал П. С. Паллас.

Новый этап освоения наукой рунических памятников связан с именем Г. И. Спасского, опубликовавшего в издаваемом им журнале «Сибирский вестник» известные к тому времени рунические надписи. Именно таблица с надписями под названием «Древности Сибири» была по просьбе графа Н. П. Румянцева переведена академиком И. Ф. Кругом на латинский язык и издана в 1822 г.

Латинский перевод публикации Г. И. Спасского вызвал отклики и толкование надписей французским востоковедом Абель Ремюза и немцем Г. Ю. Клапротом, который пытался сделать их расшифровку с помощью одного из греческих алфавитов.

С 1859 по 1871 г. учитель Барнаульского горного училища В. В. Радлов в ходе полевых исследований, в которых ему много помогала жена П. А. Фромм, накапливает богатый и разнообразный лингвистический, фольклорный, этнографический и археологический материал. Именно этот фонд позволил ему впоследствии удивительно точно передать реалии язы-

ка, исторических событий и духовного мира древних тюрков при переводе орхонских и енисейских памятников.

С 1871 по 1884 г. В. В. Радлов работает в Казани инструктором татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа. В этот период В. В. Радлов имеет возможность пользоваться библиотекой университета и участвует, как он сообщает в письмах к Армину Вамбери, в научных заседаниях ориенталистов. Но, к сожалению, кафедра ориенталистов в этот период прекращает свое существование, и это, по-видимому, стало причиной того, что В. В. Радлову не удалось широко применить в Казани свои познания в области тюркских языков. Летом 1877 г. он участвует в заседаниях IV съезда археологов в Казани в секции памятников языка и письма. В частности, обсуждает вместе с китаистом, академиком В. П. Васильевым, изображения комплекса Тамгалы-Таш на р. Или. Сохранились и его заметки о беседе с В. П. Васильевым во время поездки в село Успенское (Болгары) 11–12 августа.

Опубликовавший атлас сибирских древностей с воспроизведениями нескольких енисейских надписей, которые не были еще не только не расшифрованы, но и этнически не атрибутированы, В. В. Радлов весьма высоко оценивает деятельность Казанского университета и делится этим мнением с В. П. Васильевым. Впоследствии в письме к В. В. Радлову В. П. Васильев, выражая благодарность за полученное от него поздравление в связи с 50-летием его научной деятельности, вспоминает их встречу в Казани и пишет: «Меня больше всего порадовал Казанский университет (речь идет о поздравлении, направленном ученому и врученному профессорами Казанского университета Д. А. Корсаковым и И. Ф. Готвальдом — *Д. В.*); все же родной университет, который меня приютил, поставил на ноги и благословил».

Вскоре после переезда В. В. Радлова в Петербург в истории тюркологии происходит крупнейшее открытие. В 1889 г. Н. М. Ядринцев обнаружил в урочище Кошо-Цайдам на р. Кокшин-Орхон две большие рунические надписи. По следам Н. М. Ядринцева отправились две большие экспедиции: финская, которой руководил Аксель Олай Гейкель в 1890 г., и русская, снаряженная Императорской Академией наук во главе с В. В. Радловым. Им выполнены факсимильные копии с тюркско-китайских билингв, руководителем одной из групп экспедиции Д. А. Клеменцем выполнены копии более двух десятков енисейских надписей, а его женой Елизаветой Николаевной Клеменц обнаружен третий крупный памятник в честь Тоньюкука.

После издания атласов рунических надписей материала оказывается достаточно, чтобы приступить к расшифровке загадочных надписей, в которых первоначально видели наследие готов, финно-угров, греков, скифов, славян

и др. Знакомство В. В. Радлова с В. П. Васильевым получает плодотворное продолжение в виде сотрудничества в переводе надписей: В. В. Радлова — с древнетюркского, В. П. Васильева — с китайского. Именно переводы В. П. Васильева позволили установить по китайской части билингв имена героев памятников — принца Кюль-тегина и Бильге-кагана. Как известно, именно идентификация в обоих текстах имен тюркских правителей ускорила процесс дешифровки памятников тюркской рунической письменности.

После расшифровки В. Томсеном и прочтения В. В. Радловым и его учеником П. М. Мелиоранским крупнейших рунических текстов фонд находок руники продолжает пополняться. В результате раскопок в Восточном Туркестане А. Грюнведеля, А. фон Лекока, А. Стейна, С. Ф. Ольденбурга становятся известными фрагменты рунических текстов на бумаге и мелких предметах. В. Л. Котвич находит большую надгробную стелу в честь Кули-чура. Г. Рамстедт обнаружил два крупных текста в Монголии. Затем последовали более мелкие надписи и фрагменты.

В. В. Радлов хотя и продолжает работать над памятниками, найденными Котвичем и Рамстедтом, но увлекается новыми материалами из Восточного Туркестана — древнеуйгурскими рукописями.

Однако древнетюркские исследования В. В. Радлова в Казани оставляют след. Древнетюркская мифология, письменные памятники являются темой лекций в Казанском университете ученика В. В. Радлова Н. Ф. Катанова, а эти лекции посещает учащийся Казанской духовной Академии по разряду татарского и арабского языков С. Е. Малов.

В 1904 г. С. Е. Малов поступает на арабо-персидско-турецко-татарский разряд Факультета Восточных Языков Санкт-Петербургского университета, где занимается у проф. В. Д. Смирнова, П. М. Мелиоранского, В. А. Жуковского, И. А. Бодуэна де Куртенэ, С. К. Булича. Но его «приватным руководителем» на всю жизнь становится В. В. Радлов.

С. Е. Малов прокомментировал и дополнил переводы древнетюркских текстов, многие опубликовал впервые. Исследования С. В. Малова в области тюркской рунологии были итогом его длительных экспедиций в Восточный Туркестан, Китай и Южную Сибирь, по возвращении из которых он вел педагогическую работу в Казани. По определению академика А. Н. Кононова, «представитель казанской тюркологической школы С. Е. Малов вошел в историю науки как выдающийся знаток древнетюркских — рунических и уйгурских — памятников и как выдающийся педагог-тюрколог, из школы которого вышли почти все современные тюркологи старшего и среднего поколений», независимо от их концептуально различных рунологических воззрений.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
«ПУТЕШЕСТВИЯ В КИТАЙ
ЧЕРЕЗ МОНГОЛИЮ В 1820 И 1821 ГОДАХ»
Е. Ф. ТИМКОВСКОМ И ЕГО БРАТЬЯХ²

Одним из известнейших описаний Монголии и Китая на русском языке, составленных в начале XIX века, является путевой дневник чиновника Азиатского департамента Министерства иностранных дел Егора Федоровича Тимковского, совершившего по поручению сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского путешествие в Пекинскую православную миссию и принявшего впоследствии горячее участие в драматической судьбе доставленного в С.-Петербург настоятеля миссии, замечательного ученого-синолога Никиты Яковлевича Бичурина (о. Иакинфа). Единственное издание на русском языке «Путешествия в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» Е. Ф. Тимковского на длительный период стало в России одним из самых популярных источников по истории, культуре, обычаях и повседневной жизни Монголии и Цинского Китая, по истории русско-китайских отношений и истории Русской духовной миссии в Пекине, руководителем которой в то время был известнейший исследователь, один из основоположников русской синологии Иакинф (Н. Я. Бичурин).

² Опубликовано в: Тимковский Е. Ф. *Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах*. М.: ИВ РАН, 2017. С. 6–19.

В записках опубликован целый ряд важных документов того времени и, что особо важно, включены оригинальные исследования автора (его «Взгляд на Монголию» занимает большую часть третьего тома «Записок») и одно из наиболее ранних жизнеописаний Будды на русском языке («Жизнь Шигемунья»), что делает труд Е. Ф. Тимковского важным вкладом в отечественное востоковедение.

Записки Е. Ф. Тимковского получили широкую популярность сразу же после их первой публикации на русском языке. Вскоре после издания «Путешествия» на русском языке были подготовлены и опубликованы переводы его сочинения на английский (Timkowski G. *Travels of the Russian Mission through Mongolia to China*. 2 vols. London, 1827.), французский (Timkovski, Egor Fedorovich; *Voyage a Péking, a travers la Mongolie, en 1820 et 1821*. Edited by Julius von Klaproth. 3 volumes, including Atlas. Paris, 1826–1827), голландский и немецкий языки (Timkowski, G. *Reis naar China, door Mongoluje, gedurende de jaren 1820 en 1821*. Bd. I–III. Bohn, 1826. Timkowski G. *Reise nach China durch die Mongolei in den Jahren 1820 und 1821*. 3 Bde. Wien, 1826). Эти издания так же, как и первое оригинальное издание на русском языке 1824 г., в настоящее время являются библиографической редкостью и стали малоизвестными нашим современникам. Однако востребованность и научная ценность труда явились основой для переиздания переводов работы Е. Ф. Тимковского на английский (Gregg Publishing, 1973) и французский (Voyage à Pékin / George Timkovski; avertissement de Jacqueline Thevenet. Paris: Kimé, 1993) языки.

Несмотря на это, читателям и даже специалистам остается очень малоизвестным сама личность Е. Ф. Тимковского, его окружение, его общественная и служебная деятельность как чиновника Азиатского департамента МИДа России, чьи заслуги и способности высоко ценились такими видными политическими деятелями, как, например, М. М. Сперанский.

Егор Федорович Тимковский являлся представителем известного дворянского рода Тимковских. Каждый из его пяти братьев — Иван, Илья, Василий, Роман и Егор — оставил свой след в истории отечественной науки и литературы. Ниже приводятся сведения о братьях Тимковских из «Русского биографического словаря» (СПб., 1905–1918. ТТ. 1–38) и библиография работ об их жизни и деятельности (в цитатах сохраняются орфография и пунктуация оригинала — Д. В.):

«Тимковский, Иван Федорович³, поэт и переводчик конца XVIII и начала XIX столетия, учился в Киевской духовной академии, окончил Московский

³ О нем: Киевская Старина, 1891, август. С. 215; Неустроев А. Н. *Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 включ.* СПб., 1875. С. 771, 773, 774, 779, 780, 816; Сопиков В. *Опыт российской библиографии*. СПб., 1813–1831. Ч. 3. С. 79,

университет с тремя медалями. Служил в канцелярии графа Воронцова, а потом в комиссии сочинения законов. Умер молодым, на 30-м году. Т. переводил с немецкого и английского языков и помещал свои оригинальные стихотворения и переводы в повременных изданиях того времени. В «Приятном и полезном препровождении времени» им помещено за 1796 г. «К пышной гробнице (ч. XII. С. 97); за 1797 г.: «Мысли прекрасной вдовы о цветах», перев. с немецк. (ч. XIV. С. 17), «Выписки из арабской рукописи» (ч. XIV. С. 38), «Суд», перев. с нем. (ч. XIV. С. 49), «Подобие лица, истинное происшествие в Германии» (ч. XV. С. 49); за 1798 г.: «Приятный вечер при лунном сиянии», перев. с нем. (ч. XIX. С. 209), «Утро в Вильденфельде, перев. с нем. (ibid. С. 363), «Маркелл из Сиракуз», из Т. Ливия, кн. XXV, гл. 24 (ibid.. С. 382), «Милый кавалер» (ч. XX. С. 20), «Кончина Фокшнова» стих. (ibid.. С. 125), «К луне», стих. (с. 140). В «Ипокрене» за 1799 г.: «Сцены 31 декабря 1798 г.», стих. (ч. I. С. 125), «Утомленный странник» (ibid.. С. 151). Свои журнальные статьи подписывал сокращенным именем *И-Тмквск.* или *Т-й*. Кроме того, Т. отдельно издал: «Природа и любовь», соч. Мильтенберга, перев. (Москва, 1799), «Жизнь Екатерины Великой», соч. барона Танненберга (Москва 1801, 2-е изд. Спб., 1804), «Секретарь новый или полный письмовник, содержащий в себе полное наставление, как должно образовать себя в письменном слоге», 2 части (Москва, 1801), «Полное собрание сочинений Геснера», 4 части (Москва, 1802–1803)».

«Тимковский Илья Федорович»⁴, профессор российского правоведения Харьковского университета, директор Новгородсеверской гимназии, педагог

80, № 3977–3978. Ч. 4. С. 223. № 9040–9041. С. 365; № 10186. С. 464; № 11009. Ч. 5. С. 185; № 13103; Геннади Г. *Справочный словарь о русских писателях и ученых*. Берлин, 1880. Т. II. С. 373; *Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина*. СПб., 1828. С. 163, № 2192. С. 213, № 2813. С. 485; № 6171. С. 663, № 9288; *Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова*. СПб., 1820. № 3097. С. 264; Карцов В. С., Мазаев М. Н. Опыт словаря псевдонимов русских писателей. СПб., 1891. С. 127; *Энциклоп. словарь Эфрона*. 1-е изд. Полут. 65. С. 184.

⁴ О нем: Воспоминания И. Ф. Тимковского. *Москвитянин*. 1852. Ч. 5. № 17, 18, 20; *Русский архив*. 1874. № 6; Шугуров Н. В. И. Ф. Тимковский. педагог прошлого времени. *Киевская Старина*. 1891. Август. С. 212; сент. С. 375; октябрь. С. 82; *Энциклоп. словарь Эфрона*. 1-е изд. Полут. 65. С. 184; Багалей Д. И. *Опыт истории Харьковск. университета*. Харьков, 1894; Лавровский Н. А. В. Н. Каразин и открытие Харьковск. Университета. *Журн. Мин. Народ. Просв.*, 1872. Январь. С. 78, 84, 87, 92; февраль. С. 197, 202, 212–214, 242; Лавровский Н. А. Из первоначальной истории Харьковск. университета. *Журн. Мин. Народ. Просв.*, 1869. Октябрь. С. 242–245, 247; Фойгт К. *Историко-статистические сведения об Имп. Харьковск. унив.* Харьков, 1859. С. 140, 141, 143; Багалей Д. И. Характеристика просветительной деятельности Харьковск. унив. *Русская Школа*. 1892. № 10. С. 21; № 11.

и писатель, родился 15 июля 1772 или 1773 г. в Переяславле (Полтавской губ.). В 1777 г. семья Тимковских переехала в свое имение в Золотоношскую сотню, а затем в село Згарское. Четыре года Т. обучался дома, некоторое время вместе с сестрой и двойродными братьями у монахинь Золотоношского Блговещенского женского монастыря, устроивших у себя нечто вроде маленького пансиона. В 1781 г. его определили в Переяславльскую семинарию, а затем в 1785 г. Тимковский поступил в Киевскую духовную академию. Из академии ежегодно поступало несколько человек в Московский университет; они писали своим товарищам о профессорах, занятиях в университете, московской жизни. Известия эти побудили Т. по окончании академии, в сентябре 1789 г., отправиться в Москву и поступить в университет. Университетский курс Т. прошел блестяще. Он получил за представленные сочинения 2 серебряные медали, в 1790 и 1792 гг., по философскому факультету, и серебряную и золотую, в 1793 и 1795 гг., по юридическому факультету. Больше всего Т. занимался правоведением. «Кончив первый курс, — пишет он в своих «Воспоминаниях», — я предался правам и политике, удержал только прикладную математику, по любви моей: знание побочное, но которое на веку часто было мне пригодно». Будучи студентом, Т. сотрудничал в газетах и журналах того времени, помещая стихи и статьи в прозе, как переводные, так и оригинальные, за подписью *И-я Тмквск.* Одно из его стихотворений, помещенное в № 1 «Московских Ведомостей» за 1797 г., обратило на себя внимание куратора университета, князя Ф. Н. Голицына.

В 1797 г. Т. окончил курс университета. В это время генерал-прокурор князь А. Б. Куракин обратился в университет с просьбой доставить ему двух

С. 11, 15, 17; Пекарский П. Русские мемуары XVIII в. *Современник*. 1855. № 4. С. 80–82; *Рославлев-Петровский А. П.* Об ученой деятельности Харьковск. Университета. *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1855. Ч. LXXXVII. С. 2, 4, 8, 11, 12, 28, 31; *Роммел К. Д.* Пять лет из жизни Харьковского унив. Харьков, 1868. С. 60; *Харьковский сборник*. 1889. С. 142; 1890. С. 116, 119; *Русский Архив*. 1869. С. 1547; Воспоминания М. К. Чалого. *Киевская Старина*. 1889. № 3. с. 620; № 4. С. 232; № 5. С. 327–335; № 6. С. 15–32; № 7. С. 157–176; № 8. С. 443–444; Межов В. И. *История всеобщей и русской словесности*. СПб., 1872. С. 482, № 12838; Межов В. И. *Русская историческая библиография за 1800–1854 гг.* СПб., 1893. Т. II. С. 248, № 17868; Ламбины П. и Б. *Русская историческая библиография 1855 г.* СПб., 1861. С. 46. № 448; Гениади Г. *Справочный словарь о русских писателях и ученых*. Берлин, 1880. Т. 2. С. 47; Неустров А. Н. *Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг.* СПб., 1875. С. 768, 806, 834; *Роспись российским книгам из библиотеки для чтения А. Смирдина*. СПб., 1828. С. 451, № 572. С. 503, № 6439; Сопиков В. *Опыт российской библиографии*. СПб., 1813–1831. Ч. 3. № 4387; Ч. 5, № 11247; Карцов В. С., Маззев М. Н. *Опыт словаря псевдонимов русских писателей*. СПб., 1891. С. 127; *Русская Старина*. 1875. Сентябрь. С. 195; *Биографич. словарь юрид. фак. Харьк. ун-та*, 1903.

сведущих правоведов; конференция в числе этих двух выбрала и Т. В начале 1797 г. Т. уехал в Петербург и 7 февраля того же года назначен преподавателем российского правоведения в сенатский юнкерский институт, а в 1801 г. определен секретарем сената. Здесь им составлено было «Систематическое расположение законов российских» — первый опыт систематизации русских законов. За это сочинение он в августе 1802 г. награжден был бриллиантовым перстнем, само же сочинение передано было в Комиссию сочинения законов через графа П. В. Завадовского. Последний предложил ему поступить в самую комиссию, но Т. отказался. В том же 1802 г., когда образованы были министерства, Т., по предложению назначенного тогда министром юстиции Г. Р. Державина, занял должность юрисконсульта при департаменте Министерства юстиции. Здесь он составил, по поручению Державина, «Проект третейского совестного суда». В этой должности Т. пробыл недолго, около 4 месяцев. В январе 1803 г. он получил два предложения: одно от Дерптского университета — занять в качестве ординарного профессора кафедру российского правоведения, другое — от назначенного попечителем Харьковского учебного округа графа С. О. Потоцкого — сделаться профессором Харьковского университета, который еще предстояло открыть. Желая быть ближе к родине, он принял последнее предложение. Вместе с тем на него возложена была обязанность визитатора учебных заведений Харьковского округа. В июне 1803 г. Т. переселился в Харьков. На его долю выпало немало труда в деле приготовления открытия университета, так как В. Н. Каразин принужден был выехать из Харькова в Петербург. Т. заботился о приискании и приготовлении здания для университета, о сборе пожертвований и т. п. В марте 1804 г. с приездом Потоцкого был образован Комитет университета, в который вошел и Т.; к торжественному открытию университета он составил церемониал и сочинил для этого случая стихотворение. Читал Т. «российское право, не только гражданское и уголовное, но также общее и частное, вместе с историей оных». Лекции его отличались витиеватостью и вычурностью языка и с большим трудом усваивались студентами. Больше всего деятельность Т. проявлялась в визитации учебных заведений обширного в то время Харьковского округа. О результатах своих ревизий он представлял подробные отчеты, хранящееся в архиве Харьковского университета, попечителю или его заместителю Н. Н. Новосильцеву. По словам Лавровского, в этих отчетах заключается обильный материал для истории учебных заведений Харьковского округа. «Едва ли, — говорит Лавровский, — какой город ускользнул от посещения Тимковского; из отчетов его можно видеть, с каким участием и любознательностью относился он к разным сторонам и явлениям тогдашней провинциаль-

ной жизни, хотя бы вовсе и независимым от непосредственно порученного ему дела. Он проверял при ревизиях не только познания учеников, но и учителей, проектировал устройство при университетах краткосрочных педагогических и методологических курсов для учителей низших учебных заведений, высказывался в своих отчетах за широкое распространение грамотности среди крестьян». При содействии Т. были устроены вновь открытые Харьковская, Черниговская, Екатеринославская, Воронежская, Новгородсеверская, Таганрогская и Одесская гимназии и уездные училища в тех же губерниях. Т. состоял членом правления университета, членом училищного и цензурного комитетов; кроме того, в 1807, 1810 и 1811 гг. он был деканом Отделения нравственно-политических наук, а в 1810 г. назначен был членом комитета «для испытания чиновников и преподавания наук молодым людям, обязанным гражданской службой», причем составил программу испытаний по праву и государственному хозяйству. В 1805 г. Московский университет признал его доктором прав *honoris causa*, а в заседании 18 декабря 1804 г. то же сделал и Харьковский университет. В 1811 г. Т. подал прошение об отставке и был уволен из университета. При этом совет университета, перечислив все заслуги Т., счел нужным заключить, что «университет всегда с величайшей признательностью будет вспоминать, что устройство весьма многих училищ в округе университета, теперь цветущих, обязано благоразумию, усердию, неутомимому труду проф. Тимковского» (в заседании 15 июля 1811 г.). За время службы при университете были напечатаны три его речи: «О бывших в России поместьях и поместном праве» («Речи, говоренные в торжественном собрании Харьк. унив. 30 июня 1810 г.», Харьков, 1811), «О применении знаний к состоянию и цели государства» (тоже, от 17 января 1808 г., Харьков, 1808). «Опытный способ к философическому познанию русского языка» (Харьков, 1811).

По выходе в отставку Тимковский поселился в своем имении Турхановке, Черниговской губ. 18 августа 1812 г. он был избран членом дворянского комитета, снаряжавшего ополчение во время Отечественной войны, и состоял в нем по 2 января 1815 г. С 1815 г. служил по выборам два трехлетия Глуховским уездным судьей. В 1825 г. вновь назначенный попечитель Харьковского учебного округа А. А. Перовский предложил ему занять должность директора Новгородсеверской гимназии. В первые годы заведывания Т. гимназией произошло некоторое уменьшение числа учеников в ней ввиду строгости экзаменов, как вступительных, так и переводных, но вслед затем число это стало быстро возрастать: в 1833 г. было 126 учеников, а в 1838 г. — 454. Поэтому в Новгородсеверской гимназии раньше, чем в большей части губернских гим-

назий, потребовалось разделить первые три класса на два отделения, о чем состоялось Высочайшее повеление 27 декабря 1838 г. Успешная педагогическая деятельность Т. побудила попечителя вновь образованного Киевского учебного округа Е. Ф. фон Брадке предложить ему занять место директора Нежинского лицея в 1834 г., но Т. отказался, мотивируя отказ желанием быть поближе к своим родным и привязанностью к Новгородсеверской гимназии.

В 1838 г., утомленный многолетними трудами, Т. вышел в отставку и окончательно поселился в Турхановке, посвящая свое время сельскому хозяйству, в частности пчеловодству. Он напечатал «О состоянии пчеловодства в Черниговской губ.» («Москвитянин», 1853, № 19). Т. написал также свои воспоминания, о которых с похвалой отзывался Погодин, они помещены в «Москвитянине» за 1852 г. и перепечатаны были в «Русском Архиве» за 1874 г. Кроме того, им помещена в «Москвитянине» статья «Судья и парадоксы» (1855, № 19). В бумагах его есть указание на сочинение, написанное им на латинском языке в бытность его в Харьковском университете: «Сравнение юстиниановых законов с российскими», за которое Геттингенское ученое общество избрало его своим членом в 1809 г., причем осталось невыясненным время и место его издания. Умер Т. в Турхановке, в феврале 1853 г., 80-летним стариком».

«Тимковский, Василий Федорович⁵, гражданский губернатор Бессарабской области, писатель, родился в 1781 г. Первоначальное образование, подобно братьям, получил под руководством монахинь Золотоношского Блговещенского монастыря. С детства он предназначался родителями к поступлению в монашество, но в Киевской духовной академии, где он получил высшее образование, Т. увлекся литературой и воспротивился намерению родителей. На студенческой скамье он занимался переводами из иностранных языков и писал стихотворения на духовные и светские темы; несколько его стихотворений напечатано в книге «Радостные чувствования муз» (Киев, 1796), которой академия приветствовала нового киевского митрополита Иерофея. По окончании академического курса Тимковский несколько лет жил, по-видимому, в небольшом родительском имении в Золотоношском уезде. В 1804 г. появился в печати его перевод «Путешествия Морица по Англии» (Москва) и два года спустя — «Жизнь графа Миниха» Галема (Москва, 1806). Только в 1810 г. он поступил на государственную службу — в канцелярию государственного совета. Т. был человеком несомненно весьма способным, о чем свидетельствуют

⁵ О нем: Шунгуров Н. В. Илья Федорович Тимковский. *Киевская Старина*. 1891. Т. 34. С. 215–216; *Русский Архив*. 1871, № 12. С. 2108–2119; *Энциклопед. словарь Эфрона*. Т. 33. С. 183.

как знавшие его (напр. М. А. Максимович), так и те должности, которые он занимал: человек относительно безродный, он, с самого начала службы и долгое время в течение ее, состоял для особых поручений при влиятельных лицах, а поручения ему давались иногда исключительной важности. В канцелярии Государственного совета он состоял при председателе Департамента государственной экономики Н. С. Мордвинове. В начале 1812 г. его взял к себе бывший тогда в звании государственного секретаря А. С. Шишков. Т. был постоянным спутником и сотрудником Шишкова во всех его путешествиях по России и Европе вслед за Императором Александром I. Ему поручалось, между прочим, составление манифестов в эпоху войн с Наполеоном. Позже Т. занимал последовательно должности: правителя канцелярии при Полномочном наместнике Бессарабской области, начальника обоих отделений Азиатского департамента Министерства иностранных дел, председателя Оренбургской пограничной комиссии.

По просьбе главнокомандующего в Грузии Ермолова он был командирован к нему для особых поручений. В 1826 г. был назначен губернатором Бессарабской области, каковым оставался до 1828 г. Умер Т. в 1832 г.

В бытность чиновником для поручений при бессарабском наместнике Т. собирал материалы для истории этого края и использовал их в труде «Истории Бессарабии» (написана в 1816–1817 гг.), не напечатанному, так как рукопись погибла во время петербургского наводнения. М. А. Максимович свидетельствует о другой работе Т., историческом исследовании под названием «Князь Курбский», но о судьбе ее ничего неизвестно. Во время своих путешествий и поездок он вел путевые заметки и писал записки о Кавказе; рукописи эти тоже, по-видимому, погибли. Видевший их М. А. Максимович очень высокого мнения об их достоинствах, также как и о талантах их автора, о которых он говорит: «Сила пера его нередко уравнивалась с силой его увлекательного изустного слова, в котором я не знал ему равного».

«Тимковский Роман Федорович»⁶, филолог, ординарный профессор Московского университета по кафедре римской и греческой словесности,

⁶ О нем: Шевырев С. *История Императорского Московского университета*. М., 1855. С. 345, 348, 403, 410, 424, 425; Шевырев С. Обзор столетнего существования Импер. Московского университета. *Историческая записка... и отчет Московского университета*. М., 1855; Двигубский И. *Краткая история Императорского Московского университета с 6 июля 1819 г. по 6 июля 1820 г.* М., 1820; Сушков Н. В. *Московский Благородн. Пансион*. М., 1858; *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета*. М., 1855. Ч. I. С. 486–498; *Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета профессорами оного с кратким их жизнеописанием*. М., 1821. Ч. III; Барсуков Н. П. *Жизнь и труды М. П. Погодина*.

доктор философии, родился в 1785 г. в деревне Згаре Полтавской губернии, Золотоношского повета. Элементарные начатки грамоты мальчик получил в келье своего дяди, инока Киево-Печерской обители; аскетический образ жизни первого наставника и суровая окружающая обстановка оказали на душу ребенка настолько сильное впечатление, что уже из него некоторые биографы Тимковского пытаются вывести те черты, которые отличали его характер в позднейшем, необщительность, любовь к уединению, некоторая суровость и пр. С элементарными познаниями мальчик вступил в число учеников Киевской академии, но там пробыл недолго и в октябре 1797 г. перешел в гимназию при Московском университете, а по окончании в 1782 г. ее курса с серебряной медалью был принят в самый университет. Главное свое внимание здесь Т. сосредоточил на изучении классической словесности, которой занимался под руководством профессоров Христиана-Фредерика Маттеи, Иоганна-Вильгельма Мельмана и П. А. Сохацкого. Успехи его в этой области были поощрены в 1803 г. серебряной медалью и поручением ему вести греческие этимологические и латинские синтаксические классы. Окончив в 1804 г. университетский курс кандидатом и удостоенный в 1805 г. за диссертацию степенью магистра словесных наук, а в следующем году степенью доктора философии, для дальнейшего совершенствования в классической словесности он был отправлен за границу. Вместе с командированным туда же для изучения восточной словесности А. В. Болдыревым, впоследствии профессором этого предмета в Московском университете, Тимковский направился, прежде всего, в Галле; город вскоре был осажден французами, университет разгромлен, а Т. остался без всяких средств. Очутившись в критическом положении, он оставил Галле и в сопровождении того же Болдырева пешком отправился в Лейпциг, где занимался в течение одного года, а затем перешел в славившийся тогда своими учеными силами университет в Геттингене. Под руководством профессоров Гейне и Мичерлиха, живейшую признательность к которым, особенно к первому из них, Т. сохранил всю жизнь, там он с исключительным усердием отдался изучению древней словесности и археологии, успешности занятий которыми в немалой степени способствовали богатейшие сокровища университетской библиотеки, одной из замечательнейших в тогдашней Европе. В Германии Т. пробыл в общей сложности три года и за это время успел очень много. С запасом обширных познаний и солидным на-

---

СПб., 1888. Т. I; Сухомлинов М. И. *Русские университеты при Александре I*. СПб., 1865; Воспоминания И. Ф. Тимковского. *Москвитянин*. 1852. Ч. 5. № 17, 18, 20; *Русск. Архив*. 1874. № 6; Пыпин А. И. *История русской этнографии*. СПб., 1890. Т. I. С. 27, 29, 223, 317, 322; *Энциклоп. словарь Березина. а. в.; Настольный словарь Ф. Толя*. СПб., 1864. Т. III. С. V.

учным багажом в 1809 г. возвратился он в Москву, и с 1 сентября того же года в звании адъюнкта, которым был удостоен непосредственно перед заграничной поездкой, открыл в университете курс древней словесности. Выдающейся успех, который он встретил с самого начала своей педагогической деятельности, побудил университетский совет избрать его в 1810 г. экстраординарным и уже в следующем — ординарным профессором греческой и латинской словесности. Впоследствии лекции по этим обширнейшим предметам были разделены между двумя лицами, но Тимковский читал их один, возможность чего находит свое объяснение отчасти в действительно прекрасном знакомстве его с ними, отчасти же в том сравнительно невысоком уровне, на каком стояли как научная разработка этих областей, так и изложение их с университетской кафедры. Из греческих классиков Т. объяснял слушателям преимущественно Софокла, Геродиана, Гомера, Геродота, Ксенофонта, Аполлодора и Демосфена, из латинских же — Ливия, Вергилия, Цицерона и Горация. Курс римских древностей он разделял на две части — древности государственные и древности, по его терминологии, «домашние», — и каждый год попеременно читал то одну, то другую из них. По примеру заграничных университетов им был введен и при Московском филологический семинарий, в котором студенты под его руководством практически работали над разбором и критикой классических писателей и древностей, о которых параллельно шла речь на лекциях. Характер лекций Т. учеником его А. М. Кубаревым рисуется следующими несколько тяжеловесными словами: «Чтения его... близко подходили к диктованию... Из повторений, когда это было нужно, сказанного им прежде, выражаемых всегда почти теми же словами, было очевидно, что каждая его лекция была основательно им обдуманна. Он так привык к какой-то ученой отчетливости и полноте, что никогда почти не увлекался или не позволял себе увлекаться дальше границ, предписанных самому себе. При объяснении древностей, охотно раскрывая нам прекраснейшие места из классиков, он, однако ж, никогда не пускался в эстетический разбор красот их, оставляя слушателям самим их чувствовать. Но из выбора этих мест было видно, что он был проникнут их красотою...»

Деятельность Т. в университете, помимо его прямых обязанностей, отмечена и другими сторонами: с 1812 по 1818 г. он состоял членом училищного комитета, несколько лет (1814, 1815 и 1817 гг.) занимал должность декана словесного отделения, с 1811 г. и до смерти состоял при цензурном комитете, а с 1815 г. — директором педагогического института, наконец, преподавал греческий и латинский языки в находившейся при университете гимназии и некоторое время латинскую словесность в университетском Благородном

пансионе. Летом 1812 г., не предвидя угрожавшей Москве опасности, Т. уехал на родину, оставив в Москве все свое имущество, которое и было уничтожено пожаром, — в том числе ценное собрание книг и рукописей, которыми он чрезвычайно дорожил, особенно частью, собранной им с большим трудом и материальными лишениями во время пребывания за границей. Деятельность Т. продолжалась очень недолго; упорная болезнь, обострявшаяся его раздражительным характером и в свою очередь неблагоприятно на него влиявшая, скоро свела его в могилу, в последнее время, послужив причиной задумчивости, нервности, угрюмости Т., а также охлаждению, почти равнодушию его к ученым занятиям. 15 января 1820 г. он скончался.

Как ученый Т. в свое время пользовался выдающейся известностью; некоторые труды его на много лет пережили автора, и отзывы их, конечно лишь весьма слабые, можно и поныне встретить в литературе, посвященной исследованию древнерусских памятников; как ни обширны были познания Т. в классической филологии, тем не менее, наиболее существенные услуги оказал он науке совсем в другой, почти совершенно неразработанной области критического исследования подлинности упомянутых памятников. Первый труд Т., относившийся к классической филологии, вышел еще в 1803 г., когда автору было всего 18 лет. Это был сделанный им перевод (с немецкого) Оссиана. В 1806 г. вышла в Москве магистерская диссертация Т. — «*De Dithyrambis eorumque usu apud Graecos et Romanos*», относительно которой проф. И. Т. Буле писал: «Разсуждение сие тем более заслуживает похвалу, что оно важнее по своему содержанию, относящемуся к такому предмету древней классической литературы, который до сих пор еще не был довольно обработан и объяснен. Сверх того, так как подобные занятия, при всей их пользе и необходимости для усовершенствования наук в России, очень редка между нашими молодыми людьми, — оно может также для прочих служить примером и образцом к подражанию». Сочинение это, в исправленном и дополненном виде напечатанное также в «Актах» словесного семинария Лейпцигского университета, действительно обладает научными достоинствами, отмеченными и некоторыми немецкими авторитетами. Почти одновременно с ним появилось издание Т. на латинском языке басен Федра под заглавием «*Phaedri Augusti liberti fabularum Aesopiarum libri quinque ex recensione P. Burmani*» с русским подзаголовком: «Федровы басни с замечаниями издал Роман Тимковский» и с посвящением «в знак признательности за благосклонность и милостивые попечения об авторе» М. Н. Муравьеву, тогдашнему попечителю Московского университета. Труд этот, предпринятый по желанию Муравьева, в своей текстуальной части представляет просто дословную перепечатку с заграничного издания Бурмана

с некоторым уклонением лишь в знаках препинания; ценны и оригинальны в нем лишь примечания Т., обнаруживающие в молодом филологе — ему в это время было всего 20 лет — солидные и разносторонние познания. Об этой работе, за которую, по ходатайству того же Муравьева, Т. был награжден золотой табакеркой из кабинета, он тем не менее вспоминал впоследствии с большой неохотой, считая ее неудовлетворительной и несерьезной и лишь отчасти извиняя себя той спешностью, с которой пришлось ее заканчивать перед самым отъездом за границу. Последним сочинением Т. по классической филологии была произнесенная им на университетском акте 5 июля 1811 г. торжественная речь «*De virtutibus Graecorum et Romanorum non nisi ex eorum ingenio moribus et vita recte aestimandis*», в переводе И. И. Давыдова, напечатанная в «Трудах профессоров Московского университета» и предвосхитившая многие положения Нибура в области классической древности.

В последние годы своей жизни Т. заметно охладел к классической филологии и преимущественное внимание стал уделять русской древней словесности; главнейшая заслуга его в этом отношении состоит в том, что он первый подверг критике установленное на шатких основаниях XVIII в. мнение о сочинениях преп. Нестора, первый пришел к мысли детального сличения и сличил летопись с другими памятниками, приписывавшимися Нестору, с «Патериком» и «Житием св. Феодосия», причем первый же указал несходство между летописью и «Житием» и открыл, по его собственным словам, «весьма важную истину, что преподобный Нестор не оставил нам по себе никакого другого памятника, кроме драгоценной летописи». Избранный в действительные члены Исторического общества, он, по предложению последнего, занялся изданием поучения Луки Жидяты, которое и появилось в I части «Русских Достопамятностей», снабженное ценными филологическими примечаниями. Им же предпринятое издание Несторовской летописи долгое время считалось образцовым. Наоборот, довольно слабым явился его труд — «Рассуждение о Несторе, как сочинителе «Патерика», напечатанный в «Трудах Общ. Истории и Древностей Российских» (ч. I). Наконец, Т. много трудился над объяснением «Слова о полку Игореве» и по этому предмету написал Обширное исследование, которое затерялось после его смерти.

В заключение приведем небольшую характеристику Т. как ученого, принадлежащую одному из его биографов: «С глубокими сведущими в греческой и римской словесности он соединял основательное знание древностей и истории. Как искусный критик, он умел тонко раздроблять предмет и глубоко проникать в оный; порядок и точность были средством и целью его исследований, которые он посвящал и на рассмотрение исторической истины, и на опреде-

ление происхождения и значения слова». Помимо древних, Т. в совершенстве знал и несколько новых языков — французский, немецкий, английский и польский, а латинский был для него «как бы природным».

«Тимковский Егор Федорович⁷, тайный советник, родился 23 мая 1790 г. в д. Егорской — Тимковщине (Золотоношского уезда Полтавской губернии); начатки грамоты получил у монахинь Золотоношского Блговещенского монастыря, потом учился в Киеве и Переяславле и высшее образование получил в Московском университете. В 1813 г. поступил на службу в главное управление путей сообщения, находившееся тогда в Твери; с переводом в 1815 г. этого управления в Петербург на жительство туда переехал и Т. Занимая должность секретаря совета путей сообщения, он участвовал в совещаниях разных комитетов и комиссий по представляемым в этот совет проектам и запискам. В 1820 г., по предложению М. М. Сперанского, бывшего тогда сибирским генерал-губернатором, Т. было поручено сопровождать в Пекин вновь составленную во главе с архимандритом Петром Каменским духовную миссию и вывести из Пекина в Россию прежнюю духовную миссию, начальником которой был известный синолог Иакинф. Бичурин. Т. выехал из Кяхты 31 августа 1820 г., а возвратился туда из Китая 1 августа 1821 г., причем 9 месяцев из этого времени провел в Пекине. Свою поездку Т. использовал для многостороннего изучения Китая, результатом которого было изданное по Высочайшему повелению на казенный счет трехтомное сочинение «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» (СПб, 1824). В первом томе этого сочинения описывается караванный путь между Кяхтой и Пекином, второй заключает разнообразнейшие сведения о Китае, отчасти о Восточном Туркестане, Тибете и Корее, и третий посвящен описанию возвращения в Россию и общему обозрению Монголии с точки зрения исторической, географической, административной, этнографической и религиозной. К книгам приложены карта пройденного пути и несколько планов и рисун-

⁷ О нем: Скачков К. А. Е. Ф. Тимковский. *Московские ведомости*. 1875. № 47 (до напечатания этот биографический очерк был читан на заседании Импер. Географического общества); Скачков К. А. Еще о Е. Ф. Тимковском. *Московские ведомости*. 1875. № 66; Воспоминания Е. Ф. Тимковского. *Киевская Старина*. 1894. Т. 44, 45 (с предисловием и кратким биограф. очерком, составлен. Н. В. Шунгуровым); *Чтения Общ. Истории Древн. Российских*. 1874. № 4. С. 167 (краткая биограф. заметка О. М. Бодянского); *Отчет Императ. Русского Географического общества за 1875 г.* Сост. И. И. Вильсон. СПб., 1876. Отдел «Некрологи»; Отрывки из воспоминаний сибирского казака Черепанова. *Древняя и Новая Россия*. 1876. № 6. Гл. 1; *В память гр. М. М. Сперанского*. СПб., 1872. Прил. III (письма Сперанского к Т.); *Гражданин*. 1876. № 4; *Календарь А. Гатицука по 1876*. С. 205; *Русский календарь А. С. Суворина на 1876 г.*; *Энциклоп. словарь Эфрона*. Т. 33. С. 183.

ков с натуры. Книга Т. теперь устарела как в фактических данных, так и в своих выводах, но в свое время представляла самое полное и обстоятельное собрание сведений о Китае. Достаточно сказать, что она была переведена на английский, немецкий и французский языки. В течение многих лет она была необходимейшим пособием, даже настольной книгой для всех изучавших Китай. В течение своего относительно недолгого пребывания в Китае Тимковский, конечно, не мог собрать все те сведения, которые даны в его КНИГЕ, и нет сомнения, что часть их он почерпнул из бесед с Бичуриным. Другим последствием путешествия Тимковского в Китай был приезд в Россию Иакинфа Бичурина. Духовную миссию в Пекине Тимковский нашел в самом плачевном положении. Отягченное Наполеоновскими войнами, правительство, по-видимому, совсем забыло об этой миссии, в течение долгих лет не посылало туда содержания, и Бичурин принужден был продать все, даже церковную утварь. Роль Тимковского в смысле избавления Бичурина от этих обстоятельств не может быть точно выяснена, но М. М. Сперанский, очевидно, имел основание выразиться так: «Наш Тимковский подарил России два китайских творения: одно живое — отца Иакинфа, и другое живописное — свою книгу». По приезде в Россию Бичурин был предан суду по обвинению в расстройстве дел миссии, осужден и заточен в Валаамский монастырь, и только в значительной мере благодаря ходатайству Т. был освобожден и мог отдаться своим научным работам. Еще важнее то содействие, которое Т. оказал Бичурину в издании его книг, настоятельно рекомендуя Азиатскому департаменту печатать их на казенный счет, — этим он оказал важную услугу и русской синологии. По возвращении из Китая Т. в ближайшие годы служил начальником отделения в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, а с 1830 по 1836 г. был консулом в Молдавии. Утомленный службой, в 1836 г. он вышел в отставку и около 9 лет прожил в своем небольшом имении в Золотоношском уезде, но в 1845 г. вновь поступил на службу, заняв должность начальника дрогоманов в Министерстве иностранных дел. В 1852 г. назначен на должность управляющего петербургским главным архивом Министерства иностранных дел, а с 1866 г. служил членом совета этого министерства и в этой должности и умер 9 февраля 1875 г. С 8 мая 1846 г. Т. состоял действит. Членом Императ. Географического общества. В «Киевской Старине» 1894 г. напечатаны «Воспоминания» Т., доведенные им до 1813 г. В них много интересных данных о Московском университете, описанном Т. в момент перед нашествием Наполеона и виденного им также вскоре по уходе французов из Москвы».

Продолжение работы по проекту изучения и публикации книги Е. Ф. Тимковского «Путешествие через Монголию в Китай в 1820–1821 годах» было обусловлено еще одним важным фактом. В 2008 г. В. Г. Дацышеным был выявлен черновик дневника одного из членов Российской духовной миссии в Пекине, в основном совпадающий по содержанию с текстом 2-го тома этой работы. Автором этого рукописного документа был не Е. Ф. Тимковский, а другое лицо. Введение в научный оборот текста архивного документа представляет научный интерес в связи с тем, что в опубликованном в XIX в. варианте отсутствует ряд важных для изучения истории Российской духовной миссии в Пекине сюжетов. Например, в книге отсутствуют некоторые дневниковые записи, отражающие сложные ситуации внутренней жизни миссии, а спектр описываемых событий, предметов, персоналий шире, чем это представлено в книге. Дневник является своеобразным дополнением к трехтомнику Е. Ф. Тимковского «Путешествие через Монголию в Китай в 1820–1821 годах» и более правдивое представление о непростой жизни российских миссионеров в Китае.

Публикация сочинений Е. Ф. Тимковского в настоящее время была бы не полной без подготовки исследовательского очерка истории самого путешествия, биографического очерка о Е. Ф. Тимковском и его семье и, что особенно важно, полноценного специального научного комментария ко всей работе.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

МОЖНО СМЕЛО УТВЕРЖДАТЬ:
ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ЗАНИМАЕТ ОДНО ИЗ ВЕДУЩИХ МЕСТ В МИРЕ⁸

Изучение Востока в нашей стране — занятие, насчитывающее не одно столетие: географические, политические, экономические, гуманитарные, культурные особенности положения России в евро-азиатском геополитическом пространстве делали и делают эту науку стратегически важной для государства, общества, народа. Однако научно-академическая сторона этого традиционного интереса к Востоку насчитывает два века. В ноябре этого года отечественная ориенталистика отмечает свое двухсотлетие. О том, как формировалось и развивалось отечественное научное востоковедение, о задачах, которые стоят сегодня перед этой важной отраслью знания, о проблемах подготовки нового поколения востоковедов рассказывает известный российский тюрколог, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, вице-президент Общества востоковедов России, профессор Дмитрий Васильев.

Российское академическое востоковедение во всем разнообразии своих научных дисциплин и тематических направлений зародилось с созданием первого специального востоковедного учреждения в системе Академии наук — Азиатского музея. Его директором и смотрителем — по российской академической tradi-

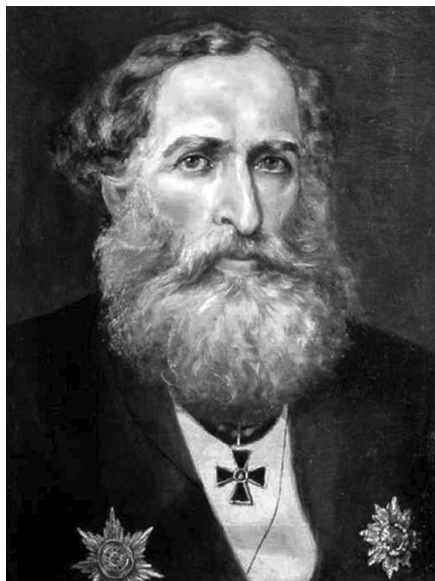
⁸ Опубликовано в: *Воронцово поле*. 2018. № 3. С. 30–33.

ции — стал немецкий ученый академик Христиан Мартин Френ. Монеты, восточные рукописи и другие материалы, собранные в Кунсткамере со времен Петра I, составили основу коллекции. Учрежденный в 1818 году, Азиатский музей первоначально был хранилищем для коллекций предметов, восточных рукописей, коллекций восточных монет, книжных собраний по восточной тематике, закупленных и собранных в ходе экспедиций. Научное востоковедение, собственно, и начиналось с обработки этих материалов. Но одновременно в Российской империи, расширявшей свои границы на востоке и осваивавшей новые территории своей «внутренней» Азии, возникла острая потребность в востоковедении в том смысле, в котором оно существует у нас и сейчас, — в практическом, прикладном. А это означало серьезное изучение восточных народов, стран и государств Востока, что требовало создания учреждений, где преподавались бы соответствующие науки и языки. Центром московского востоковедения стал Лазаревский институт восточных языков, готовивший своих выпускников к работе в странах Ближнего и Среднего Востока, первым директором которого стал известный востоковед профессор В. Ф. Миллер.

Дмитрий Дмитриевич Васильев

Профессор Александр Касимович Казем-Бек (1802–1870)

Параллельно с Москвой развивается востоковедение в Казани. Уже к середине XIX столетия Казанский университет был известен в Европе как крупный центр ориенталистики. Позднее востоковедение из Казани переместится в Северную столицу: в 1854 г. Петербургский университет прирастет факультетом восточных языков, который возглавит профессор А. Казем-Бек, переехавший сюда из Казани. Постепенно по всей Российской империи — в Дерпте, Вильно, Киеве, Харькове, Одессе и Владивостоке — начнут преподаваться востоковедческие дисциплины. Роль и значимость успехов отечественной ориенталистики не останутся незамеченными в мире науки: в 1876 г. Петербург станет местом проведения III Международного конгресса востоковедов.

Между тем в направленности и организации востоковедных исследований со временем стала набирать силу еще одна тенденция. 29 февраля 1900 г. по приказу С. Ю. Витте возникает Общество востоковедов и через год обретает статус Императорского. Примечательно, что, согласно уставу, цель деятельности общества состояла не только в изучении восточной тематики, но главным образом в способствовании развитию торгово-экономических связей России со странами Востока. Покровительницей общества стала великая княгиня Милица Николаевна, невестка великого князя Николая Николаевича, впоследствии —

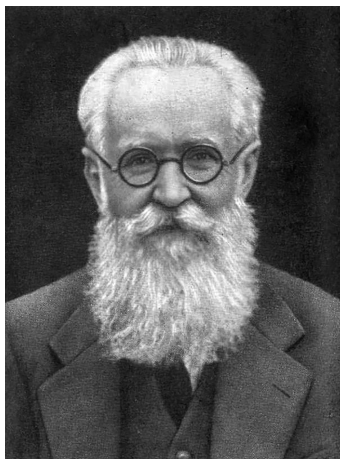
главнокомандующего русской армией эпохи Первой мировой. Энергичная Милица Николаевна способствовала открытию отделений Общества востоковедения по всей стране — в Чите, Хабаровске, на Дальнем Востоке, в Кяхте... Одним из учредителей Асхабадского и Бухарского отделений Общества востоковедов был просвещенный эмир Бухарский Сеид Алим-хан.

Вдохновленное открытием обществ по всей стране, начнет активно развиваться востоковедное краеведение — с собственными целями и задачами, существовавшее помимо институтов, факультетов и университетов соответствующего профиля. В центре внимания этого направления востоковедения окажутся, как правило, актуальные, жизненно важные вопросы своего, «внутреннего», Востока: экономические, хозяйственные, статистические, социокультурные аспекты изучения восточных народов и этносов на территории государства, прираставшего в восточном направлении.

В итоге в отечественном практическом востоковедении сложилось своего рода «разделение труда»: если общества востоковедов сконцентрировались на собственном, российском, Востоке, то «внешний» Восток и стратегические, в том числе и военно-разведывательные, исследования стали предметом занятий Русского географического общества и структур Генштаба.

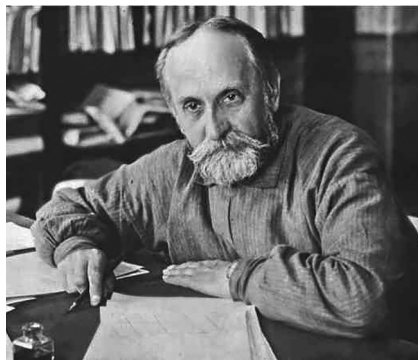

Эмир Бухарский Сеид Алим-хан (1880–1944)

Академик Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951)

...Азиатский музей — колыбель российского академического востоковедения — шагнет в XX в. организационно в неизменном виде. И лишь в 1921 г., уже в советское время, при нем будет создана Коллегия академиков-востоковедов, имена которых звучат как музыка для нашего уха: В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, Н. Я. Марр, И. Ю. Крачковский...

Академик Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934)

В 1930 г. Азиатский музей и ряд других востоковедных учреждений объединятся в Ленинграде в Институт востоковедения АН СССР, первым директором которого станет академик С. Ф. Ольденбург. Годы сталинских репрессий и

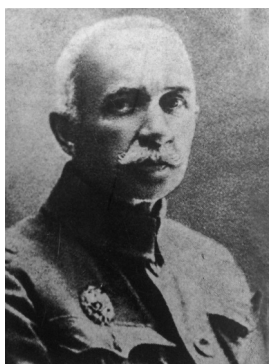

Великой Отечественной войны стали серьезным испытанием для отечественной ориенталистики. Институт востоковедения был эвакуирован и продолжил свою деятельность в Ташкенте. Оставшиеся в Москве востоковеды в 1943 г. сформировали Московскую группу Института востоковедения под председательством академика И. Ю. Крачковского.

Советских востоковедов по традиции готовили на Восточном факультете Ленинградского университета и в Москве — в Центральном институте живых восточных языков на базе Лазаревского института (ректор — востоковед, генерал русской армии А. Е. Снесарев). Реорганизованный в 1927 г. институт стал называться Московским институтом востоковедения им. Нариманова, в годы войны он находился в Фергане и в 1954 г. был закрыт. Ленинградский же Институт востоковедения в 1950 г. был переведен в Москву, а в Ленинграде остался Сектор восточных рукописей.

Институт востоковедения, включивший в себя и другие востоковедные структуры, в послевоенные десятилетия шел не только по линии углубления академических исследований, но и путем актуализации задач современности. Сектор восточных рукописей был преобразован в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.

Создание Издательства восточной литературы благодаря организационным усилиям ставшего директором института авторитетного партийного деятеля академика Б. Г. Гафурова, проведение в Москве в 1960 г. Всемирного конгресса востоковедов, основание профильных востоковедных институтов в столице, в различных городах России и в союзных республиках — все это небывало расширило присутствие востоковедения в общественно-политической, дипломатической, культурной, экономической жизни государства.

Генерал Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937)

А новые востоковедные кадры после закрытия в 1954 г. учебного Московского института востоковедения стали готовиться в созданном в 1956 г. при МГУ им. М. В. Ломоносова Институте восточных языков, реорганизованном в 1972 г. в Институт стран Азии и Африки. Восточный факультет Ленинградского университета, а также восточные факультеты других вузов также продолжали подготовку кадров-востоковедов. Важным вкладом в развитие отечественной ориенталистики стали съезд Общества востоковедов России и Международный конгресс ориенталистов (ICANAS–XXXVII), состоявшийся в Москве в 2004 г.

Академик Бободжан Гафурович Гафуров (1908–1977)

Реалии XXI в., процессы глобализации, небывалое расширение присутствия стран Востока в мировой экономике, кризисы и напряженность в ряде регионов Азии и Африки и многие другие вызовы третьего тысячелетия ставят новые задачи перед отечественной ориенталистикой как в академическом, так и в сугубо прикладном смысле. Да, практическое востоковедение чрезвычайно востребовано сегодня, но содержание и объем знаний, необходимых для успешной работы востоковеда-практика, в настоящее время очень широки. Поэтому научное востоковедение у нас не замыкается в строгих рамках чисто академических интересов, отвечая актуальным потребностям развития государства и общества. Теория и практика, наука и прикладные компетенции идут рука об руку — иначе сегодня просто невозможно успешно работать в регионах с традиционной культурой и повседневным укладом.

Именно поэтому качественная востоковедная подготовка должна включать базовый цикл изучения и освоения традиционных культур, мировоззрения, бытового уклада, этнопсихологии и культурной коммуникации, без представления о которых невозможна успешная деятельность ни во внешнеполитической, ни во внутреннеполитической областях, ни в налаживании экономических, торговых, гуманитарных, туристических и прочих контактов со странами, народами, деловыми и государственными элитами мира Востока. Ведь большинство конфликтов по линии «Восток — Запад» чаще всего происходило и происходит из-за цивилизационного непонимания, неспособности культурно и психологически освоить восточную специфику. Оперировать лишь западными категориями в постижении современных реалий Востока просто невозможно.

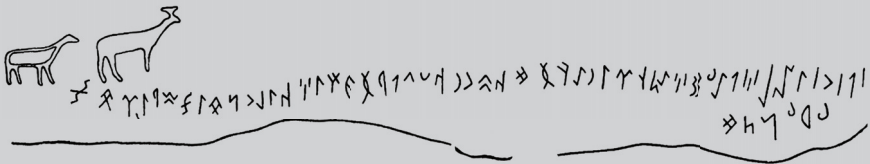
На мой взгляд, на сегодняшний день наиболее удачно идет подготовка востоковедов-профессионалов в ведущих научных и образовательных структурах. Это традиционно Институт востоковедения РАН, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, Восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Многие университеты по всей стране открыли свои восточные факультеты. Но качество получаемого образования там различно. Подчас не хватает количества часов, выделяемых на языковую подготовку, недостаточное внимание уделяется культуре и истории Востока. Наиболее успешно, на мой взгляд, обстоит дело по части подготовки востоковедов во Владивостоке, Улан-Удэ, Уфе, Челябинске, Махачкале и, конечно же, в Казани, славной своими традициями академического и практического востоковедения.

На сегодняшний день можно смело утверждать: отечественное научное востоковедение встречает свой двухсотлетний юбилей как отрасль знаний, занимающая одно из ведущих мест в мире. Ни в одной другой научной школе и академической традиции мы не встретим такого колоссального охвата регионов, стран и народов, как в российской ориенталистике. Нигде мы не встретим столь концентрированного гуманитарного сочетания исторических, лингвистических, философских, культурных, политических, экономических компетенций, как в нашем востоковедении. Есть чем встретить наш профессиональный праздник!

Раздел 2

РОССИЙСКО- ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЙ ДИАЛОГ В ОБЛАСТИ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ⁹

История исследований памятников древнетюркской письменности в России и Турции с самого начального периода напоминали научный диалог, характерный обоюдным аналитическим вниманием к публикациям в обеих странах, а с определенного времени и непосредственным сотрудничеством.

Начальный период — с конца XIX и до начала XX в. — связан с первыми после расшифровки древнетюркской письменности публикациями материалов Орхонской экспедиции Российской Императорской Академии наук и с именами В. Радлова, П. Мелиоранского, Н. Асыма, Ш. Сами, А. Мидхата.

Изыскания российских археологов продолжались. В 30 – 40-е годы XX в. публиковались новые находки и к середине столетия появились сводные публикации памятников тюркологами Х. Н. Оркуном, С. Е. Маловым, Р. Аратом, учитывающие наколенный текстологический и источниковедческий опыт предшественников. Здесь же следует отметить и параллельные исследовательские гипотезы о происхождении самой древнетюркской письменности (Е. Поливанов, А. Дж. Эмре, К. Миршан).

---

⁹ *Отечественная османистика и туркология. Итоги и перспективы. Доклады и сообщения Международного научно-практического семинара, 2 июля 2009 года, проведенного в рамках II Евразийского научного форума. Казань: Intelpress+, 2009. С. 70–73.*

60–70-е годы характеризуются лингвистическими исследованиями языка древнетюркских памятников в России (И. Батманов, В. Насилов, А. Боровков), Западной Европе (А.-М. фон Габэн, Дж. Клосон), Турции (Т. Текин). Следует отметить, что многие находки древнетюркской эпиграфики, сделанные в этот период, остаются малоизвестными за рубежом, и поэтому исследовательский фонд и тематическая палитра исследований древнетюркской руники доминирует у российских ученых.

После начала работ крупных археологических экспедиций 70–80-х годов в СССР и появления сводных региональных публикаций новых находок древнетюркских памятников (Ч. Джумагулов, И. Батманов, З. Чадамба, А. Кунаа, А. Аманжолов, С. Кляшторный, Д. Васильев) инициатива в изучении древнетюркского письменного наследия целиком принадлежит российским ученым, но вызывает огромный интерес и желание приобщиться к этим изысканиям у турецких тюркологов.

Первым участником полевых изысканий и исследований древнетюркских памятников в бассейне Енисея становится проф. Стамбульского университета О. Ф. Сертка, который по приглашению автора настоящего сообщения провел в течение полевого сезона 1985 г. совместно с ним визуальное обследование практически всех известных памятников региона. Многочисленные выступления турецкого ученого в прессе, СМИ и в государственных учреждениях, а также издание Агентством Министерства иностранных дел Турции — ТИКА заново выполненными с оригинальных эстампажей В. Радлова новых фотокопий и материалов Орхонской экспедиции (подготовленного в Турции Д. Васильевым) во многом способствовали организации Министерством культуры Турции масштабной археологической экспедиции в Монголию. Там были проведены вторичные (после работ в 1950-е годы словацкого археолога И. Йисла) раскопки тюркских каганских погребальных комплексов. Применение современных технических средств позволило турецким ученым сделать сенсационные находки предметов материальной культуры, что отражено в альбомных публикациях, включающих в том числе и уточненные тексты древнетюркских памятников Монголии (Ч. Алыйлмаз и др.). Российскими тюркологами в этот период были проведены полевые изыскания древнетюркских памятников Горного Алтая (Д. Д. Васильев), подготовлен их издательский макет в Турецком лингвистическом обществе. Однако их издание, к сожалению, до сих пор не осуществлено¹⁰.

¹⁰ Издан в 2013 г. при поддержке Тюркской Академии в Астане (прим. отв. ред.). См.: Васильев Д. Д. *Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири*. Т. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. Серия: «Памятники тюркской письменности». Астана, 2013.

К концу XX столетия совершенствуются не только варианты чтения отдельных памятников, но и лингвистические исследования языка орхонских и периферийных памятников древнетюркской письменности (А. Кононов, А. Щербак).

Российскими рунологами в этот период были предприняты сводные текстологические, палеографические и исторические исследования енисейских, семиреченских и восточноевропейских руноподобных памятников (И. Кызласов, И. Кормушин, С. Кляшторный), не без влияния которых Турецким лингвистическим обществом были осуществлены сводные альбомные публикации надписей и отдельных тамгообразных знаков Северного Кавказа и Восточной Европы (И. Доган), не содержащие, впрочем, исследовательского материала. В Турции были впервые подготовлены и изданы исследования по истории собственно Тюркских каганатов на основе китайских, древнетюркских и других письменных источников (А. Ташагыл).

Новым этапом российско-турецкого диалога в области древнетюркского источниковедения стала совместная организация тематической панели, посвященной проблеме научной инвентаризации всего фонда памятников древнетюркской письменности по регионам их концентрации в рамках программы Международного конгресса востоковедов ICANAS-38 в 2007 г. в Анкаре (организаторы — О. Сертка и Д. Васильев). Получили продолжение и совместные полевые изыскания. В 2008 г. в рамках историко-культурного проекта «Крепость Пор-Бажын» на раскопках древнеуйгурской крепости в Туве был проведен международный семинар, куда автором настоящего сообщения были приглашены турецкие исследователи (А. Ташагыл, С. Сомунджуоглу) и проведены совместные полевые изыскания древнетюркских памятников.

Таким образом, история изучения памятников древнетюркской письменности со второй половины XIX столетия и до самого последнего времени демонстрирует динамичный исследовательский диалог ученых обеих стран. Это свидетельствует о равной научной актуальности этой цивилизационной темы, ее востребованности и общественного интереса к ней как в России, так и в Турции.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЭПИГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В МАЛОЙ АЗИИ¹¹

«Таинственные» знаки в Анатолии были отмечены еще в начале прошлого века Й. Хаммером и О. Севковским. В XX столетии исследователи эпиграфических комплексов Малой Азии позволили выделить в различных районах Анатолии и в окрестностях Стамбула значительную группу тамгообразных знаков и петроглифов, имеющих тюркские аналоги в ранних и средневековых историко-культурных памятниках Средней и Центральной Азии.

Почти на всех известных центральноазиатских памятниках рунической письменности текст сопровождается родовыми тамговыми знаками петроглифическими антропоморфными и зооморфными изображениями, а иногда — и многофигурными сюжетами. Тамги, высеченные на камнях и скалах, могли обозначать границы родовых владений или пастбищ, отмечали культовые объекты, являлись эпитафийным компонентом. В рунических текстах они нередко были функционально однозначны имени носителя данного родового знака, могли заменять подпись.

Тамговая традиция тюркских племен отмечалась авторами и в более позднее время. Упоминания об этом содержатся в «Диван лугат ат-Турк»

---

¹¹ Опубликовано в: *Dialog Avrasya*. 2003. № 9. С. 56–60.

Махмуда Кашгарского, в «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина, а также в китайских летописных хрониках. Однако постепенно, в связи с продвижением тюркских племен на запад, наибольшее распространение тамги получили как клейма для скота и имущества. То обилие монументальных тамговых изображений, которое наблюдается на территории Монголии и Южной Сибири, не могло иметь места в Передней Азии. Условия миграции, ассимиляции с местным населением, естественно, ослабили традицию и в значительной степени сократили тамговую семантику.

Функционально-хронологические корреляции малоазиатских петроглифов позволяют идентифицировать отдельные их образцы с: а) тамгами центра и периферии тюркского каганата, а также отдельными аллографами древнетюркского алфавита; б) *родовыми знаками* тюркоязычных народов Восточного Туркестана, Семиречья и Средней Азии; в) руноподобными знаками памятников аварского периода из Юго-Восточной и Центральной Европы.

Систематизация материала дает возможность интерпретировать эти памятники как следы древнетюркской эпиграфической традиции в период проникновения огузо-уйгурских этнических элементов на территорию Малой Азии. Более поздние варианты тамгообразных изображений позволяют предположить влияние графической традиции руноподобных тюркских письменных памятников бассейна Дуная.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ, Ю. А. АВЕРЬЯНОВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ (1894–1914)¹²

В прошлом номере журнала «ДА» статья проф. Семави Эидже «Русский Археологический институт в Константинополе» посвящена деятельности этого научного учреждения, созданного российским правительством на рубеже веков, и судьбе коллекций и книжного собрания института. Интерес турецкого ученого к этой теме весьма вызывает чувство благодарности у российского читателя. Но некоторые данные, сообщаемые в статье, могут быть дополнены исследованиями российских ученых этих исторических событий и документальными материалами из российских архивов. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения проливают свет на вопросы, связанные с историей Русского Археологического института, которые в статье уважаемого турецкого коллеги освещены неполно, — очевидно, из-за отсутствия у него соответствующей информации.

В русском обществе всегда сохранялся и поддерживался интерес к истории и культуре Византии. Духовная преемственность с византийской цивилизацией породила многие явления в культурной жизни средневековой Руси и повлияла на сохранение устойчивой культурной традиции в России в более позднее время. Немало усилий для поддержки исследований в области византиноведения прилагала в XIX – начале XX в. Российская Императорская

---

¹² Опубликовано в: *Заботы востоковедного образования: материалы семинара*. М.: МГИМО(У) МИД РФ, 2003. С. 51–57.

Академия наук. В начале 1890-х годов. профессора Новороссийского университета в Одессе Н. П. Кондаков, А. И. Кирпичников и Ф. И. Успенский представили в Министерство народного просвещения «Проект учреждения Русского Археологического института в Константинополе». Под «Археологическим институтом» понималось ученое общество, занимающееся исследованием византийских древностей и распространяющее научную информацию. На содержание этого учреждения предполагалось затрачивать большую по тем временам сумму в 12 тысяч рублей в год¹³.

Министерство финансов России сначала отказалось финансировать это начинание, сославшись на трудности с денежными поступлениями. Но благодаря вмешательству президента Академии наук великого князя Константина Константиновича Романова (1858–1915), возглавлявшего Академию с 1889 г., этот проект был направлен в I Государственный Совет России. В заседании Совета, состоявшемся 24 февраля 1894 г., приняли участие великий князь Константин Константинович и приглашенный специально из Константинополя посол России в Османской империи Александр Иванович Нелидов. Было принято решение представить проекты устава и штата Археологического института на утверждение императору.

Расходы на содержание института должно было взять на себя Государственное казначейство¹⁴. Директором института был назначен Федор Иванович Успенский (1845–1928), историк-византист, с 1900 г. — академик Петербургской Академии наук.

23 мая 1894 г. император Александр III утвердил устав и штаты института.

Институт находился в подчинении Министерства народного просвещения России. Ф. И. Успенский бессменно занимал пост директора до 1914 г. При нем состояли два ученых секретаря. В состав института входили почетные и действительные члены, сотрудники и прикомандированные к институту стипендиаты российских университетов и духовных академий. Научная деятельность института заключалась в устройстве заседаний, проведении экспедиций и археологических раскопок, исследовании памятников (в том числе письменных). «Известия Русского Археологического института» — печатный орган института — издавались с 1896 г. (всего вышло 15 томов). Среди исследований, выполненных сотрудниками института, выделяются своей научной значимостью следующие:

¹³ Соболев В. С. *Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915 годы.* СПб., 1993. С. 20–21.

¹⁴ *Петербургский филиал Архива Академии наук (ПФААН).* Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 34. Л. 102–103.

П. Н. Милоков. О христианских древностях Западной Македонии (Том IV)

Ф. И. Успенский. О памятниках Сирии (Том VII)

Ф. И. Успенский. О серальном Кодексе Восьмикнижия (Том XII)

Ф. И. Успенский. О вновь открытых мозаиках в Солунской церкви Св. Дмитрия (Том XIV)

Б. В. Фармаковский. О живописных памятниках Пальмиры (Том VIII)

Ф. И. Шмит. О мечети Кахрие-Джами (Том XI)

Ф. И. Успенский и др. авторы. О болгарских древностях Абобы-Плиски (Том X).

Институт организовывал научные экспедиции по Анатолии (Малой Азии), Болгарии, Македонии (в том числе на Афон), Сербии, Сирии и Палестине (в то время — областям Османского государства), занимался изучением памятников Константинополя и его окрестностей. Русский Археологический институт в Константинополе был единственным археологическим учреждением российского правительства вне пределов России¹⁵.

Институт занимался также комплектованием музейных коллекций и созданием библиотеки, в которой насчитывалось не менее 21000 томов по византиноведению¹⁶.

Остановимся несколько подробнее на научной деятельности института. В 1900 г. при содействии Академии наук была организована Македонская экспедиция, во главе которой стоял академик Н. П. Кондаков (1844–1925), историк византийского и древнерусского искусства. Экспедиция занималась изучением, описанием и фотографированием редких памятников византийской культуры на территории Македонии (тогда еще входившей в состав Османской империи). Экспедиция базировалась главным образом в древнем городе Салоники, где сохранились многочисленные храмы византийской эпохи, в том числе V–VIII вв.). Ученым удалось описать ряд мозаик и фресок, впоследствии утраченных¹⁷.

Другим важным научным достижением было открытие ценнейшего экземпляра Евангелия V–VI вв. в деревне Сармасахлы, близ города Кайсери. Ценнейший памятник древней книжности привлек внимание посла России А. И. Нелидова, который в письме к президенту Академии наук от 21 ноября 1895 г. просил добиться высочайшего содействия в вопросе приобретения

¹⁵ *Новый энциклопедический словарь* под ред. об-ва Брокгауз-Ефрон. СПб., 1914. Т. 3. С. 852–853.

¹⁶ Соболев В. С. *Августейший президент...* С. 21.

¹⁷ Там же. С. 53–54.

памятника¹⁸. Великий князь доложил об этом деле императору, который распорядился выделить на покупку 8500 рублей. Приобретенное Евангелие император лично подарил Публичной библиотеке в Петербурге (ныне Российская Национальная библиотека), где оно хранится до наших дней (так называемое «Пурпурное Евангелие»)¹⁹.

А. И. Нелидов содействовал также организации в сентябре 1894 г. экспедиции Академии наук по комплексному изучению природы Мраморного моря с точки зрения геологии, метеорологии, флоры и фауны, химического состава. Исследования проводились на турецком судне «Селаник»²⁰.

Великий князь Константин Константинович уделял пристальное внимание изучению наследия восточного христианства и проявлял глубокий интерес к деятельности Русского Археологического института. В сентябре 1913 г., находясь с визитом в Константинополе, он посетил Археологический институт и встретился с Ф. И. Успенским, который просил его ходатайствовать перед российским правительством о выделении дополнительных средств для проведения Сербской экспедиции. Христианское искусство Сербии оставалось тогда еще практически неизученным. 11 апреля 1914 г. Николай II в личной беседе с Константином Константиновичем дал согласие на выделение Археологическому институту денежной помощи в размере 15.000 рублей²¹. Но начавшаяся вскоре Первая мировая война помешала осуществлению этого и других проектов.

Профессор Успенский вынужден был покинуть Турцию. Однако нам неизвестны документы, подтверждающие версию Семави Эидже о том, что сотрудники Археологического института вывезли с собой в Россию «самые ценные рукописи и древние монеты».

Автор статьи ссылается лишь на устное сообщение Халила Этхема Эльдема, бывшего директора Стамбульского музея археологии. Но других документов в пользу этой версии, по-видимому, у него нет. Между тем, по нашим сведениям, коллекции и библиотека Археологического института были конфискованы в ноябре 1914 г. турецким правительством²², а отнюдь не руководством Стамбульского музея археологии, как пишет Эидже. Именно правительство передало экспонаты в Османский музей.

Неточными представляются также утверждения профессора Эидже о том, что после войны «не было сделано ни единой попытки для восста-

¹⁸ ПФААН. Ф. 2. Оп. 1–1895. Д. 15. Л. 33–34.

¹⁹ Соболев В. С. *Августейший президент...* С. 53.

²⁰ Отчет о деятельности Императорской Академии наук за 1894 г. СПб., 1894. С. 53.

²¹ ПФААН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 2–2 об.

²² Соболев В. С. *Августейший президент...* С. 21.

новления института». В 1924 г. Российская Академия наук по инициативе Ф. И. Успенского (о судьбе которого в послевоенный период Семави Эидже ничего неизвестно) подала запрос в Народный комиссариат (министерство) иностранных дел СССР по поводу возобновления Русского Археологического института в Стамбуле. Народный комиссариат вступил в переговоры по этому вопросу с правительством Турецкой Республики. Российская Академия наук стала готовить проект устава, штата и смет института. Переписка по этой теме хранится в Санкт-Петербургском архиве РАН²³.

Правительства двух стран заключили соглашение об обмене коллекциями и библиотеками, ставшими трофеями во время войны. Следует сказать, что часть коллекций рукописных памятников, хранившихся в городе Трабзон, была вывезена оттуда летом 1916 г. группой русских ученых, командированных на Кавказский фронт для эвакуации памятников письменности и других раритетов. Среди этих ученых были академик Ф. И. Успенский, академик Н. Я. Марр, приват-доцент Петербургского университета П. А. Фалев, старший хранитель Кавказского музея С. В. Тер-Аветисян. В сентябре 1916 г. группа подготовила отчет о своей деятельности, который был заслушан и одобрен на заседании Историко-филологического отделения Академии наук²⁴. В 1924 г. Академия наук передала в Наркомат иностранных дел для отправки в Турцию 4 тюка с 15 рукописными Коранами, происходившими из Трабзона, с тем, чтобы обменять их на коллекции и библиотеку Археологического института²⁵. Но до конца эта проблема так и не была решена²⁶. Однако в любом случае нельзя говорить о том, что обмен был односторонним и что турецкой стороне ничего не предлагалось в обмен на книги из библиотеки Археологического института.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что Русский Археологический институт в Константинополе сыграл в свое время значительную роль в укреплении культурных связей между Россией и Турцией. Основание этого института открыло широкие возможности для объективного изучения культурных ценностей, познания общих начал двух наших цивилизаций. Исходя из этого, российская научная общественность приветствует появление обстоятельной публикации профессора Семави Эидже, посвященной Русскому Археологическому институту, и надеется, что в будущем традиции культурного сотрудничества двух стран будут возобновлены и дело основателей Археологического института будет продолжаться и развиваться.

²³ ПФААН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 34.

²⁴ ПФААН. Ф. 1. Оп. 1-а-1916. Д. 163. Л. 449–450.

²⁵ ПФААН. Ф. 1. Оп. 1-а-1916. Д. 163. Л. 163.

²⁶ Соболев В. С. *Августейший президент...* С. 22.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

ОБ ОПЫТЕ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО УЧЕБНО-НАУЧНОГО ЦЕНТРА РГГУ²⁷

Мое выступление на некоторое время отвлечет аудиторию от глобальных вопросов. Я хотел бы рассказать об одном из самых молодых тюркологических образований. Вообще, первое упоминание об изучении тюркских языков в России уходит в глубину веков. В «Повести временных лет», относящейся к 968 г., встречается рассказ о молодом русском воине, который пробрался через войско осадивших Киев печенегов, разговаривая с ними на их языке и расспрашивая, не видел ли кто-нибудь его коня. Ибо, как сказано там, «обучен он был по-печенежски». В знаменитом поучении Владимира Мономаха, написанном в 1123 г., сообщается о том, что в великокняжеском доме держались преподаватели, обучавшие пяти иностранным языкам, среди которых исследователи называют два тюркских: язык волжских булгар и язык половцев. В последующие периоды русские исторические документы многократно упоминают о переводчиках, знавших тюркские языки. Среди них интересно отметить упомянутых Плано Карпини в 1246 г. переводчиков русских князей Александра и Ярослава в ставке Батые и Гуюка. Их звали Сангор и Тэмер, и они приехали именно в свите князей. Когда в Москву прибыло первое османское посольство, а к султану Баязету было отправлено первое русское, то, естественно, мы находим в тогдашних

---

²⁷ Опубликовано в: *Родина*. 2007. № 4. С. 50–54.

описаниях упоминание о переводчиках. Это 1493 г. Почти все переводчики, судя по именам, происходили из татар. Однако имеются письменные свидетельства и того, что казаки Дона тоже хорошо знали османский и другие тюркские языки. А в Азове в начале XVI в. служил русский чиновник-дьяк, обученный турецкому языку. Начиная с этого периода и далее, в XVII в. на Руси широко распространяются своеобразные словари, так называемые азбуковники: нечто среднее между словарем и учебником. Один из них, например, содержал примеры и толкования слов из 24 языков, в том числе из восточных: арабского, древнееврейского, армянского, эфиопского, индийского, персидского, татарского, турецкого и других.

После того как в XVII в. в Посольском приказе была учреждена служба толмачей и переводчиков, то, судя по документам 1689 г., для приказа стали готовить переводчиков тюркского, татарского и арабского языков. Путешественник Олеарий, посетивший Россию в 30-х годах XVII в., отмечает способность русских к изучению персидского и тюркских языков и упоминает в качестве полиглота-востоковеда думного дьяка Посольского приказа по имени Ерофей, получившего за свои удивительные способности прозвище «Алмаз Иванович».

В 1700 г. Петр I издал указ «О наборе добрых и ученых, непрестарелых иноков для обучения китайскому, мунгальскому, японскому, арабскому, персидскому и турецкому языкам, нравам, обычаям и законам этих народов». Наконец, в 1716 г. Сенатом Российской империи издается указ «Москве из латинских школ выбрать из учеников ребят добрых молодых, пять человек таких, которые по меньшей мере грамматику выучили, для посылки в Персиду при посланнике, для учения языкам турецкому, арабскому, персидскому».

Востоковедное образование должно быть комплексным

Здесь мы видим ту комплексность обучения, о котором здесь говорил Дмитрий Микульский, и я целиком поддерживаю его рассуждения о важности такой традиции.

Собственно говоря, упомянутое распоряжение можно считать первой целенаправленной учебной программой Российской академии по изучению турецкого языка, в которой должны были бы принять участие в том числе и турецкие преподаватели. К сожалению, имена отобранных учеников и сведения о результатах обучения в архивах не сохранились. Преподаванию тюркских языков в учебных заведениях России в последующее время я

не буду больше уделять внимания, поскольку это достаточно подробно и тщательно сделано в монографии академика А. Н. Кононова. Следует только отметить, что в дореволюционной России тюркские языки преподавались в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Харькове, Тарту, Вильнюсе, Гельсингфорсе.

Кроме того, специальные отделения турецкого языка были в Лазаревском институте, учебном отделении восточных языков Азиатского департамента МИДа, Обществе востоковедов Российской академии наук, а также в ряде военных учебных заведений в Омске, Новочеркасске, Оренбурге, Кутаиси, Симферополе, Ташкенте. Преподавание турецкого языка велось также в миссионерских духовных учебных заведениях и в нескольких гимназиях низшего уровня. Эта разветвленная и профессионально ориентированная учебная сеть свидетельствовала скорее о практических, нежели о научных целях изучения турецкого языка в России.

Практика создания страноведческих учебно-научных центров в РГГУ

Теперь о том, чем занимаемся мы в последние три года в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ). Речь идет о практике создания страноведческих учебно-научных центров на правах кафедр. Эти центры не обучают постоянные группы, а готовят страноведческие и языковые курсы для студентов разных факультетов. Уже созданы, если перечислять их согласно очередности возникновения, иранский, египтологический и, наконец, появившийся в 2000 г. турецко-российский учебно-научный центр. Финансово-организационная поддержка последнего центра и надбавки преподавательскому составу предоставляются Ассоциацией турецких и российских деловых людей, заинтересованных в подготовке специалистов с университетским дипломом и знанием турецкого языка. Турецкий язык в РГГУ преподавался и ранее, но только на одном факультете и имел характер спецкурса. Сейчас турецкий язык изучают студенты ряда факультетов: восточных языков, политологии, социальной антропологии, культурологии и историко-филологического, всего — более 20 студентов первого, третьего и пятого курсов. Отличительной особенностью университета является то, что он не ставит своей целью подготовку именно языковых специалистов. Для студентов турецкий язык является скорее средством шире освоить изучаемую ими специальность. Очевидно, все больше будущих специалистов осознают, что тюркология входит в сферу их интересов, потому что в этом

году, наряду с филологами, лингвистами и историками, на турецкий язык записались также студенты, избравшие своей специальностью философию, правоведение, архивное дело.

В центре работают пятеро преподавателей, двое из которых являются носителями языка; языковые дисциплины представлены курсами фонетики, теоретической грамматики, исторической грамматики (включающей изучение османской письменности), лексико-фразеологическим курсом и лабораторнопрактическими занятиями по развитию разговорной речи. В программе используются учебные пособия российских, турецких и немецких учебных заведений. Основным пособием является двухтомный учебник известного преподавателя турецкого языка, ныне покойного, профессора П.И. Кузнецова²⁸. Несмотря на то что профессор Кузнецов много лет проработал в Институте международных отношений и именно там сформировал основу своей системы преподавания, в последний период своей жизни он активно совершенствовал эту систему именно в стенах РГГУ. И в учебнике, кстати, благодарность им выражена именно в адрес студентов РГГУ за редактирование текстов, поскольку сам он по состоянию здоровья уже не мог этого сделать.

В соответствии со спецификой РГГУ, студенты ориентированы в основном на последующую научно-исследовательскую и преподавательскую работу. Поэтому в программу введены также спецкурсы: введение в тюркологию, история Центральной и Западной Азии, культурное наследие тюркских народов, история турецкой литературы, тюркские государственные образования в Евразии, турецкая литература и искусство XX в. Кроме этого, ведется постоянный семинар по бытовой культуре Турции, традиционным правилам поведения в семье и в общественной жизни, семейной обрядности, основам правовых знаний, этнографическим особенностям страны. Большой успех у студентов имеют специальные практические занятия, подготовленные совместно с кафедрой музеологии и проводящиеся в фондах российских музеев, где хранятся шедевры византийского, османского, современного турецкого декоративно-прикладного и ювелирного искусства, дипломатические дары и приобретенные коллекции. Для студентов предусмотрена зарубежная практика. В этом году они проходили ее в российско-турецком лицее в Москве и в Мраморноморском университете в Стамбуле. Некоторые студенты одновременно работают в качестве переводчиков в турецких и

²⁸ Кузнецов П. И. *Учебник турецкого языка. Начальный курс*. М.: ИД «Муравей-Гайд», 2000; он же. *Учебник турецкого языка. Завершающий курс*. 2-е изд., испр. М.: Муравей, 2003.

смешанных фирмах в Москве, принимают участие в редакционной подготовке турецко-российских журналов.

С этого года двухгодичная образовательная программа турецко-российского центра внесена также в программу учебного колледжа при университете. Для нас было приятной неожиданностью, что студенты различных факультетов проявили большую активность, всего записались около 80 студентов. Мы даже не знали, что с этим делать, но, к счастью, реально занимаются четыре. Тем не менее все-таки образовались две группы. В этом году мы столкнулись еще с одним интересным явлением: поскольку в России возникла целая сеть турецких лицеев, то на приемных экзаменах нам пришлось допустить двух выпускников таких лицеев — из Улан-Удэ и из Уфы — к сдаче турецкого языка в качестве иностранного. Можно по-разному оценивать деятельность этих лицеев, но они есть и выпускают учащихся, которым приходится сдавать турецкий язык в качестве иностранного.

Создание страноведческого учебно-научного центра в рамках РГГУ позволило решить ряд проблем, связанных прежде всего с техническим обеспечением процесса обучения. Был установлен контакт с Ассоциацией турецких деловых людей в России, что позволило оснастить центр компьютерной техникой и установить телевизионную антенну, которая позволяет принимать передачи из Турции. В определенной степени скомплектована библиотека. Студенты ориентированы на научную работу. Например, одним из студентов был подготовлен и методически очень грамотно обоснован словарь турецких аббревиатур, который ранее никогда не составлялся.

Проблемы востоковедного образования должны присутствовать отдельной секцией на Всемирном конгрессе востоковедов

В отношении тех острых вопросов, которые были затронуты в ходе обсуждения, хочу заметить, что в 2004 г. в Москве состоится 37-й Всемирный конгресс востоковедов. Уже началась подготовка, в ближайшее время будет разослан первый циркуляр. Я считаю, что проблема востоковедного образования должна стать отдельной специальной секцией, и думаю, что в ходе нынешнего совещания было бы очень важно сформировать инициативную группу для подготовки программы этой секции на Всемирном конгрессе востоковедов в Москве.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

ИМПЕРАТОР, СУЛТАН И УШАК-ПАША. ОТ БОЕВОГО СОДРУЖЕСТВА К ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ГАРАНТИЯМ²⁹

Военная экспансия на Восток в эпоху Французской революции (период Директории и успехов генерала Бонапарта) неожиданно вызвала сближение еще недавних противников. В России опасались появления французского флота на Черном море, а действия французского экспедиционного корпуса в Египте сделали Турцию непримиримым врагом Франции. К коалиции примкнули Австрия, потерявшая часть своих Италийских территорий, и Англия, которую тревожили планы Бонапарта в отношении Индии.

4 февраля 1798 г. гроссмейстер Мальтийского ордена император Павел I отдал приказ эскадре вице-адмирала Федора Ушакова о боевом крейсеровании для прикрытия берегов Черного моря. А Османская Порта после высадки армии Бонапарта в Египте в середине июля официально обратилась к России и Англии с предложением военного союза. Сразу же после захвата французами Мальты, находившейся под покровительством Павла I, адмирал Ушаков получил приказ и вышел с эскадрой в Константинополь. Эскадра насчитывала около 20 боевых кораблей, 800 орудий и 7500 человек команды и десанта. Ушакову была поставлена задача: по первой просьбе турецкого правительства оказать помощь против французов.

²⁹ Опубликовано в: *Боевая летопись русского флота*. М., 1948. С. 147–159.

Император направил несколько конкретных директив действующему флоту (РГА ВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 85. Л. 120–123).

«Ушакову от 13 Мая.

...как скоро получит известие, что французская военная эскадра покусится войти в Черное море, то немедленно... дать решительное сражение, и мы надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство, что честь нашего флага соблюдена будет, разве бы она была гораздо превосходнее нашей, в таком случае делать вам все то, что требует долг и обязанность, дабы всеми случаями вы могли воспользоваться к нанесению вреда неприятелям нашим».

«Ушакову от 25 Июля.

...по получении сего имеете вы со вверенною в команду вашу эскадрою немедленно отправиться в крейсерство около Дарданеллеа, послав предварительно Авизу из легких судов к министру нашему в Константинополе Г-ну тайному советнику Томаре, известя его, что вы имеете повеление от нас, буде Порты потребует помощи, где бы то ни было всю эскадрою содействовать с ними, и буде от министра нашего получите уведомление о требовании от блистательной Порты вашей помощи, то имеете тот час следовать и содействовать с турецким флотом противу французов, хотя бы то и далее Константинополя случилось...»

«Ушакову от 7 Августа.

...По отношению к нам пребывающего в Константинополе министра нашего тайного советника Томары, о желании блистательной Порты вступить с нами в теснейший союз, и требовать от нас помощи противу зловредных намерений Франции, яко буйного народа, истребившаго не только в пределах своих веру, и богом установленное правительство и законы, видимого единым, хищением и граблением чуждаго, разрушившаго все правила честности и все правила общежития, но и у соседственных народов, который по несчастии были ими побеждены, или обмануты вероломническими их внушениями, чему показали очевидный пример, сделав ныне нападение на владения блистательной Порты в Египте на порт Александрию. Вследствие чего и повелели мы приступить к таковому союзу министру нашему, но доколе все нужные статьи утверждены будут, повелеваем вам со вверенною в команду вашу частию флота, согласно повелению данному от нас от 25 июля, следовать немедленно к Константинопольскому проливу и, остановясь у входа онаго, тот час послать легкое судно, или берегом нарочного с уведомлением

о приходе вашем нашего министра, и буде Порты требовать будет, то вы тот час следовать должны будете туда, где ваша помощь нужна будет, о чем и получите извещение от нашего министра».

19 августа в Константинополе были подписаны предварительные условия Конвенции о совместных действиях, а 22 августа была объявлена война Франции и заключен союз для совместных действий России и Турции.

24 августа Ушаков и турецкий вице-адмирал Кадыр-бей разработали совместную операцию по освобождению Ионических островов. Русская и турецкая эскадры стали в Дарданеллах в единую кильватерную колонну и общее командование возложили на Ушакова (которого в официальных турецких документах именуют Ушак-паша).

В середине сентября из русско-турецкой эскадры выделяется совместный канонерский отряд под командованием капитана 2-го ранга Сорокина, который оказывает поддержку эскадре английского адмирала Нельсона в его действиях против французов.

Кроме военных действий объединенным русско-турецким флотом велась и разъяснительная работа среди островного населения. Отряду капитан-лейтенанта Шостака было поручено распространять от имени Кадыр-бея и Ушакова воззвание к населению — «прокламацию» на понятном населению островов итальянском языке. Отряд высадил десант на острове Цериги и овладел береговой крепостью. Укрывшиеся в главной цитадели острова французы оказали сопротивление. И после подхода эскадры был высажен десант из 300 русских и 250 турецких моряков при нескольких орудиях. После нескольких часов обстрела гарнизон сдался и был отпущен под честное слово не воевать в дальнейшем.

14 октября тем же десантом штурмом взяли крепость на острове Занте, а другой десант без сопротивления овладел островом Кефалония, где в качестве трофеев было взято более 50 орудий и большое количество боеприпасов. Пленными оказываются более 200 солдат французского гарнизона. С 18 октября по 3 ноября под командованием капитана 1-го ранга и будущего адмирала Дмитрия Сенявина продолжалась операция по захвату острова Святой Мавры. Крепость с многочисленным гарнизоном оборонялась генералом Миоле, который отверг предложение о сдаче и предпринял вылазку, отбитую русско-турецким десантом. Осада затягивалась, и Сенявин приступил с помощью албанского населения к возведению осадных батарей. После прибытия эскадры десант был усилен, и началась подготовка к штурму крепости. Для штурма собрали отряд из 550 русских и 220 турок, которым

было также поручено сформировать вспомогательный отряд из местных жителей, считавших французов захватчиками. Последний ультиматум был принят осажденными, и комендант вместе с 512 солдатами сдались в плен.

Первые успехи в совместных боевых действиях подвигли дипломатов обеих стран на дальнейшее развитие союзнических отношений. 19 октября была заключена военная конвенция между Россией и Турцией, по которой для содержания русской эскадры Стамбулом выплачивалась огромная сумма в 600 тысяч пиастров, а всем главам приморских пашалыков и городов предписывалось оказывать помощь и поддержку русским морякам.

На очереди была наиболее мощная крепость с многочисленным французским гарнизоном на острове Корфу. Первые осадные мероприятия союзников не имели большого успеха. Только после соединения всех сил русско-турецкой эскадры удалось подавить атаки французского гарнизона и начать планомерные артиллерийские обстрелы крепости.

Именно в этот момент, 23 декабря 1798 года, был заключен «окончательный» договор о военном союзе между Россией и Турцией, по которому обе договаривающиеся стороны обязывались соединить свои силы для совместной борьбы против Франции, Россия получала право свободного прохода через проливы для эскадры Ушакова, а Турция принимала на себя содержание этой эскадры. Предусматривалась и помощь российских сухопутных войск на азиатских османских территориях (в количестве 75–80 тысяч человек), если Турция будет в них нуждаться. Их содержание возлагалось на Турцию после перехода этой армии через Днестр. Этот договор повлек за собой и заключение новой союзной конвенции, которую кроме прежних участников подписало также и Неаполитанское королевство.

Между тем бои за крепость на острове Корфу продолжались. Огнем турецких и русских фрегатов были «подавлены и обращены в прах» вспомогательные французские батареи острова Видо, а французские боевые корабли получили столь сильные повреждения, что ушли полузатопленными под защиту батарей острова Корфу. С русских и турецких кораблей был высажен десант, который начал штурм практически неприступной крепости. Первые укрепления Святого Авраама и Святого Сальвадора ценой крови 52 убитых и 155 раненых русских и 61 убитого и 42 раненых турок были взяты 18 февраля 1799 г. Согласно донесению, французское командование, увидев «самоотвержение, с каким осаждающие готовы возобновить нападение», принимает решение о капитуляции. Весть о взятии мощного оплота французов в Средиземноморье и огромных трофеях, среди которых были даже крупные военные корабли, сотни тысяч единиц

боеприпасов, около 3000 пленных с четырьмя генералами, была весьма благосклонно встречена правителями обеих держав, и многие участники событий были награждены русскими и османскими орденами. Ушаков был произведен в полные адмиралы. Известна восторженная реакция генералиссимуса Суворова, который воскликнул: «Зачем не был я при Корфу хотя бы мичманом?».

Успехи окрылили армию, успехи боевого содружества русских и турок поразили и даже несколько напугали Европу. Эскадра же распространяла свои действия на южное побережье Италии. Кроме того, действия французов в Египте осложнялись из-за захвата русско-турецким флотом нескольких транспортных и военных судов, направлявшихся с припасами в Египет. Настоящие морские сражения развернулись в гавани у крепости Анкона. Штурмом были взяты занятые французами города Фано, Сенигаллия и Неаполь. Корабли эскадры блокировали практически все южное побережье Италии и контролировали эту часть Ионической акватории.

К началу июня Ушакову поступили известия, что соединенный испано-французский флот в составе 50 боевых кораблей вошел в Средиземное море. В этой ситуации адмирал принял решение собрать все силы у Корфу и отозвал на корабли десант, осаждавший Анкону. Однако вскоре осада Анконы возобновилась новыми силами в союзе с итальянцами, помогавшими с суши. Русско-турецким десантом командовал капитан 2-го ранга Войнович, успешно захвативший укрепления на горе Монтаньола. Объединенная русско-турецкая эскадра располагалась на Мессинском рейде, откуда направлялись отдельные отряды кораблей с десантом в различных направлениях. В частности, по просьбе главнокомандующего русско-австрийской армией в Италии Суворова — для блокады Генуи. Эскадра Ушакова пополнилась новым отрядом русских кораблей, прибывших с Северного флота под командованием адмирала Карцева. Встреча эскадр произошла в Палермо.

В сентябре произошло драматическое и кровопролитное столкновение между турецкими матросами и местными жителями, после чего матросы взбунтовались и потребовали от своих командиров возвращения на родину. Чтобы утихомирить кипящие страсти, Ушаков дал согласие на уход турецких кораблей из Палермо. Турецкая часть эскадры ушла к Дарданеллам, а в составе русской эскадры остался только турецкий сухопутный десант. Этот десант успешно действовал совместно с русскими моряками, продолжая осаду крепости Анкона, и 2 ноября крепость сдалась. Русско-турецкий десант возвратился на Корфу, где оставался еще более года.

Каков же был результат совместных боевых действий русских и турок против общего врага? Во имя каких целей проливалась на Ионических островах кровь наших предков?

1 марта 1800 г. в Константинополе был подписан уникальный для истории наших государств документ — Конвенция между Империею Всероссийскою и Империею Оттоманскою о Республике Седьми соединенных островов. Декларируемая от имени двух императоров — Селима III и Павла I — и подписанная высокопоставленными государственными деятелями конвенция с начальных строк закрепляла итоги завоеванных побед.

«Принадлежащие прежде Венецианской республике области, во владение французов поступившие, будучи с помощью Всевышнего Творца освобождены от ненавистного им ига, соединенными Эскадрами Российской и Оттоманскою, споспешествуемыми общим рвением и подвигами обывателей своих, Его Величество Император Всероссийский и Его Величество Император Оттоманский, держась твердо правил человеколюбия и бескорыстия, служащих основанием союзного между ими Трактата, и сверх того, почитая долгом достоинства своего, исполнить данное от обоих Их торжественное обещание, определили учредить в тех Областях правление таким образом, чтобы с одной Стороны безопасность и спокойствие соседних с ними владений Блистательной Порты не могли быть нарушены, а с другой Стороны, чтобы обыватели, избавленные от ига Правительства, везде Божественные и человеческие уставы тайно и явно испровергающего, приобрели правление им самим благоугодное и с верою, законами и обычаями их сходственное. Вследствие чего Их Императорския Величества, желая, чтобы спасительное дело сие возимело всю твердость и нерушимость торжественного между Ими Договора, назначили и уполномочили для совершения оного, а именно: Его Величество Император Всероссийский благоурожденного и Превосходительного Василия Томару, своего Тайного Советника, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра при Блистательной Порте Оттоманской; а Его Величество Император Оттоманский Превосходительных Господ, облеченного достоинством Действительного Румелийского Кади-ескера Стамбул-эфендия Ессеид Ибрагим-бея и Действительного Реис-эфендия Ахмет Атиф-эфендия, которые по предъявлении своих взаимных полномочий, найденных в доброй и надлежащей форме, постановили и заключили нижеследующия статьи».

Новой республике предоставлялись права по образцу бытовавших в Рагузской республике, более известной современному читателю как Дубровник. На островах на некоторое время оставлялись смешанные гарнизоны, но все крепости, оружие и имущество оставлялись островитянам. Им разрешались беспрепятственная торговля и коммерческая деятельность во владениях Порты, в том числе и на Черном море, под своим флагом и под контролем своих назначенных консулов. Конвенция содержала положения о льготном налогообложении в новой республике и территориях, присоединенных к Османской империи, о правах граждан, их свободном религиозном волеизъявлении и землевладениях.

Известна резолюция российского императора:

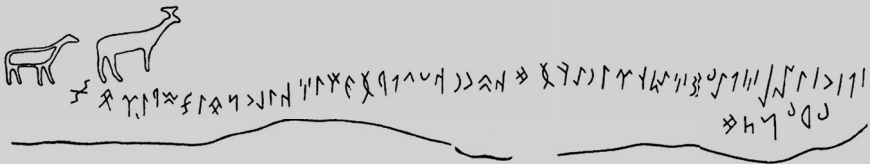
«По довольном рассмотрении сей Конвенции, Мы Оную за благо приняли, подтвердили и ратификовали, яко же сим за благо приемлем, подтверждаем и ратификуем во всем ея содержании, обеща Императорским Нашим Словом все постановленное помянутою Конвенциею не нарушимо содержать и исполнять и для вящего утверждения того. Мы сию Нашу ратификацию собственноручно подписав, Государственную Нашу Печатью утвердить повелели. Дана в Гатчине августа 15 дня 1800, Государствования Нашего четвертого года. ПАВЕЛ.

Контросигмировано: Граф Ростопчин».

Российский государственный архив Военно-морского флота, откуда черпнули мы сведения о союзнических боевых действиях русских и турок, содержит обширнейший фонд документов, связанных с историей Турции. Здесь мы ограничились лишь краткой хроникой событий русско-турецкого боевого содружества. Однако в фондах РГА ВМФ содержатся материалы, повествующие и о личных подвигах русских и турецких моряков, проявленных в борьбе за независимость народов Средиземноморья. Эти сведения содержатся и в наградных представлениях русского и турецкого командования матросам и офицерам, которые были удостоены русских и османских орденов. При этом следует отметить, что эта традиция имела постоянное продолжение и награды военным и гражданским представителям обоих государств вручались на протяжении всей последующей истории наших взаимоотношений — и в эпоху империй, и во время республик.

Раздел 3

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ
РУНИКА
И АРХЕОЛОГИЯ

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

ПРИНЦИПЫ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЮРКСКИХ РУН³⁰

В 1973–1975 гг. в соответствии с планом Советского комитета тюркологов в бассейне Верхнего Енисея проводились полевые исследования с целью подготовки Корпуса памятников тюркской рунической письменности этого региона. Издание готовят Институт востоковедения АН СССР, Тувинский и Хакасский НИИЯЛИ.

Полевые работы проводились при содействии Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР. В 1975 г. была завершена полевая часть работ. Одновременно с полевыми исследованиями в бассейне Енисея были проведены учет и систематизация всех памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. К настоящему времени в ареале учтен 241 памятник-образец руноподобного письма древних тюрков.

Одним из важнейших результатов исследования этих памятников *de visu* стало определение всего графического фонда тюркской руники региона. В большинстве публикаций древнетюркской эпиграфики существует тенденция к унификации индивидуальных графических особенностей текстов, что обычно бывает обусловлено ограниченной целью его издания — предложить чтение и толкование памятников (и чаще всего в соответствии с традиционными лексическими формулами). Другие аспекты текстологи-

---

³⁰ Опубликовано в: *Проблемы современной тюркологии*. Алма-Ата, 1980. С. 364–369.

ческого исследования, как правило, опускаются. Вследствие этого графическое многообразие, которое позволяет выделить культурно-письменные школы (или зоны) в границах азиатского ареала тюркской руники, осталось почти незафиксированным. Поэтому в задачи исследования входили учет и выяснение всего инварианта (т. е. всего наличного состава знаков), вариативности внутри системы (т. е. вариативности и перебоев в употреблении знаков), вариативности пространственно-композиционной. Параллельно устанавливалась знаковая локализация как во всей тюркской графической системе, так и регионально. Источниковедческой особенностью данного исследования является обозрение тюркской рунической письменности не с традиционной структурно-генетической точки зрения, а в функциональном плане, что позволило, оставляя в стороне вопрос о происхождении рунического письма тюрков, наметить внутренние границы и зоны различных письменных школ, установить направление эволюции дукта и его крайние точки.

Письменность тюркских рунических памятников в отличие от других формально близких письменностей не содержит в различных образцах графем, совершенно единообразных. Древнетюркское источниковедение не располагает также данными, свидетельствующими о существовании в тюркской рунике единого каллиграфического канона. Наоборот, обилие вариантов, заметное при самом поверхностном наблюдении, позволяет дифференцировать весь фонд тюркской руники. В результате такой дифференциации выделяются не только индивидуальные особенности писцов, но и черты, общие для определенных групп памятников. Как правило, это строго локализованные группы, имевшие внутренние графемные, композиционные и другие характеристики.

Комплексное исследование всего графического фонда памятников тюркской рунической письменности до настоящего времени не проводилось. В результате систематизации и учета всех аллограф, зафиксированных в рунических текстах азиатского ареала, нами установлены важнейшие характеристики, удовлетворяющие требованиям тюркской рунической эпиграфики, и терминология. Они таковы:

I. Функциональная характеристика

1. Материал письма и форма материала. Материалом письма для памятников тюркской рунической письменности являлись камень, дерево, кость, керамика, бумага, пергамент; формами — скала, стена, валун, палочка, мелкий камень или изделие (например, пряслице), деталь сбруи, зеркало,

монета, кодекс, свиток, а также граффити на штукатурке внутренних стен пещерных храмов. Бумага памятников тюркской руники (как проанализировала в *Alttürkische Schrifttum* А. фон Габэн) была различных сортов: местная и привозная.

2. Инструмент письма — кисть, трубчатое перо, резец. В качестве резаца употреблялись различные орудия. Например, в памятниках, выполненных на высоком профессиональном уровне (КТ, Т, О, Алтынкёль I и II, Означенное II и др.), применялся, несомненно, специальный каменотесный инструмент; некоторые памятники (например, Оттук-Даш I и II, Алды-Бель I и II и др.) имеют надписи, как бы выскребленные инструментом типа клевца; ряд надписей (например, наскальные с г. Тебсей, Хая-Ужу, Йыр-Сайыр II, надписи на некоторых монетах, зеркалах и т. п.) нацарапан, по всей вероятности, просто ножом; надписи на керамике до обжига выполнялись каким-либо подобием стеки.

II. Композиционная характеристика

3. Характеристика и приемы расположения текста на поверхности материала, орнаментация его. Большинство памятников тюркской рунической письменности помимо текста содержат определенный иллюстративный материал. Как правило, это изображение родового знака — тамги, которая являлась компонентом текста, а иногда антропоморфные и зооморфные фигуры или сюжеты. В некоторых случаях, например в памятнике Кара-Юс, надпись дополняет рисунки, а не наоборот. Для высекания текстов использовались памятники искусства, хронологически более ранние. В таких случаях композиция надписи строилась нередко с учетом уже имевшихся изображений (например, в памятниках Уюк-тарлан, Элегест I, Уйбат I и др.). Для оформления некоторых текстов резчиком высекались линии строк (прямые или намеренно изогнутые). Высеченная линия иногда отделяла «гербовую часть», параллельные линии обрамляли строки.

III. Авторская характеристика

4. Здесь имеется в виду все, относящееся к «физиологии жеста». Это понятие связано с индивидуализацией письма, которую создает сочетание традиции (школы) и личности писца. Данная характеристика представляет несколько собственно графических показателей каждого конкретного памятника или даже графемы. Схема подобных показателей разработана в ро-

мано-германской и славянской палеографии, однако особенности тюркского рунического письма требуют сокращения ряда показателей и введения некоторых специальных. Нами предлагаются следующие: а) модуль — размеры графем, расстояние между ними, пропорции ширины и высоты; б) дукт — последовательность, с которой выполняются составные элементы графем и направление (по горизонтали или по вертикали, справа налево или наоборот); в) почерк — удлинение или закругление окончаний, замкнутость петель, намеренное изменение пропорций (стилизация); г) пространственная ориентация графемы, т. е. поворот ее по вертикальной или горизонтальной оси, наклоны знака под небольшим углом; д) «полиформизм» — вариативность в написании одного и того же знака в пределах одного текста.

IV. Орфографическая характеристика

5. Особенности данного текста, вызванные отсутствием единства в написании одних и тех же слов в различных памятниках даже одного региона или орфографическими переборами.

6. Особенности пунктуации. Как известно, пунктуация памятников тюркской рунической письменности представлена одной, двумя, тремя точками и графемой .

Закономерности пунктуации тюрков до настоящего времени не изучены и не систематизированы. Следует лишь отметить, что правила расстановки древнетюркских «знаков препинания» довольно обширны и подчинены в большей степени законам логики, чем правописания.

Разработка терминологии для тюркской рунической палеографии осложнена целым рядом обстоятельств. Учитывая функциональные характеристики памятников (многообразие форм и материалов), отсутствие профессиональных навыков у авторов большого числа надписей, изготовление крупнейших памятников, имевших общегосударственное значение, резчиками-иностранцами и другие причины, предложить единую палеографическую терминологию для всего фонда тюркской руники едва ли возможно. Если же предпринять такую попытку, то терминологическая система, которая смогла бы охватить все детали, окажется слишком громоздкой и не послужит целям рационализации, которую предлагает всякая терминология. Здесь мы предлагаем лишь некоторые общие обозначения, которые будут использованы далее. При обозначении единиц графического фонда нами употребляются понятия «графема», «аллографа», «вариант». Графема (здесь) — неконкретизированное название основной структурной единицы

графической системы тюркской руники. Аллографы — совершенно разные графемы, использованные для одной и той же фонемы. Варианты — графемы, которые отличаются друг от друга каким-либо элементом «авторской характеристики» (например, изменением пропорций, изменением определенной детали данного знака, пространственной ориентацией и т. д.).

Для учета всего графического инварианта и его систематизации нами были составлены таблицы, каждая из которых объединяет все графические обозначения определенной фонемы. Структура таблиц выглядит следующим образом: вертикали отмечены индексом региона (с востока на запад...), горизонтали являются внутренним показателем аллограф и вариантов. Первая слева вертикальная колонка показывает порядковый номер графемы, вторая — содержит образцы руноподобных знаков, зафиксированных в памятниках для данной фонемы. На пересечениях горизонтали графического вида и региональной вертикали помещены индексы памятников, соответствующие индексам сводного указателя источников, составленного и опубликованного автором. Таким образом, данные каждой таблицы демонстрируют: 1) весь графический фонд данной фонемы; 2) регион употребления данного графического варианта; 3) памятники, в которых отмечены именно эти варианты или аллографы; 4) распространенность, редкость или уникальность каждого графического варианта (или аллографы) в регионах; 5) графическую общность двух или нескольких регионов.

В колонке образцов рунической графики нередко одна горизонталь имеет два графических варианта. В большинстве случаев это варианты, имеющие идентичную конструкцию, но отличающиеся между собой в функциональном плане (эпиграфика и рукописный текст). Рукописные варианты во всех случаях легко отличимы по линиям нажима тростниковым пером или кисточкой.

В различных регионах азиатского ареала памятников тюркской рунической письменности зафиксированы знаки, которые до настоящего времени фонетически, безусловно, не определены. Подобные знаки, отмеченные в текстах, вынесены в отдельную таблицу, их фонетическая интерпретация, по нашему мнению, преждевременна.

В результате произведенной систематизации оказалось возможным в известной степени дифференцировать графический фонд тюркской руники. По всем регионам азиатского ареала удалось выделить более 20 групп памятников, графические особенности которых формально интегрируемы.

Как правило, памятники, безусловно относящиеся к одной подобной группе, локализуются на небольших, строго ограниченных территориях.

Однако отмечен и ряд случаев неожиданного совпадения палеографии, техники и орфографии некоторых значительно удаленных друг от друга памятников различных историко-культурных зон. Здесь, вероятно, уместно вспомнить замечание С. Е. Малова о роли «бродячих грамотеев» в процессе ареального распространения тюркской рунической грамоты.

Таким образом, по всему азиатскому ареалу руноподобной письменности тюрков VII–X вв. выделены: а) памятники, имеющие уникальные, не повторяющиеся в других текстах графические особенности авторской характеристики; б) памятники, графика которых вобрала одновременно элементы многих культурно-письменных зон, что отражается в пределах одного текста; в) группы памятников, внутренне объединенные последовательным употреблением строго определенных аллограф и вариантов. Таких групп я могу назвать уже более 20.

В большинстве случаев эти группы, каждая из которых носит следы собственной письменной традиции, довольно четко локализируются, образуя замкнутые зоны (очаги) руноподобной письменной культуры. Памятники, которые изобилуют графическими и орфографическими переборами, находятся, как правило, вне этих зон.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ, Ю. И. ТРИФОНОВ

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЧЕРБИ (ТУВА)³¹

В 1973 г., во время кратковременного разведывательного маршрута 5-го отряда Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР вдоль нижнего течения р. Тапсы, левого притока р. Пий-Хем, до пос. Черби, был обнаружен камень с рунической надписью.

Камень находился на территории могильника, расположенного к югу от пос. Черби, на склонах холмов и в распадках, и содержащего значительное количество курганов скифского, гунно-сарматского и древнетюркского периодов³².

В западной части могильника, на второй надпойменной террасе Тапсы, находится второе большое скопление курганов. На некоторых из них отчетливо видны следы старых раскопок, проведенных, очевидно, А. В. Адриановым. Публикуемая стела была обнаружена выше основного

---

³¹ Издано в соавторстве с Ю. И. Трифоновым в: *Памятники истории и литературы Востока*. М., 1986. С. 5–7, 239.

³² Сведения о раскопках в этом районе Северной Тувы раннесредневековых, в частности древнетюркских, погребально-поминальных комплексов имеются в следующей литературе: Адрианов А. В. *Архив ЛО ИВ*. Ф. 1. Д. 242. Л. 34–53 (материалы хранятся в Томском гос. университете); Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работы археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. *Ученые записки ТНИИЯЛИ*. Вып. VI. Кызыл, 1958. С. 217–219; Кызласов Л. Р. *История Тувы в Средние века*. М., 1969. С. 11, 79.

скопления объектов, на одном из склонов, обращенных к реке, в 1,5 км к югу от нее. С каким-либо определенным курганом она не связана, нет рядом с ней и никаких оградок или выкладок. Стела представляет собой невысокую, прямоугольную в сечении песчаниковую плиту темно-коричневого цвета. На лицевой, более широкой, плоскости, у вершины и основания, нанесено по одной тамге. Между тамгами, почти посередине камня, проходит трещина. Трещина проходит и между строками надписи на боковой плоскости, закругленной к вершине.

Надпись выполнена инструментом с тонким лезвием, состоит из двух строк. Окончания обеих строк почти неразличимы и не могут быть восстановлены. Слева от надписи имеется крайне стершееся тамгообразное изображение, выполненное в той же технике, что и надпись. Знаки надписи различны по модулю, но расстояния между ними выдержаны одинаковые. Внешний вид надписи весьма характерен для енисейской руники. Особенности дукта и графические показатели позволяют предположить, что автор надписи не был профессиональным резчиком-писком. В пользу этого предположения говорят неодинаковый наклон знаков, отсутствие единых для всей надписи пропорций и неглубокая поверхностная резьба, которая объясняется, по-видимому, случайностью инструмента.

Транслитерация надписи:

1) qj'dl: pt²vy^l ma:ū...l^l...

2) ...št²ŋgr²i...

1-3 62

Предполагаемое чтение:

1) qajada : piti oylīma : ..

2) aša tāŋri...

Перевод текста:

1) На скале. Надпись моему сыну..

2) Вкушай, Тенгри!..

В лексике первой строки вполне определенно выделяются **qajada** и **oylīma**, достаточно распространенные в различных орфографических вариантах в тюркских рунических надписях. Интерпретация «надписи» требует дополнительного комментария. Знаки **pt²** четко выделены в строке: с одной стороны, пунктуационным разделителем — двоеточием, с другой — ясно

читаемым словом **oylīma**, обладающим иной фонетической рядностью. Таким образом, возможность объединения **pt**² с какой-либо из соседних групп знаков не прослеживается. Вместе с тем встречающиеся в рунических надписях однокоренные слова, связанные с понятием писания, имеют несколько отличную от данного примера орфографию (**b**²**t**², **b**²**it**², **b**²**t**²**g**). Объяснить подобный орфографический перебой можно, как нам представляется, иноязычным происхождением корня³³ и характерной для тюркской руники в целом орфографической вариантностью в передаче слов.

Во второй строке отчетливо читается слово **t²ngr²i** — «тенгри», хотя вариант его написания и имеет некоторую особенность. Более распространенным является вариант **t²nr²i**, который, очевидно, точнее и совершеннее. Интерпретация **aša** из **š** является ассоциативной и предлагается здесь лишь как один из вероятных вариантов.

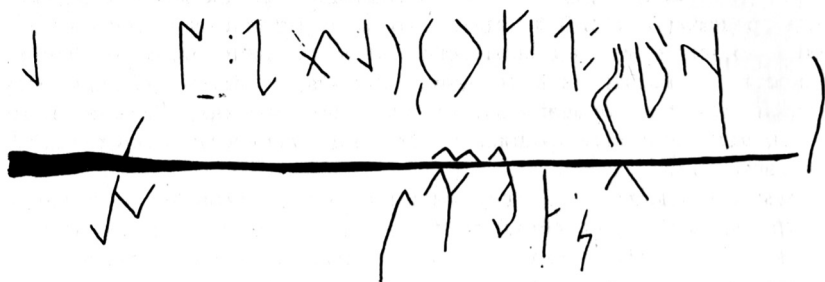

Рис. 1. Фрагмент надписи Е 87 на каменном пряслице

Характеризуя текст в целом, можно заключить, что памятник является эпитафией. На это указывают элементы текстовой формулы (в первой строке), часто встречающиеся в других, более пространственных енисейских эпитафиях. «Тенгри» в надписях на стелах упоминается реже, чем в на скальных текстах. Упоминание в надписи на стеле слова «скала» может быть также отмечено как редкое явление в фонде тюркских рунических текстов. Надпись примечательна также своей необычной орфографией, которая как

³³ От кит. кк — би, pīg pjet — кисть для письма; см., например: Gabain A. *Alt-türkisches Schrifttum. SBAW.* Berlin, 1950. С. 9; *Древнетюркский словарь.* Л., 1969. С. 103; Дж. Клосон (*An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish.* Oxford, 1972. Р. 304) допускает возможность существования в древнетюркском языке наряду с формой **biti** инициального **p** в однокоренных словах. Именная форма **biti** в значении «священное писание» отмечена Махмудом Кашгарским (*Divanü Lûgat-it-türk.* Tıpkıbasım. Ankara, 1941. S. 540, 16).

бы демонстрирует попытку человека, знающего алфавит, но несведущего в наиболее распространенном правописании того или иного слова, воспроизвести самостоятельно на письме слова по их звучанию.

Памятник является единственной находкой тюркской руники к востоку от р. Пий-Хем, в районе, недостаточно исследованном в археологическом отношении, и указывает, таким образом, возможное направление поиска надписей. Сам памятник был доставлен сотрудниками Саяно-Тувинской археологической экспедиции в 1977 г. в Тувинский республиканский краеведческий музей, где находится и в настоящее время.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

НЕРАСШИФРОВАННЫЙ ГРАФИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ СИБИРСКОЙ РУНИКИ³⁴

Среди тюркских рунических надписей азиатского ареала С. Е. Маловым были выделены две, «весьма похожие на печенежское письмо и венгерские резы»³⁵. Это надписи на деревянной палочке из долины Таласа и одном из пряслиц (надписи из фондов Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. Надпись на деревянной палочке, привлекая большее внимание исследователей, имеет несколько вариантов предположительных переводов³⁶. Надпись настолько отличается от известных азиатских региональных графических вариантов руники³⁷, что С. Е. Малов первоначально даже усомнился в принадлежности знаков на палочке тюркским рунам³⁸.

³⁴ Опубликовано в: *Ўзбек тили ва адабиети*. 1986. № 4. С. 42–44.

³⁵ Малов С. Е. *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*. М.-Л., 1959. С. 67.

³⁶ Малов С. Е. *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*. М.-Л., 1959. С. 63–68; Otkun H. N. *Eski türk yazitlari*. Istanbul, 1940. С. 3. Р. 209–214; Németh J. The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the Runiform Scripts of Eastern Europe. *Acta Linguistica*. Budapest, 1971. Т. 21. 1–2. Р. 1–52; Турчанинов Г. Ф. *Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы*. Л., 1971. С. XXVIII passim.

³⁷ См. таблицы в кн.: Васильев Д. Д. *Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала*. М., 1983. С. 95–148.

³⁸ Массон М. Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. *Материалы Узкомстариса*. М.-Л., 1936. Вып. 6–7. С. 11.

Тем не менее все исследователи надписи предлагали хотя и совершенно различные, но тюркоязычные варианты ее чтения.

Надпись на палочке из Таласа, отличаясь от руники азиатского ареала, являла убедительные аналогии при корреляциях с рунами Северного Кавказа и бассейна Дуная. По мнению некоторых тюркологов, применение для расшифровки надписи на таласской палочке системы рунических алфавитов западных тюрок (так называемых «печенежских») позволяло предлагать новые интерпретации текста³⁹.

Вторая надпись — на пряслице найдена в Минусинской котловине и близость ее знаков с надписью на палочке из Таласа была сразу же отмечена⁴⁰. Полная фотокопия надписи была опубликована нами (рис. 1), но вариант прочтения ее никем никогда не предлагался⁴¹.

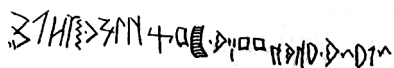

Рис. 1. Фрагмент надписи Е 87 на каменном пряслице

Обе надписи в отличие от большинства центральноазиатских памятников рунической письменности не монументальны. Поэтому их находка в таком удалении от культурно-письменных центров западного ареала руноподобных тюркоязычных надписей, как правило, объяснялась опосредованными связями либо случайным проникновением⁴².

Особый интерес в этой связи представляет зафиксированная нами в июне 1986 г. новая наскальная надпись на Верхнем Енисее в Тувинской АССР⁴³. Надпись выполнена тонкой гравировкой на наклонном скальном выступе возвышенности на правом берегу Енисея (в двух километрах выше устья

³⁹ Sčerbak A. M. Les inscriptions inconnues sur les pierres de Khoumara 3 au Caucase du Nord et le problème de l'alphabet runique des Tures occidentaux. *Acta Orientalia*. Budapest, 1962. T. 15. T. 1–3. P. 280–290.

⁴⁰ Рыгдылон Э. Р. К древнетюркским рунам Прибайкалья. *Эпиграфика Востока*. 1953. Вып. 8. С. 89–90.

⁴¹ Васильев Д. Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. *Тюркологический сборник*. 1975. М., 1978. С. 96–98.

⁴² Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. *Бартольд В. В. Сочинения*. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 179–181; Киселев С. В. *Древняя история Южной Сибири*. М., 1950. С. 613–614.

⁴³ Первое упоминание о надписи археологом Минусинского музея Н. В. Леонтьевым в частном письме в 1984 г. в соответствии с индексом «Корпуса тюркских рунических памятников бассейна Енисея» (М., 1983. С. 9–13). Памятник обозначен нами как Е 146.

р. Чинге, в начале Саянского каньона Енисея, над водоворотом, известным под названием «Чингинская воронка»). Надпись представляет собой одну строку длиной 24 см, средняя высота отдельного знака 2,5 см (рис. 2).

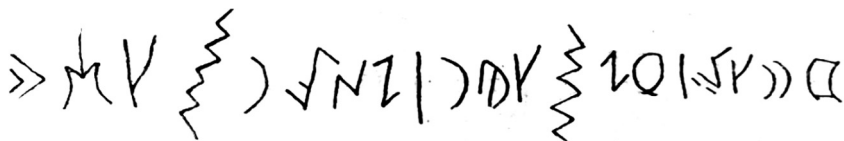

Рис. 2. Наскальная надпись E 146

Отдельные знаки надписи имеют на таласской палочке и пряслице аналоги, считавшиеся ранее уникальными для азиатского ареала тюркской руники.

Современное состояние изучения восточноевропейской руники дает возможность лишь гипотетического прочтения «западных тюркских рун» и вызывает возражения⁴⁴ против возведения центральноазиатской и восточноевропейской рунических письменных систем к гомогенному источнику⁴⁵. Прочтение надписей на таласской палочке, пряслице и надписи с Чингинской воронки также, по нашему мнению, возможно лишь с пополнением азиатского фонда аналогичных надписей новыми находками. Тем не менее, монументальный характер надписи, не соответствующей восточнотюркской рунической системе письма, дает новый материал как для гипотезы о распространении тюркских рун из некоего «центра» на северо-восток и запад⁴⁶, так и для гипотезы о сосуществовании в одних и тех же историко-культурных зонах различных вариантов тюркской руники⁴⁷.

⁴⁴ Щербак А. М. О рунической письменности в Юго-Восточной Европе. *Советская тюркология*. 1971. № 4. С. 76–82.

⁴⁵ Altheim F. *Geschichte der Hunnen*. Berlin, 1959. Bd. 1. S. 270–289.

⁴⁶ Sçerbak A. M. Les inscriptions inconnues sur les pierres de Khomara 3 au Caucase du Nord et le problème de l'alphabet runique des Tures occidentaux. *Acta Orientalia*. Budapest, 1962. T. 15. P. 1–3. P. 290.

⁴⁷ Лившиц В. А. О происхождении древнетюркской рунической письменности. *Советская тюркология*. 1978. № 4. С. 87.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

ИМЯ, ТИТУЛ, РОД, ТАМГА —
ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС
ТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ⁴⁸

1. Для тюркских рунических надписей строгая жанровая классификация не разработана. Тем не менее, можно выделить группы надписей: эпитафий, хозяйственных, сакральных, пограничных, путеводных, бытовых, личных меток и т. п. Надписи в своем большинстве невелики по объему, состав их лексики в ряде случаев ограничен текстовой формулой, а это ограничивает также и число взаимосвязанных информирующих единиц. Первичные познавательные возможности могут быть определены еще до прочтения надписи, расшифровывая же текстовую информацию, исследователи главным образом фиксировали имена, даты и давали характеристику жанровым или лингвистическим особенностям памятника. Историческая интерпретация содержания предлагалась, как правило, лишь в отношении единичных (больших по объему) текстов.

2. Почти все известные тюркские рунические надписи содержат прямые (назывные) или косвенные (описательно-определятельные) указания на героя или автора надписи (персону). Форма, структура, назначение надписи определяли при этом способ и степень кодирования информации. Источниковедческая корреляция рунических надписей, предлагаемая нами,

⁴⁸

Опубликовано в: *Бартольдские чтения*. М., 1987. С. 24–25.

строится на сходстве, различиях и степени закодированности общей для всего фонда части информации, а именно — связанной с «персоной». Элементы сведены в информационный комплекс «имя-титул-род-тамга», буквенный код расшифровывается следующим образом:

«А» — личное имя (чаще всего двух-, трехкомпонентное, состоящее из собственного имени — A^1 и «геройского имени», т. е. прозвища — A^2); «В» — титул и какой-либо из традиционных эпитетов к титулу;

«С» — родовая принадлежность (указанная непосредственно этнонимом, переданная иным способом изложения информации) или отрицание принадлежности к какой-либо иной — например, враждебной этнической группе;

«Д» — родовая тамга (полностью идентичная, однотипная или другого типа) (рис. 1, 2).

Памятник	A^1	A^2	В	С	Д
Е 1.	/информация отсутствует/	Эль Тоган	бег, тутук, посланник	правитель шести родовых групп	☪
Е 3.	Тириг	Учин Кулюг /к 63 годам/	вассал наимеющий земли и ре- пятьдесят золотых поя- сов правитель божественно- го эля"	правитель ки под наз- ванием Эгюк	☪

Рис. 1. Информационный комплекс «имя-титул-род-тамга»

Памятник	A^1	A^2	В	С	Д
Е 108.	Бегю, сын Ал- тая	/информация отсутствует/	бег	правитель ме- стностей Эгюк и Уюк	☪
Е 37.	/информация отсутствует/	Кара-хан /к 26 годам, по- сле воинских успехов/	бег, внут- ренний правитель	принадлежал к племенно- му союзу тюр- гешей, возмож- но чтение о том, что вел боевые действия про- тив азов.	☪

Рис. 2. Информационный комплекс «имя-титул-род-тамга»

3. Объединенные в таблице элементы информационного комплекса «имя-титул-род-тамга» дали возможность путем корреляции реконструировать в памятниках тюркской рунической письменности значительную часть отсутствующих элементов комплекса. Метод дополнения кода или «надстраивания системы» по аналогам обеспечил этническую, геральдическую, социальную, территориальную атрибуцию большого числа памятников в бассейне Енисея, Горного Алтая, Киргизии. Учитывая сравнительно малую информативность кратких наскальных граффити, надписей-меток на изделиях и других эпиграфических памятников тюркской руники, метод может быть эффективно использован и для других зон рунического ареала, включая восточноевропейскую его часть.

D. D. VASILYEV

VERSUCH ZUR LOZUNG DER KERBINSCHRIFT AUS DEM UMGEBUNG VON KALOCSA IM SPIEGEL DER EURASISCHEN PARALLELEN⁴⁹

Die in dem Grab eines berittenen Kriegers in der Umgebung von Kalocsa entdeckte Inschrift auf dem Fragment einer Knochenplatte, die den Bogen (oder Köcher) bedeckt hat, stellt bloß einen Textabschnitt dar, der aus 12 Kerbzeichen und zwei Trennungszeichen — Doppelpunkten — besteht (Abb. 1). Die Inschrift wurde von einem nicht beruflichen Schreiber mit dünnen, feinen Linien vermutlich nicht zur Zeit der Erzeugung der Waffe, sondern schon während ihres Gebrauches eingekerbt. In Betracht ihrer Funktion kann die Inschrift wahrscheinlich mit dem Benutzer der Waffe in Zusammenhang gebracht werden, der die Sprache, in welcher die Inschrift verfaßt worden ist gewiß gekannt hat.

Unter den bisher gekannten eurasischen Reiternomaden der Landnahmezeit befinden sich zwei, dem Stück von Kalocsa ähnlichen Charakter zeigende Funde. Der eine wurde von B. B. Ovcinnikova im Jahre 1971 in dem einen Grab des türkischen Gräberfeldes von Ajmyrlyg bei der Siedlung Čaa-Hol‘(Tuva) gefunden: die Inschrift befindet sich auf dem einen Bogenmittelsknochen⁵⁰. (Abb. 2) Die andere, verhältnismäßig lange — aus 24 Kerbzeichen bestehende — Inschrift wurde auf der Knochenplatte eines Bogens von chasarischem (innerasiatischem)

⁴⁹ Опубликовано в: *Folia Archaeologica*. Т. XLIII. Magyar Nemzeti Múzeum. Budapest, 1994. S. 180–191.

⁵⁰ Овчинникова, 1981, 133–134; Васильев, 1983, 46, 81.

Typ beobachtet, die aus einem bei dem in den Don mündenden Manycfluß erschlossenen Hügelgrab zum Vorschein kam⁵¹. (Abb. 3) Beide Fundkomplexe können relativ gut datiert werden: der Bogen von Ajmyrlig auf das 7–8. Jh., der von chasarischem Typ auf die Mitte des 8. Jh.⁵². Es soll bemerkt werden, daß sich zwischen diesen drei Inschriften — außer ihrer Funktion — auch sonstige Ähnlichkeiten gibt: in der Zusammensetzung der Zeichen, in ihrer Schreibart und räumlichen Unterbringung.

Trotz dessen, daß die Fundstellen der auf den Ausrüstungen der Bogenschützen beobachteten Kerbinschriften in der eurasischen Steppenzone voneinander sehr weit befinden, können sie aufgrund ihrer Schreibweise zu einer jeden osteuropäischen Abart der türkischen Kerbschrift gereiht werden⁵³. Die Kerbinschriften osteuropäischen Typs haben bisher weder eine überzeugende Lesung, noch eine zuverlässige volksgeschichtliche und allgemeine historische Auslegung. Betreffs ihrer Chronologie datieren die verschiedenen Forscher diese Inschriften zwischen ziemlich weite Zeitgrenzen, auf den Zeitabschnitt zwischen dem 6. und 10. Jh. Die Lesung dieser Texte wird dadurch erschwert, daß der Lautwert der osteuropäischen Kerbzeichen mit dem der innerasiatischen türkischen (der Orhon-Jenisseigegend) nicht im Einklang steht. Die Bestimmung: "osteuropäische Kerbschrift" kann stets weniger als eine genaue Terminologie betrachtet werden, da neuerdings in den asiatischen Verbreitungsgebieten der kerbinschriftlichen Denkmäler auch solche Inschriften vorgekommen sind, deren Zeichen größtenteils nicht denen der Orhon-Jenisseigegend oder des Siebenstromlandes, sondern den osteuropäischen Schriftzeichen ähneln. Die ersten — heute schon allgemein bekannten — derartigen asiatischen Funde sind: der Stab aus dem Talas-Tal, sowie die kleinen Steingewichte des Museums von Minussinsk. Die Schreibart der an ihnen sichtbaren Kerbzeichen verglichen viele Forscher mit den osteuropäischen Kerbinschriften⁵⁴.

Bei der Mitteilung eines jeden neuen Fundes wurde es eine Tradition, solche Tabellen zusammenzustellen, in welchen die einen unbekannten Lautwert, jedoch in bedeutendem Maße gleiche Schreibweise zeigenden Zeichen der verschiedenen osteuropäischen und aus dem Talas-Tal stammenden — voneinander raumgemäß sehr entfernten — Inschriften in einer phonetischen Reihe Vorkommen. Dies ist auch

⁵¹ Semenov, 1988, 108–109; 102–103, Zeichnung 4. In der Literatur ist noch an einer Stelle von einer auf den Bogenbelag eingekerbten Inschrift die Rede, die in einer Kurganbestattung der Dongegend zum Vorschein gekommen ist: Kyzlasov, 1988, 125.

⁵² Savinov, 1984, 129; Semenov, 102–103 (Tafeln).

⁵³ Kljastornyj, 1979, 270.

⁵⁴ Malov, 1959, 65–88; Vasil'ev, 1978, 96–98.

natürlich, da ja für einen jeden Forscher die Ähnlichkeit vieler Zeichen sofort in die Augen sticht. Trotz des Gesagten wagten sich die Forscher dennoch nicht in solche Vermutungen einzulassen, die diese Ähnlichkeit mit einem gemeinsamen Ursprung erklärt hätten; einerseits wahrscheinlich aus dem Grunde, daß in Innerasien die Zahl der mit den osteuropäischen übereinstimmenden Kerbinschriften äußerst gering ist, andererseits waren diese an winzigen Gegenständen vorgenommene Kerbungen, ferner weil zwischen dem Siebenstromland und dem Nord-Kaukasus, also zwischen den beiden Endpunkten, wo Kerbinschriften osteuropäischen Typs zum Vorschein gekommen sind, ein sehr beträchtlicher Abstand ist.

Bis heute übertrifft in der asiatischen Region die Zahl der Kerbinschriften mit einer der osteuropäischen ähnlichen Schreibart mehr als zwanzig. Besonders wichtig ist der Umstand, daß die Fundstellen der Inschriften solchen Typs an der Landkarte eine zusammenhängende Kette bilden, die das Verbreitungs- und Benutzungsgebiet der Variante (genauer: Varianten) der osteuropäischen Kerbschrift, oder den Weg ihrer Herkunft umreißt. Zu den Funden, welche die mit dem Verbreitungsgebiet und dem zurückgelegten Weg dieser Inschriften von ihrem Ursprungsort gerechnet, sowie vielleicht mit ihrer Lösung in Zusammenhang stehende neue Voraussetzung bekräftigen, können wir die aus dem Jenissei-Tal, dem Altai und aus Kysyl-Kum stammenden Felseninschriften⁵⁵, die bemalte Inschrift eines Gefäßes aus der Aralegend⁵⁶, ferner die Inschrift auf einem Stierschädel der Volgagegend⁵⁷ reihen (s. *Abb. 4—7*).

Diese letztere Fundstelle knüpft die Verbreitungskette an das “Stammgebiet” der osteuropäischen Kerbschriftendenkmäler, deren westlichste Punkte: Szarvas⁵⁸ und Kalocsa⁵⁹ sind.

Da es gegenwärtig nicht möglich ist, diese Inschriften in verlässlicher Form zu enträtseln, richten die Forscher ihre Aufmerksamkeit dem Vergleich der Schreibart zu. Dieser Umstand wird auch damit begründet, daß der Zeichenvorrat des osteuropäischen Kerbtyps nicht einheitlich ist, er hat auch innere Varianten.

⁵⁵ Vasil’ev, 1986, 42–44; Kyzlasov, 1986, 108–144.

⁵⁶ Kljastornyj-Levina 1989, 87–96; Devlet 1982, 109, Taf. 28,1; Vasil’ev, 1983, 47.

⁵⁷ Kljastornyj-Vásáry, 1987, 171–179.

⁵⁸ Juhász, 1983; Róna-Tas, 1983; Vékony, 1987, 234–248; Harmatta, 1990, 256–259.

⁵⁹ Dienes, 1972, 72; Dienes, 1990a, vom Inhalt des Vortrages informierten wir D. D. Vasil’ev mündlich; Dienes, 1992a, auf die Aufforderung von D. D. Vasil’ev eine über die gemeinsame Publikation des Fundes verfaßte Mitteilung; Dienes, 1992b; Vékony, 1992; Vasil’ev, 1992. D. D. Vasil’ev faßte auch hier, ebenso wie auch im späteren, ohne die Vorstellungen der ungarischen Forscher zu kennen, seine Gedanken im Zusammenhang mit dem Kerbschriftfunda von Halom ab, die er mit seinen Forschungsergebnissen bezüglich der Herkunft der sog. osteuropäischen Kerbschrift verband. (Bemerkung von I. Dienes.)

In der Forschung bildeten sich schon gewisse Kriterien beim Vergleich des osteuropäischen Schriftsystems aus, jedoch wurden in bedauerlicher Weise die mit ähnlicher Schreibart entstandenen Zeichen des asiatischen Gebietes nicht beachtet.

In den Vergleichungstabellen werden zum Beweis der Ähnlichkeit im allgemeinen einige charakteristischsten Zeichen des osteuropäischen Kerbsystems herangezogen.

Dieser Tradition folgend heben wir aus der Inschrift der Köchermündung von Kalocsa das Zeichen *ø* hervor, das auf den Denkmälern der innerasiatischen Kerbschrift aus der Orhon-Jenisseigegend unbekannt ist.

Dieses charakteristische Schriftzeichen kommt auf den Inschriften des Hortfundes von Nagyszentmiklos, auf den Steinen der Festungsrue von Humara, auf dem Stierschädel aus der Volgagegend, auf dem Fund von Szarvas, sowie auf den Felseninschriften und Bogenknochen aus West-Tuva vor. Man, könnte es wagen, die Hypothese zu stellen, daß die Inschrift von Kalocsa aufgrund der paläographischen Eigenartigkeiten — den östlichen, türkischen Varianten der Kerbschrift am nächsten steht. Ihre Kompositionseigenartigkeiten und die traditionelle Weise, wie die Inschrift auf die Knochenauflage der Bogenausrüstung aufgetragen worden ist, lassen gleicherweise den Vergleich mit den türkischen Parallelen zu. Das Zeichen *ø* kommt auch auf einer Felseninschrift der Jenisseigegend vor, wo es mit genügender Grundlage im Wert eines „m“ gelesen werden kann, wie z. B. im Wort *elim -øll* in der Bedeutung „*mein Reich, mein Stammesbündnis*“ usw., das auf den Kerbinschriften der Jenisseigegend besonders häufig und in charakteristischer Weise angetroffen werden kann.

Obwohl es nicht in meinem Vermögen steht, aufgrund der innerasiatischen phonetischen Übereinstimmungen einen auf die Lesung der Inschrift von Kalocsa fußenden Vorschlag zu tun, möchte ich dennoch die Aufmerksamkeit auf folgendes richten: Der Teil zwischen den worttrennenden Doppelpunkten: *tøvGt* : könnte mit gewissen Vorbehalten auch so gelesen werden: „*qayan'imqa*“, also ‚meinem Khagan‘, falls dieser Textabschnitt auf irgendeinem weniger geregelten, z. B. aus der Jenissei-, oder Altaigegend stammenden Denkmal der innerasiatischen Kerbschrift Vorkommen würde. Die Spiegelform des Zeichens A «q», das ist aus zahlreichen Inschriften der Jenisseigegend bekannt und die Tatsache, daß das benachbarte Zeichen, das velare G die Möglichkeit ausschließt, daß es sich um das dem betreffenden Zeichen nahestehende, jedoch in palatalem Milieu gebrauchte Zeichen H handeln würde. Der unregelmäßige Gebrauch des Zeichens *v* statt des üblichen) (*nl*) (dieses letztere ist im Wort „*qayan*“ regelmäßig) kommt auf den Inschriften der Jenisseigegend vor. Appendizes nicht selten vor. Die obige Hypothese scheint vielleicht allzu wagemutig zu sein, jedoch ist heute noch für

die Lösungsversuche der osteuropäischen Kerbschriftensysteme im allgemeinen die Unsicherheit der Voraussetzungen charakteristisch.

Das archaische türkische Schriftsystem wurde offenkundig mit Hilfe der sogdischen Schrift reformiert. Dieses reformierte System wurde im Laufe der Entwicklung der Staatlichkeit zur amtlichen Schrift der innerasiatischen Türken (vgl. das Schriftsystem der Orhon-Jenisseigegend). Die archaische Grundform wurde aber von den protobulgarischen, T'ieh-lê genannten Stämmen in westliche Richtung bis zur Volga-Donagegend verbreitet, wo diese Schreibart in — auf verschiedenen Stufen — entwickelten Formen weiterlebte.

Zur Entstehungszeit des bulgarisch-chasarischen Staates nahm die uralte Schriftform im Westen eine neue Entwicklung, jedoch in einer anderen Richtung, als die Schrift von Orhon-Jenissei. Diese Entwicklung widerspiegelt bei den verschiedenen türksprachigen Stämmen verschiedenartig die Traditionen des gentilen Symbolsystems, die Verbreitung der Schriftlichkeit, die örtlichen historischen und kulturellen Eigenartigkeiten und die Auswirkung der Schriftzeichen anderer Sprachen. Alldies veranlaßte zahlreiche Modifikationen, jedoch dürfte bei einzelnen Volksgruppen — in der Form sakral-gentiler Traditionen — die archaische Variante der innerasiatischen Schriftform auch konserviert haben.

Innerhalb der osteuropäischen Kerbschrift unterscheiden die Forscher einige örtliche Varianten. Die an den Knochenbelag der Bogenschützentasche eingekerbte Inschrift aus der Umgebung von Kalocsa können wir zu den frühen Varianten der osteuropäischen Kerbschrift reihen.

Vom Gesichtspunkt der Schreibform gleicht sie am meisten den Inschriften der türksprachigen protobulgarischen Stämme. Die Vorfahren dieser Stämme gehörten einst zum Stammbündnis T'ieh-lê, lebten später dann im Verband des Chasarischen Khaganats und drangen aus dem Nord-Kaukasus bis in die Untere Donaugegend vor.

Der Besitzer des Köchers war gewiß das Mitglied irgendeines — die westtürkische Sprache sprechenden — chasarischen Stammes. Der berittene Bogenschütze diente vermutlich als Söldner im ungarischen Stammbündnis, dessen Fürst er als einen "Khagan" betrachtet haben dürfte. Im Laufe seiner Dienste erwarb er sich Schätzung.

Die Inschrift läßt sich mit größter Wahrscheinlichkeit nicht früher als auf die Jahre 890 n. Chr. datieren und mit irgendeiner der türkisch-chasarischen ethnischen Gruppe – z. B. mit den Chabaren — in Zusammenhang bringen, die zu dieser Zeit mit dem ungarischen Stammbündnis gemeinsam in das Karpatenbecken eingedrungen sind⁶⁰.

⁶⁰ Иллюстрации к статье см. Fig. 1–7.

Fig. 1. Kerbschrift auf dem Knochenbelag der Köchermündung aus der Umgebung von Kalosca (in der Audzeichnung von D. D. Vasil'ev)

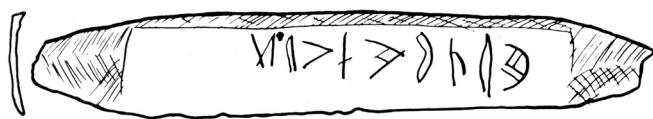

Fig. 2. Griffknochen mit Kerbinschrift auf einem Bogen aus Tuva (nach B. B. Ovchinnikova)

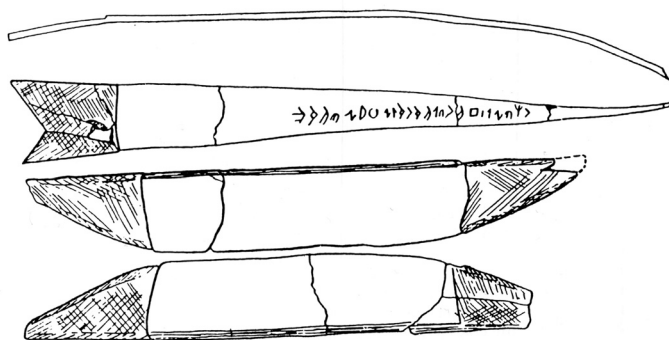

Fig. 3. Der Knochenbelag des Bogens mit Kerbenzeichen vom Ufer des Manyflusses (nach A. I. Semenov)

Fig. 4. Kerbinschrift aus Tuva — Ortal Sargol (nach M. A. Devlet)

Fig. 5. Felseninschrift aus Tuva, aus der Gegend des Cingafusses

Fig. 6. Inschrift aus östlichen Gegend des Aral (nach L. M. Levina)

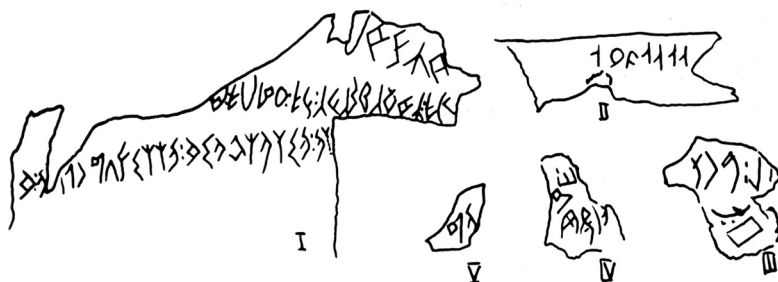

Fig. 7. Kerbinschrift auf einem Stierschädel aus der Volgagegend
(nach S. G. Kljastornij — I. Vásáry)

Bibliographie

Kljastornyj S. G., Levina L. M. Ob odnoj runiceskoj nadpisi s gorodisca Altyn Asar (Vostocnoe Priaral'e). *Etniceskaja istorija i tradicionnaja kul'tura narodov Srednej Azii i Kazachstana*. Nukus, 1989.

Kyzlasov L. Novajaruniceskajapis'mennost' Juznoj Sibiri. *Archeologija Gornogo Altaja*. Gorno-Altajsk, 1988.

Malov S. E. *Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti Mongolii i Kirgizii*. Moskva-Leningrad, 1959.

Ovcinnikova B. B. K voprosu o vooruzhenii kocevnikov srednevekovoj Tuvy. *Voennoe delo drevnich plemen' Sibiri i Central'noj Azii*. Novosibirsk, 1981.

Röna-Tas A. A. A szarvasi tutartó felirata. The Inscription on the Needle Case of Szarvas. *NyK* 87 (1985). P. 225–248.

Savinov D. G. *Narody Juznoj Sibiri v drevnetjurkskuju epochu*. Leningrad, 1984.

Semenov A. I. K vyjaveniju central'noaziatskich elementov v kul'ture rannesrednevekovych kocevnikov Vostocnoj Evropy. *ASGE*, 1988.

Vasil'ev D. D. Drevnetjurkskaja epigrafika Juznoj Sibiri. *Tjurkologiceskij Sbornik 1975*. Moskva, 1978.

Vasil'ev D. D. *Korpus tjurkskich runiceskich pamjatnikov bassejna Eniseja*. Leningrad 1983.

Vasil'ev D. D. Nerasshifrovannyj variant sibirskoj runiki. *Uzbek tili va adabiet*. 1986. № 4.

Vasil'ev D. D. Hozzászolás Dienes István eloadásához. *Beitrag zum Vortrag von István Dienes*. filetünk 30 (1992). P. 547–548.

Vekony G. Spätvölkerwanderungszeitliche Kerbinschriften im Karpatenbecken. *Acta ArchHung*. No. 39 (1987). P. 211–256.

Vekony G. Über die Deutung der Inschrift von Halom. *Beitrag zum Vortrag von István Dienes am 28. August in der Sektion D/3 des Kongresses CIFU-7* (Debrecen 1990). Manuskript.

Vekony G. A halomi honfoglaláskori tegezfelirat. *Die landnahmezeitliche Köcherinschrift von Halom*. Eletünk 30 (1992). P. 542–546.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

ПЕРСОНАЛИИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ЭПИТАФИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА⁶¹

1. Памятники древнетюркской письменности — эпитафии на каменных сооружениях — в большинстве своем имеют трафаретную основу и определенный лексический репертуар. Тем не менее, каждая надпись имеет и текстовые, композиционные, графические, семантические и другие особенности, что делает каждый памятник уникальным историческим источником. Связь каждой эпитафии с конкретной персоной, имя, титул, символы и жизнеописание которой в различной степени представлены в тексте, подчеркивает эту уникальность. Однако трафаретная основа древнетюркских эпитафий позволяет применить здесь элементы методики формализованного исследования источников массового типа.

2. Тексты древнетюркских надписей редко анализировались путем взаимного сопоставления как группа хронологически и территориально объединенных исторических источников. Чаще всего из одного-двух памятников извлекалась информация об определенном событии, и эта информация сопоставлялась с сообщениями иноязычных авторов. Тем самым, большая часть текста надписей оставалась за пределами источниковедческой интер-

---

⁶¹ Опубликовано в: *Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины*. М., 1995. Вып. 3. С. 256.

претации. На это повлияли также краткость древнетюркских эпитафий и отсутствие у многих из них надежных переводов и датировок.

3. Полевые археографические исследования позволили памятники из Южной Сибири объединить в группы по территориальному принципу. Несколько десятков памятников из Южной Сибири удалось интегрировать, установив места их сооружения, а текстологическое исследование этих эпитафий дало дополнительный материал для подобной интеграции. В составе каждой выделенной группы оказываются как пространные эпитафии, повествующие об определенных событиях жизни героя, так и краткие, состоящие из имени или тамги.

4. Содержание различных по объему эпитафий, составляющих единую территориально-родовую группу, рассмотрено через персоналии текстов:

- имя лица, которому посвящена эпитафия (личное, «геройское»);
- сведения о его возрасте в момент определенных событий;
- титул или социальная характеристика;
- родовая принадлежность данного лица и другие этнонимы, упоминающиеся в тексте (враги, союзники, породнившиеся группы и т. п.);
- топонимы и географические сведения;
- заслуги героя надписи;
- родовая тамга.

5. Взаимные сопоставления сведений различных эпитафий одной группы по данной схеме позволили в ряде случаев реконструировать родовые генеалогии, уточнить относительную хронологию исторических событий в регионе, определить родовые территории и изменения их границ. Некоторые материалы могут пролить свет на практику наследования у раннесредневековых кочевников Южной Сибири.

D. D. VASILYEV

SAYAN-ALTAY ASİLZADELERİNİN KİMLİKLERİ
HAKKINDA GÖK TÜRK YAZITLARINDAKİ
BİLGİLER⁶²

INFORMATION IN ORHON INSCRIPTION ON
THE IDENTITIES OF SAYAN-ALTAI NOBLES⁶³

Güney Sibirya’da bulunan taşlar üzerindeki Gök Türk mezar yazıtlarının çoğu, metin kalıbına ve belli bir kelime hâzinesine sahiptir. Buna rağmen her yazıtın kendi metin, şekil, kompozisyon, yazma, anlam ve özellikleri var. Bu sayede her yazıt, eşi olmayan tarihî ve kültürel kaynak niteliğini kazanır. Bu kaynakların her birinde somut bir kişilik, bu kişiliğin adı, unvanı, simitleri ve hayat yolu var. Her metinde çeşitli derecede var olan bu detaylar, her mezar yazıtının eşsiz olmasını vurguluyor. Fakat Gök Türk yazıtlarının kalıp şeklindeki esası, yığmsal tip yazılı kaynakların incelenmesine özgü lormazasyon metatlarını kullanmak imkânını veriyor.

Yörede yapılan arkeolojik araştırmalar sonucu Güney Sibirya anıtları hakkında şu soru çözülebilir: Anıtların hangileri birbirine yakın veya bir

⁶² Издано по-турски в: *Uluslararası Türk Dili Kongresi, 1992*. Ankara, 1996. S. 357–366.

⁶³ Издано по-английски в: Permanent International Altaistic Conference Newsletter. No. 21, May 1993. P. 9–10.

yörede bulunmaları nedeniyle bir grupta birleştirilebilir? Bu mezar kitabelerinin tekstolojik incelenmesi, böyle bir entegrasyon için ek malzeme verdi.

Bu arada kahramanın hayatında yer alan olup bitenleri anlatan uzun yazılar ve ancak bir isimle damgadan ibaret kısa kitabeler aynı grupta bulunuyor.

Gök Türk mezar kitabelerinin çoğunun bir kalıba göre yazılması sayesinde şu veya bu yazıtın kahramanına ait bilgiler bir sistem hâline getirebilir.

Tahlilin ilk aşamasında yazıt kahramanlarının akrabalığına, aynı topraklara sahip olmalarına, miras alman unvan, damga mal gibi diğer belirtilere göre anıt grupları oluşturuldu. Anıtın aynı gruba giren başka anıtlara yakın bulunması da göz önünde bulunduruldu.

Yenisey mezar kitabeleri fonu tümüyle görüşülürken, yazıt kahramanlarının soy içindeki ve sosyal ilişkileri daha düzenli bir şekil kazanarak, belli bil-tarihî zincir oluşturdu. Bu sayede Türk asilzadelerinin Gök Türk İmparatorluğunun merkezinden uzak bölgelerinde de soy cetvelleri ihya edilebildi. Görüldüğü gibi mezar kitabelerini taşıyan anıtlar dikme geleneği, yuz elli yıl içinde yaşayarak, Türkçe konuşan kağanlığın soy, kavim ve askerî hı- yerarşisini yansıttı.

En kısa olsa bile tüm okunan Gök Türk mezar kitabelerinin birbirine ek olan metinler olarak karşılaştırmalı tahlili ve ayrı ayrı yazıtlar değil, bir bütünlük olarak, birbirine bağlı hikâyeler niteliğinde görüşülmesi, Gök Türk İmparatorluğu'nun tarihçesinde sınır bölgelerinde yaşayan asilzadelerin gerçek adlarını ve rollerini canlandırmaya imkan veriyor.

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in cooperation with the Orientalists' Association of the Russian Academy of Sciences has adopted and realises now the Programme of computerized research on the history of mediaeval Eurasia. The Programme envisages the creation of the complex computerized information system including the creation of some data bases which encompass the funds of the archives' depositories, collections of manuscripts, museums of the European and Asiatic parts of Russia, Central Asia and the Caucasus. The main feature of the system is the use of the texts written in different western and oriental, modern and ancient languages, graphic illustrations, photo and video documents within the single data base (multimedia system).

The orientalist-historians and philologists, who are the specialists in oriental sources, take part in the Programme. This Programme has been supported by the specialists in the scientific centres in the Central Asiatic and the Caucasus Republics and the orientalist from these centres take part in it.

The efforts of many specialists both humanitarian and engineers are combined for the realization of the Programme and for the creation of contemporary means of

researching works, which can facilitate both the work with the original sources and the opportunity of the following scientific analysis as much as possible. At the same time the Programme suggests guaranteeing making the camera-ready form of critically prepared texts and original researches based on their analysis which will be made on the high polygraphic level and with the use of rare systems of written languages.

In the course of this Programme fulfilment the series of original system developments and special software will be created. Now' the Programme has got the descriptions of the texts' sets sent by the scholars taking part in the work. Among them such texts as Turkic runic inscriptions of the Sayan-Altai, inscriptions, documents and manuscript sources of the Institute of history, archeology and ethnography of the Tajik Academy of Sciences, Central Asian numismatic complexes, historical documents belonging to the Bukhara National Library's collection, manuscripts of the Saint-Petersburg filiation of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and others. The groups of programmers are being organized who are working out the system R&D and specialized software which permit to form and to keep the data bases of the standard texts in their original shape, the "working" data bases for the analysis of the formed texts' massives and also to make into page and to print the critical publications of the texts and based on the learning of them fundamental academic research in their print variety.

It was decided to publish twice a year a Scientific Informational Bulletin in which both oriental and applied software topics would be present. Please send your orders and offers to the Orientalists' Association which is situated 12, Rozhdestvenka str. Moscow 103753, Russia.

On completion of the first stage of the Programme (in 2,5–3 years) it is supposed to carry out in Moscow an international meeting on the problems of the use of contemporary methods in historical oriental research⁶⁴.

---

⁶⁴ Иллюстрации к статье см. Fig. 1–6.

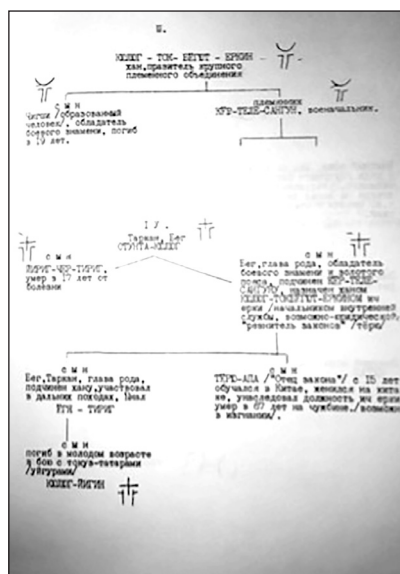

Fig. 3

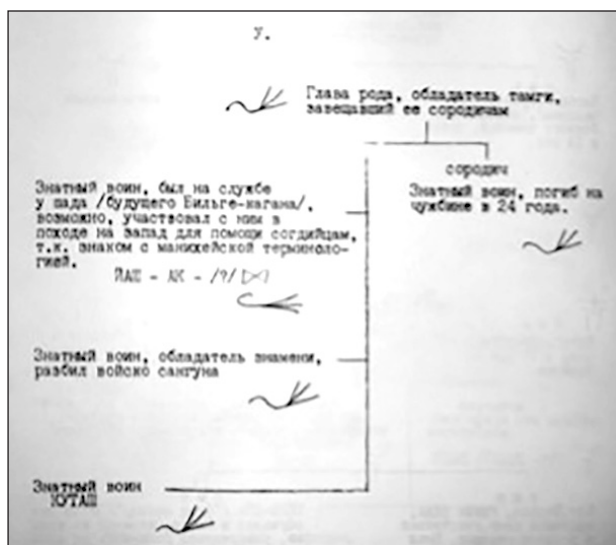

Fig. 4

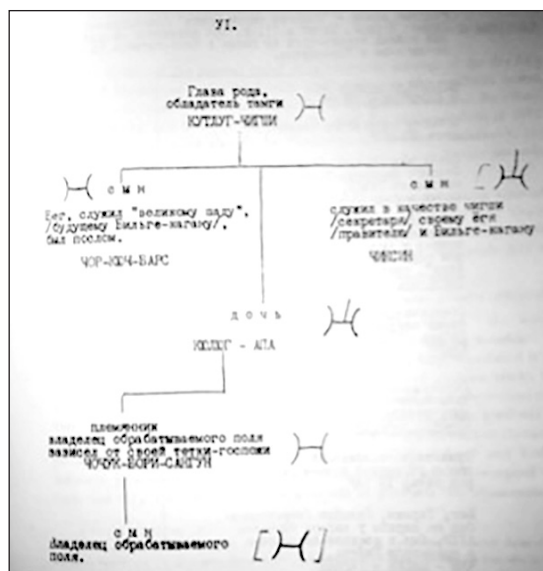

Fig. 5

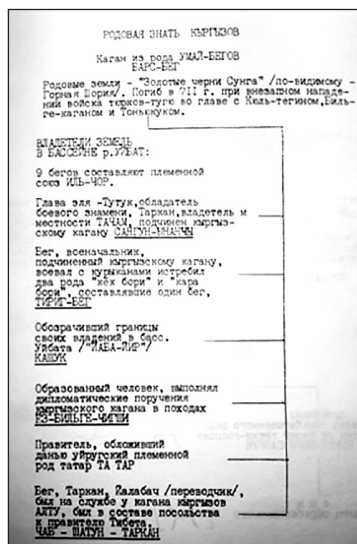

Fig. 6

Contents

The Principles and the Perspectives of the “Programme of the Computer Research on the Mediaeval History of Eurasia”.

The Principles of the Work with the Factographical Historical Databases.

Articles

Bljumkhen S. I. (Moscow) The Structure of Ancient Chinese Guessing Dices’ Database.

Dovidovitch E. A. (Moscow) The Piospects of the Database of Sheibanids’ Golden and Silver Coins.

Dodhudoeva Lola N. (Dushanbe) The Prospects for the Use of PC Methodics in the Historical Research of the Mediaeval and Modern History Department of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Tajik Academy of Sciences.

Dubrovskaja D. V. (Moscow) The Problems of the PC Produced Hieroglyphic Texts of Chinese Mediaeval Historical Sources.

Ermolenko L. N., Smirnoff D. A. (Kemerovo) Asian Steppes’ Stone Skulptures’ Database Structure.

Ivanoff B. A. (Moscow) Possibilities of the PC Dealing with the Sources on Nepalese History.

Kazakoff B. (Bukhara) The Experience of Formalisation of the Historical Documents’ Regests (the Collection, of Bukhara’s National Library).

Nastich V. N. (Moscow) Middle Asian Sepulchral Epigraphic Monuments in Arabic (the Sepulchral (Kairaks).

Pichikjan I. R. (Moscow) The PC Dealing of Oxus Temple’s Votive Inventory.

Rezvan E. A., Tikhonova I. G. (St-Petersburgh) The Databases on Manuscripts’ Depositaries: The Problems and Perspectives (the Beginning of the Programme).

Rogozhin N. M. (Moscow) Posolski Books as a Source in Study of Political Relations of Russia with Peoples and Countries of the Orient.

Stoljaroff A. A. (Moscow) Possibilities of the PC Dealing of North Indian Early Mediaeval Acts.

Vassilyev D. D. (Moscow) Runic-like Epigraphical Monuments of South Siberia (Particularly Sayan-Altai Region).

Vertogradova V. V., Leljukhin D. N., Stoljaroff A. A., Tzygankoff Yu. Ja. (Moscow) The Multipurpose Bibliographical Database of All-Indian Inscriptions.

Essays

Beisembieff T. K. (Alma-Ata) The Historical Texts of Kokand of 19th–20th A.D.

Gorjaeva L. V. (Moscow) Malay Mediaeval Literary Monuments.

Kochneff B. D. (Samarkand) Middle Asian Numismatics of 8th–13th Centuries A.D.

Kullanda S. V. (Moscow) Possibilities for the Creation of the Database on Indonesian Material.

Kumekoff B. E. (Alma-Ata) Kypchaks of 8th–14th Centuries A.D. in Arabic, Persian and Turkic Sources.

Kurpalidis G. M. (Moscow) The Multi-level Research of the Sources on the History and the Culture of Near and Middle East (10th–19th Centuries A.D.).

Luzhetskaya N. L. (St-Petersburgh) The PC Database on Afghan History.

Nabijan Tursun (Urumchi, PRC) The PC Database on the Ancient and Early Mediaeval History of Uighurs (prior to 14th Century A.D.).

Ter-Mkrtychjan L. Ch. (Moscow) Armenian Sources of 5th–18th Centuries A.D. on Middle Middle Asia and Palestine.

Zagorodnikova T. N. (Moscow) The PC Dealing of the Archival Documents on the History of Russo-Indian Relations.

DİMİTRİ VASİLYEV

SIBIRYA MÜZELERİNDE BULUNAN GÖK TÜRK ARKEOLOJİK KOLEKSİYONLAR⁶⁵

Gök Türk heykelleri; yüzü, giysisi, silahı, saçları, çeşitli ev eşyaları ile şahısları belirlenen insanları gösteriyor. Bu heykeller, mezarlar üzerindeki mimarî anıtlarla, kayalardaki resimlerle, arkeolojik malzemelerle ve runik yazıtlarla birlikte, Bronz ve Erken Demir Çağlarında Avrasya’da yaşamış olan Türk göçebelerinin yarattıkları maddî ve manevî kültürün incelenmesi için değerli bir kaynak niteliğindedir. Gök Türk taş figürleri, birçok bilimsel eserde incelenmiştir. Bu eserlerin en erken tarihlileri, 18. yüzyılın ortasına aittir (Resim 1).

Bir Gök Türk taş heykelin bilimsel şeklinde betimlenip yayınlanması ilk kez F. î. Tabbert ve D. G. Messerschmiedt tarafından yapıldı. 1721–1722 yıllarında bu araştırmacılar, Yenisey nehrinin Kuzey kıyısındaki “Bogatirski log” ovasında bir taş insan figürü buldular, bir de bu figürün sırtında bilinmeyen bir yazıt vardı⁶⁶. Sonraki dönemde asıl bu yazıt sayesinde meşhur olan söz konusu taş figürün resimleri defalarca yeniden yayımlandı. Figürün kendisi de çetin bir kader yaşadı⁶⁷. Geçen yüzyılın 80’li yıllarında, putperestlik simgesi gözüyle bakılan bu

⁶⁵ Археологические коллекции древнетюркского времени, найденные в Сибири. Опубликовано в: *Sibirya Araştırmaları*. İstanbul, 1997. S. 401–410.

⁶⁶ D. G. Messerschmiedt. *Forschungsreise durch Sibirien, 1720–1727*. Bd. VIII, T. 1–5. Berlin, 1962–1970. S. 174; Ph. J. Strahlenberg. *Das Nordund Östliche Theil von Europa und Asia*, Stocholm, 1730. S. 397.

⁶⁷ Bkz. D. D. Vasilyev, *Korpus türkskih runičeskih pamiatnikov baseyna Yeniseya*. Leningrad, 1983. S. 28.

taş, Hristiyanlık propagandasını yapmak amacıyla, üstelik çok ağır olduğundan dolayı, bir Hristiyan papazın evindeki merdiven basamağına yerleştirildi. 1888–1889 yıllarında seyyah As- pelin, bu figürü ilk dikiliş yerine yerleştirdi, sonra da Sibiryalı arkeolog A. V. Adrianov onu Minusinsk Müzesi'ne getirerek Gök Türk taş heykelleri koleksiyonunun temelini attı.

Zaman bakımından Tabbert ve Messerschmiedt'in yayınladıkları heykel sonra P. S. Pallas, 1786 yılında çıkarılan “Rusya Devletinin Çeşitli Yerlerine Seyahat” adlı kitabından birinde Gök Türk taş heykellerinin resimlerini de yayınladı⁶⁸. Ancak Askeri Tarih Merkezi Devlet Arşivi'nde Gök Türk heykelleri konusunda daha erken dönemlere ait bilgiler ve hatta resimler bulunuyordu. Bunlar, 1740 yıllarında Sibiry ve Orta Asya'da hükümetin emirlerine göre maden cevherleri arayan uzman ekipler tarafından yapılmıştır. Birkaç heykelin resimlerini ve bir nevi karşılaştırmalı tabloları içeren ilk yazılar, 1818–1819 yıllarında G. İ. Spasski tarafından yayımlandı⁶⁹. Gök Türk heykelleri, V. V. Radloff'un da dikkatini çekti. Ayrıca Radloff, erken eserlerinde bu heykellerin Türk olduğunu yazmayarak, gençliğinde yapılan Sibiry seyahatları sırasında çekilen resimleri yayınladı⁷⁰.

Göktürk taş heykellerinin arkeolojik bakımdan ilk incelenmeleri N. M. Yadrintsev ve A. V. Adrianov tarafından yapıldı. Bu araştırmacılar, Gök Türk döneminden kalan diğer objelerle birlikte Gök Türk taş figürlerin toplanıp yerli müzelere koleksiyon şeklinde yerleştirilmesine başladılar. Zengin Sibiryalı sanatsever N. M. Martyanov, Minusinsk kentinde müze kurdu. Bu müzeye tüm Güney Sibiry'dan gerek doğal, gerek tarihî ve etnografik buluşlar getiriliyordu. Koleksiyonların toplanması çok zor bir işti, heykeller ovalarından, özel platformlar üzerinde atlarla çekilerek veya Yenisey nehrinden sallar üzerinde yüzererek getiriliyordu. Ancak geçen yüzyılda koleksiyon toplayıcıları tarafından harcanan bu çabalar sayesinde biz de, müzelerimizde en iyi şekilde korunmuş olan Gök Türk sanat örneklerini görebiliriz. Dikiliş yerlerinde kalan birçok anıt ise zaman ve insanların tahribinden dolayı büyük zarar gördü.

Sonraki dönemde Gök Türk heykel örnekleri, G. İ. Potanin, D. İ. Klements, S. Mintslov, İ. E. Grane, N. F. Katanov, S. I. Rudenko, S. V. Kiselyöv, L. A. Yevtühova, M. P. Gryaznov gibi araştırmacıların dikkatini çekti ve arkeolojik malzeme olarak değerlendirildi. Aynı zamanda bu heykellerin sanat nitelikleri de dikkate alındı. Gök Türk taş figürleri dünyaca tanınan ressam Nikolay Rörih

⁶⁸ P. S. Pallas. *Puteşestviye po različnim provintsijam Rossiyskogo gosudarstva*. T. 1–3. S. Petersburg, 1773–1788. Theile 2. Bd. 2, 1786. S. 197–198.

⁶⁹ “Sibirskiy vestnik” — *Drevnosti Sibiri*. S. Petersburg, 1818. Ç. 1; *Puteşestviye po yujnim altayski goram v 1809 g.*, S. Petersburg 1819. Ç. 4, tbl. 8.

⁷⁰ W. Radloff. *Sibirskiye drevnosti*. S. Petersburg, 1888. T. I. Vıp. 3.

ve G. İ. Çoros-Gurkin'i bir dizi tablosuna esin kaynağı oldu. Bu ressamaların Gök Türk skülpürleri gösteren tabloları, Ermitage, Tretyakov Galerisi, Devlet Rus Müzesi, Louvre ve Metropolitain Müzesi'nde bulunmaktadır.

Modern araştırmalarda önceki dönemlerde biriktirilen malzemeler genelleştirilerek bu heykeller kültürel ve kronolojik esaslara, sanat özelliklerine, menşelerine ve anlamlarına göre ayrı ayrı gruplara ayrılır. Bazı bölgelerde bulunan Gök Türk heykelleri konusunda esas incelemeler, A. D. Graç, Ya. A. Şer, S. G. Klyastornı, D. G. Savinov, V. D. Kubarev tarafından yayınlanmıştır⁷¹. Ancak Gök Türkler dönemine ait müze koleksiyonları bundan önce hiç incelenmedi.

Gök Türk taş heykellerin en büyük kısmı, Güney Sibirya, Moğolistan, Yedisu ve Doğu Kazakistan'da bulunmuştur, fakat bu geleneğin izleri Batı'ya doğru çok uzaklara, Orta Avrupa bölgelerine kadar görülmektedir. En büyük Gök Türk taş heykel koleksiyonları Rusya Federasyonunun Novosibirsk, Gomo-Altaysk, Kızıl, Abakan, Minusinsk müzelerinde korunmaktadır. Kırgızistan, Kazakistan ve Moğolistan'ın müzelerinde de Gök Türkler dönemine ait önemli taş heykel derlemeleri vardır. Bunun yanı sıra Güney Sibirya'nın dağlık ve kırsal bölgelerinde yaradılış yerlerinde kalan büyük miktardaki heykelleri de gözönünde bulundurmak gerekir.

Gök Türk heykelleri, çoğu halde dikdörtgen şeklinde kumlan taş sıralarının doğu tarafında, yüzü doğuya bakarak dikilmiştir. Ekseriyetle asıl heykelden başlayarak dikey dummda duran balbal adlı taşlar sıralar halinde yerleştiriliyordu. Bir sıra araştırmacının dikkat ettiği gibi, heykellerin bulunmadığı taş kurganlarda bile insanvari taş levha veya insanvari taş mevcuttur. Eski yerli gelenekleri bilen ve koruyan kimselerin ifadelerine göre, bu levha ve taşlarda bazen bir insan şeklini, giysi, silah, saç detaylarını gösteren boya kalıntıları görmek mümkündür.

Birçok heykel üzerinde, gösterilen şahısların sosyal durumunu, ordudaki mevkiini, savaşta elde edilen ödülleri vurgulayan detaylara ağırlık verilmiştir.

Örneğin, kaçınılmaz detaylardan biri, kuşak sayılır. Kuşağın üzerine dikilen plâkalar, Gök Türk runik yazılarındaki haberlere göre, askerî rütbeyi gösteriyordu. Sık sık rastlanan başka bir husus, kuşağa asılmış olan çakmak sayılabilir. Hançer veya kılıç resmine daha seyrek rastlanır. Bu durumda Gök Türk heykeltraşlığında belli sanat normlarının var olduğunu söyleyebiliriz. Aynı normlara uygun gelen husus, figürün elindeki kaptır. Kap çok önemli, belli bir tip yaratan husus sayılır,

⁷¹ Graç A. D. *Drevnetürkskiye izvayaniya Tuvi*. Moskva, 1961; Ya. A. Şer. *Kamenniye izvayaniya Semireçya*. Moskva-Leningrad, 1966; S. G. Kliaštornıy. *Hram, izvayaniye i stela v drevnetürkskih tekstah. Türkologiçeskiy sbornik-1974*. Moskva, 1978; D. G. Savinov. *Antropomorfniye izvayaniya i vopros o rannih türko-kırgızskih svyazyah. Türkologiçeskiy sbornik-1977*. Moskva, 1981; V. D. Kubarev. *Drevnetürkskiye izvayaniya Altaya*. Novosibirsk, 1984.

ve bazı araştırmacılar bunu, heykelerin sınıflandırılması için bir kriteriyum olarak seçiyor. Ayrıca kabın olup olmamasına, iki veya bir elle tutulmasına ve kabın tipine dikkat ediliyor. Kurgan mezarlarının gizli yerlerinde bulunan gümüş kaplar ve bu kapların üzerinde Gök Türk yazısıyla yazılan iyilik dilekleri, bu kablarm yas töreninde kullanıldığını teyit ediyor.

Gök Türk heykellerinin menşei konusunda araştırmacılarca farklı varsayımlar öne sürüldü. Ölen ataları betimleyen heykelleri dikme geleneği, kadim zamanlardan kaynaklanarak, aile ve soyu koruyan hamilerle ilgili genel arkaik tasavvurlara dayanır. D. Savinov'un fikrine göre, bu genel tasavvurların kökleri, Sibiryâ İskit döneminde yaygın olan dünya görüşünde bulunmuştu. O dönemin en karakteristik anıdan, "olenniyе kamni" denen geyik resimli taşlardır. Büyük hızla koşan muazzam boynuzlu geyik resimleriyle kaplanmış bu taşlar, İskit döneminde Orta Asya'da yaşamış olan göçebe askerlerin anılarına dikilip Gök Türk heykellerin ön örnekleri gözûyle bakılır. Böyle taşlar; dikiliş yeri ve yöneltiliş, üzerindeki asker resimlerinde gösterilen giysi ve silah detayları ve mezar üzerindeki fonksiyon bakımından Gök Türk heykellerine benziyor.

Bu varsayımın zayıf tarafı, Sibiryâ İskit ile Gök Türk heykelleri arasındaki büyük kronolojik aradı. L. R. Kızlasov, D. G. Savinov, Ya. A. Şer, A. I. Martinov, V. D. Kubarev heykel şeklindeki çeşitli arkeolojik anıtları (Taştık mezar maskelerinden ve Kemerovo Üniversitesi Arkeolojik Müzesi'ndeki, maske ile heykel arasında yer alan "çamur başlardan", Altay'daki Gök Türk mezar anıtlarının aile niteliğindeki çift dikili taşlarına kadar) aynı geleneğin ara safhaları olarak nitelendiriyorlar⁷². Fikrimizce, geyik resimli taşları Gök Türk heykellerden önemli derecede ayırt eden sanat detaylarının oluşumu, Türkler tarafından Budist ve Sogd sanat normlarının benimsenmesiyle ilgiliydi. Bu varsayımı en inandırıcı şekilde belirten Ya. A. Şer, eserinde Gök Türk heykellerinin her jestinin Budist sanat kanunlarına göre kavranmasını önerdi.

Şimdiye kadar Sibiryâ'nın müze koleksiyonlarında ve yaradılış yerlerinde 600 kadar Gök Türk heykel örneği bilinmektedir. Sadece Novosibirsk'teki Rusya Bilimler Akademisi Sibiryâ Bölümü Arkeolojik Müzesi'nde bu heykeller ayrı bir ekspozisyona ayrılmış bulunmaktadır. İskit dönemine ait anıtlarla ve Gök Türk yazıtlı anıtlarla birlikte onlarca heykel içeren Gök Türk heykel koleksiyonları, N. M. Martyanov Minusinsk Müzesi'nde, Abakan kentindeki Hakasya Cumhuriyeti Müzesi'nde, Bahadır Tuva Cumhuriyeti Müzesi'nde ve Altay Cumhuriyeti Yöresel

⁷² L. R. Kızlasov. O naznaşenii drevnetürkskih kamennih izvayaniy. *Sovetskaya arheologiya*. 1964. T. 2. S. 27–39; D. G. Savinov. *Antropomorfniye...* S. 242–246. Ya. A. Şer. Kamenniye... S. 65–68; A. I. Martinov. Skulpturniy portret čeloveka iz šestakovskogo mogilnika. *Sovetskaya arheologiya*, 1974. T. 4. S. 240–242; V. D. Kubarev. *Drevnetüskiye...* S. 83–86.

Tarih Müzesi'nde bulunmaktadır. Birkaç heykel Kemerovo Üniversitesi Arkeolojik Müzesi'nde, Irkutsk Devlet Yöresel Tarih Müzesi'nde, Biysk kentindeki V. Biyanki Yöresel Tarih Müzesi'nde, Hakasya'nın Poltakovo köyündeki Yerli Tarih Okul Müzesi'nde korunmaktadır. Tek tük örnekler Altay Cumhuriyetindeki Koş-Ağaç, Kullada, Kupçegen, Onguday okullarına bağlı, Tuva Cumhuriyetindeki Şagonar, Turan, Mongun-Tayga okullarına bağlı yöresel tarih müzelerinde, Krasnoyarsk kentindeki Yöresel Tarih Devlet Müzesi'nde, Ural Devlet Üniversitesine bağlı arkeolojik müzede ve Bamaul Yöresel Tarih Devlet Müzesi'nde de var.

Bu bildiride sadece Sibiry müzelerindeki koleksiyonlar konusunda bilgi vererek, Moskova, Sant-Petersburg ve BDT ülkeğinde bulunan Gök Türk heykel koleksiyonlarını ele almadık. Anıtların büyük kısmının, dikiliş yerlerinde kalmaya devam etmeleri, bu heykellerin korunması hususunda ciddî endişlere yol açar. Başkanlık ettiğim araştırma ekibi, her yıl inşaat, baraj göllerinin taşması ve yeni toprakların tarıma açılmasından etkilenen bölgelerdeki Gök Türk heykellerini boşaltıp Rusya Federasyonu Tuva ve Altay Cumhuriyetlerindeki müzelere, Minusink Müzesi'ne yerleştirirler.

Sibiryadaki Gök Türk taş heykel koleksiyonları, bu bölgelerde önce amatör, sonra da profesyonel arkeolojik ve türkolojik araştırmalar sonucunda oluşturulmuştur. Bu nedenle koleksiyonlardaki hemen hemen her heykelin bulunuş yeri iyice bilinmektedir. Bununla beraber bir sıra heykelin bilmsel envanterinin şimdiye kadar olmaması, önemli bir problem yaratmaktadır. Bazı heykeller hakkında bilgi yayınlanmadı, bu heykeller uzmanlarca bile bilinmiyor. Gök Türk sanat anıtları konusundaki yeni yayınlarda iyice bilinen ve incelenmiş olan heykeller tekrar yer alıyor. Gök Türk sanat ve kültür tarihine ait son derece zengin malzemenin büyük kısmı, maalesef, çoğu halde bilimsel araştırmalar dışında kalarak yabancı bilim adamlarınca pratik olarak bilinmiyor. Bölge araştırmaları sırasında elde ettiğimiz malzemeler temelinde, yeni bulunan Gök Türk sanat anıtlarının bir albüm halinde Türk meslektaşlarımızla birlikte yayımlanmasından büyük memnunluk duyardık.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

ТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ
ПРАВОБЕРЕЖЬЯ УЛУГ-ХЕМА И СОЗДАНИЕ
БАЗЫ ДАННЫХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ⁷³

Большинство известных памятников с древнетюркскими эпитафиями в настоящее время составляют музейные коллекции. Сведения в музейных паспортах и публикациях указывали обстоятельства и место находки памятников, а при сопоставлении данных с местностью определились группы памятников, находившихся на территории одного могильника, одной долины или иной зоны, имеющей четкие родные границы. Картографирование памятников с эпитафиями осложнялось тем, что они поступали в музейные коллекции в течение столетия, часто доставлялись гведами-любителями, и поэтому точные сведения о пунктах находок в ряде гаев отсутствовали. Иногда сложной оказывалась идентификация какой-либо стелы с надписью в музейном собрании, поэтому известны случаи ошибочного определения открытых ранее памятников как новонайденных.

Памятники предгорных долин правобережья Улуг-Хема, несомненно, коррелируются и взаимно дополняют друг друга как в текстовом отноше-

⁷³ Опубликовано в: *Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Д. Грача*. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 225–231.

нии, так и в формальном. Последнее обстоятельство подтверждается информацией текстов, тамговой геральдикой и палеографически, поскольку руника правобережья Улуг-Хема демонстрирует особенности близких культурно-письменных школ [Васильев 1983: 73–76]. Рунические надписи рассматриваемой нами группы представлены памятниками: Алды-Бель I и II (Е 12, Е 72), Кызыл-Чыра I и II (Е 43, Е 44), Орта-Хем (Е 63), Караян I–III (Е 65 – Е 67), Хербис-Баары (Е 59), Демир-Суг (Е 92), Баян-Кол (Е 100)⁷⁴. Данные памятники, кроме утерянного фрагмента Е 67, обследованы нами визуально и засняты на фотопленку.

Эти памятники были найдены до затопления многих из них водохранилищем в долинах между руслом Енисея, участок которого от г. Кызыла и до начала Саянского каньона носит название Улуг-Хем, и южными отрогами Уюкского хребта и Западного Саяна. Прибрежные террасы соединены между собой проходами на всем протяжении правого берега Улуг-Хема. Однако нельзя считать, что Енисей был непреодолимой преградой для коммуникаций. На противоположных берегах реки тамгами отмечены пастбищные владения и захоронения сородичей. Сведения, которые можно почерпнуть из надписей, также позволяют выделить единые генеалогические группы населения по обоим берегам Улуг-Хема [Vasilyev 1996: 358–366].

Первые находки руники на правобережье Улуг-Хема были сделаны в 1888 г. финской экспедицией И. Р. Аспелина, который получил сведения о местонахождении памятников от сибирских краеведов. В 1891 г. копии уже известных памятников выполнил Д. А. Клеменц, совершая специальный маршрут в Орхонской экспедиции, и более точно зафиксировал надписи. Некоторые из них были зарисованы в 1907 г. И. Грэнё. А. В. Адрианов, обследуя в 1916 г. окрестности р. Баян-Кол, обнаружил новые памятники, а выпол-

74

После написания этой статьи еще в 1975 г. подтвердилось высказывавшееся нами ранее предположение о перспективности поисков новых памятников тюркской руники на правобережье Улуг-Хема. Вл. А. Семеновым в 1985–1986 гг. при раскопках курганов в долине вдоль дороги между поселками Эрбек и Баян-Кол были найдены три стелы и изваяние с руническими надписями [Васильев, Семенов, 1986. С. 127–128]. Стелы впоследствии эвакуированы из зоны строительства дороги, шлены — в Тувинский республиканский краеведческий музей и установлены в экспозиции. Поверхность памятников была покрыта минеральными наслоениями, и в течение ряда лет нами производилась реконструкция текста. Первый вариант чтения был предложен на Международной тюркологической конференции в Стамбуле в 1988 г. Две стелы с историографическими неточностями, текстовыми пропусками и без факсимильного и даже графического воспроизведения были затем опубликованы [Кормушин, 1997. С. 252–256]. Критическое издание комплекса подготовлено для ежегодника «Эпиграфика Востока», намеченного к выходу в 1998 г.

ненные им копии надписей передал С. Е. Малову. В середине нашего столетия известные к тому времени рунические надписи правобережья Улуг-Хема исследовались Л. А. Евтюховой, С. В. Киселевым, Л. Р. Кызласовым. Однако новые находки здесь были сделаны только в 1960-х годах. Они были связаны с археологическими работами А. Д. Грача, С. И. Вайнштейна. Чтение новых надписей было предпринято И. А. Батмановым, А. М. Щербаком, З. Б. Чадамба, С. Г. Кляшторным. В 1970-х годах на правобережье Улуг-Хема были найдены еще два памятника: один — И. У. Самбу и С. Г. Кляшторным, другой — Д. Д. Васильевым.

В настоящее время большинство памятников данной группы находится в Тувинском республиканском краеведческом музее; памятники Е 12, Е 63, Е 72 — на первоначальных местах; памятник Е 67 утерян.

Памятники Е 12 и Е 72 были обнаружены в урочище Алды-Бель на обрывистой правобережной террасе р. Улуг-Хем в нескольких километрах ниже устья р. Эйлиг-Хем. Памятники обследовались и копировались И. Р. Аспелином и Д. А. Клеменцем в конце прошлого века, в 1965 г. — А. Д. Грачом и И. А. Батмановым, в 1983 г. и 1990 г. (уже после образования водохранилища) — Д. Д. Васильевым. Поверхность памятников сильно пострадала от выветривания. На памятнике Е 12 сейчас можно различить знаки лишь двух строк из четырех (1-ю и 4-ю). Тем не менее и в этих сохранившихся фрагментах нами были отмечены расхождения с опубликованными вариантами. В изданиях памятника С. Е. Маловым и его предшественниками [Бершнтам 1946: 98; *Inscriptions de l'énissei*, 1889: табл. VII; Радлов 1892–1899: табл. LXXXIX; Orkun 1940: 53–54; Малов 1952: 34–35] в 4-й строке отмечены два знака, соответствующие одному в оригинале. В издании памятника И. А. Батмановым и А. Ч. Кунаа [Батманов, Кунаа, III 1965: 15–16] даны лишь две строки — 1-я и 4-я. При этом четвертый знак 1-й строки интерпретирован неточно. Пунктуационные разделители в публикациях отмечаются не во всех случаях.

В издании памятника Е 72 [Батманов, Кунаа, III 1965: 17–18] сохранившиеся фрагменты надписи воспроизведены точно, но в конце 1-й строки и в начале 2-й имеются расхождения с предложенной транслитерацией. Коррективы внесены нами непосредственно с оригинала, находящегося на месте первоначального сооружения.

Памятники Е 43 и Е 44 были обнаружены в урочище Кызыл-Чыраа восточнее р. Баян-Кол. Памятники обследовались и копировались А. В. Адриановым, Данзын-оолом, Ширапом, Л. А. Евтюховой, С. В. Киселевым, Л. Р. Кызласовым, И. А. Батмановым, А. М. Щербаком,

Д. Д. Васильевым. В 1961 г. памятники были доставлены в Тувинский музей сотрудниками музея и ТНИИЯЛИ.

Наиболее полно и точно памятник Е 43 издан А. М. Щербаком и И. А. Батмановым с А. Ч. Кунаа [Щербак 1964: 140–142; Батманов, Кунаа, I 1963: 52–56]. При визуальной сверке нами были обнаружены расхождения с оригиналом.

Памятник Е 59 был обнаружен у кургана в местности Хербис-Баары, у дороги из Эрбека в Баян-Кол, на правом берегу р. Улуг-Хем. Памятник обследовался и копировался автором находки С. И. Вайнштейном, А. М. Щербаком, И. А. Батмановым, Д. Д. Васильевым. В 1961 г. стела, как и предыдущие, была доставлена в Тувинский республиканский музей.

Надпись была тщательно подготовлена к изданию и переведена А. М. Щербаком [Щербак 1961: 238–241], однако это издание, как и почти все первые публикации рунических памятников, нуждается в уточнениях. А. М. Щербаком иначе, чем у автора раскопок кургана, около которого он был обнаружен, сообщена его первоначальная ориентировка. При переизданиях памятника имели место и уточнения по составу надписи.

Памятник Е 63 был обнаружен на кургане в долине р. Ортаа-Хем, на правобережной террасе р. Улуг-Хем, напротив пос. Урбюн. Памятник обследовался и копировался автором находки А. Д. Грачом, затем З. Б. Чадамба. При повторных поисках (в 1973 г. и 1975 г.) памятник обнаружен не был. Он зафиксирован и скопирован нами на месте первоначального сооружения в 1990 г., уже после образования водохранилища. Памятник повален и сильно пострадал от механических повреждений и выветривания. В настоящее время могут быть реконструированы только отдельные знаки.

По единственной изданной копии надписи [Арагачы 1963: 253–256] не все знаки могут быть идентифицированы однозначно. Это, например, 3, 4, 20, 25–29-й знаки на южной стороне памятника.

Памятники Е 65–Е 67 были обнаружены на территории могильника Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III), в местности Кара-Булун, северо-восточнее пос. Эйлиг-Хем. Памятники обследовались и копировались в 1965 г. А. Д. Грачом и И. А. Батмановым, затем сотрудниками СТЭАН были доставлены в Тувинский республиканский музей. Памятник Е 67 — обломок стелы небольшого размера с фрагментом надписи — утерян.

В надписи памятника Е 65 нами обнаружены существенные расхождения с изданием [Батманов, Кунаа, III 1965: 9–13]. В строке 3-й (по изданию) отсутствуют в общей сложности шесть знаков и два разделителя; почти не

отмечены разделители и в двух других строках; неточно идентифицировано несколько знаков в 1-й и 3-й строках.

В надписи памятника Е 66, известного под названием «Памятника Багыра», иной, чем приведенный в издании [Батманов, Кунаа, III 1965: 9–13], графический вариант для одного из знаков 4-й строки.

Памятник Е 92 обнаружен на территории могильника на правом берегу р. Улуг-Хем, слева от русла р. Демир-Суг. Памятник обследовался И. У. Самбу и С. Г. Кляшторным [Кляшторный, Самбу 1971: 245–249], а в 1976 г. был передан сотрудниками СТЭАН в Тувинский республиканский музей.

Памятник Е 100 обнаружен на территории могильника в 10 км к СВ от пос. Баян-Кол. Памятник был обследован Д. Д. Васильевым и доставлен им в Тувинский республиканский музей [Васильев 1976: 97–101].

Древнетюркские эпитафии на каменных сооружениях в большинстве своем имеют трафаретную текстовую основу и определенный лексический репертуар. Тем не менее каждая надпись имеет текстовые, формально-композиционные, графические, семантические, художественно-изобразительные и другие особенности, что делает каждый памятник уникальным историко-культурным и письменным источником. Связь каждой эпитафии с конкретной персоной, имя, титул, символы и жизнеописание которой в различной степени бывают представлены в тексте, подчеркивает эту уникальность. Однако трафаретная основа древнетюркских эпитафий позволяет применить для исследования методику источниковедческой формализации письменных памятников массового типа [Васильев 1995: 256–265].

Тексты древнетюркских эпитафий редко анализировались путем взаимного сопоставления как группа хронологически и территориально объединенных исторических источников. Чаще всего из одного-двух памятников извлекалась информация об определенном событии и затем сопоставлялась с сообщениями иноязычных авторов. Тем самым большая часть информации, содержащейся в надписях, оставалась за пределами источниковедческой интерпретации. На это влияли также краткость древнетюркских эпитафий и отсутствие у многих из них надежных переводов и датировок.

Полевые археографические исследования позволили в отношении енисейских эпитафий установить, какие из них находились в непосредственной близости друг от друга, и могут быть объединены в группы по территориальному принципу. Текстологическое исследование эпитафий дало дополнительный материал для подобной интеграции. В составе подобной группы оказываются как пространные эпитафии, повествующие об определенных событиях жизни героя и его народа, так и краткие, состоящие только из имени и тамги.

Трафаретная основа большинства древнетюркских эпитафий позволила систематизировать данные текстов, относящиеся к личности героя, той или иной надписи. Содержание различных по объему эпитафий рассмотрено по следующей схеме:

имя героя надписи
сведения о возрасте героя в момент определенных событий
социальная характеристика, зафиксированная в тексте, унаследованный или приобретенный титул
родовая принадлежность героя
заслуги героя надписи
родовая тамга.

В результате проделанного анализа надписи представлены в виде унифицированного информационного блока, что позволяет представить группу памятников в виде базы данных.

Памятник E 12. Алды-Бель I.

Чочук-Бёри-сангун. Владелец обрабатываемого поля находился, по-видимому, в зависимости от госпожи (катун), которая являлась его теткой. Обладатель личной тамги.

Памятник E 72. Алды-Бель II.

Безымянный наследственный владелец обрабатываемого поля и пастбищной степи, подчинен госпоже (катун).

Памятник E 43. Кызыл-Чыра I.

Букун. Погиб в бою в 42 года. Был предводителем отряда воинов. Проявил воинскую доблесть и боевое искусство: стрелой и копьем сразил противника. Погиб, сражаясь с врагами. Обладатель личной тамги.

Памятник E 44. Кызыл-Чыра II.

Кюлюг Тоган, сын Арслан Кюлюг Тирига. Погиб в бою в 40 лет. Глава рода, титулованный военачальник, подчиненный хану. Глава рода ёз кюмюль. Проявил воинскую доблесть и боевое искусство: сражаясь с врагами, убил девять воинов. Участвовал в боевых действиях объединенных войск под командованием кагана. Обладатель личной тамги.

Памятник E 65. Кара-Булун I.

Айдык (Йадык — ? — Д. В.). Заслужил геройское имя. Сражался наряду со ста ыналами-соратниками и сам, по-видимому, имел титул ынала. Проявил в бою геройскую доблесть. Обладатель личной тамги.

Памятник E 66. Кара-Булун II.

Багыр. Заслужил геройское имя. Сражался наряду со ста соратниками и имел, по-видимому, титул ынал. Проявил в бою геройскую доблесть. Обладатель личной тамги (рис. 1).

Памятник Е 67 известен в виде небольшого фрагмента, полный текст которого восстановить невозможно.

Памятник Е 92. *Демир-Суг*.

Бег Сангун. Достиг зрелого возраста, имел потомство. Заслужил геройское имя. Был военачальником и имел титул тутука.

Выявленные информационные массивы отражают лишь текстовую часть полной базы данных тюркских рунических эпитафий на каменных стелах, которая должна содержать, кроме этого, формальные, источниковедческие (включающие естественные, функциональные и исследовательские аспекты), историографические, текстологические и исторические сведения. Позиционно они могут быть сгруппированы в трех тематических полях: источниковедческом, текстовом и историческом.

І. Источниковедческое поле

1. Индекс и наименование памятника.
2. Описание памятника (материал, параметры, форма, степень обработки поверхности).
3. Функциональная семантика памятника в случае его повторного использования как эпитафического (например, оленный камень, памятник петроглифического искусства, культовый объект и т. п.).
4. Время, место, обстоятельства и автор находки.
5. История исследования, перемещения памятника, его современное местонахождение, инвентарная атрибутика, музеефикация.
6. Композиция и внешний вид надписи, число строк или знаков, сопутствующие изображения.
7. Замечания по сохранности надписи, фиксация лакун. Сопоставление лакун в различных изданиях и копиях памятника, выполненные разными исследователями.
8. Палеографические и орфографические особенности надписи.
9. Уточнения и дополнения по составу надписи, критическая реконструкция текста, выполненная путем корреляции копий в разных изданиях с оригиналом.
10. Научные публикации памятника.
11. Транслитерированная передача текста.

12. Переводы текста, предложенные разными авторами на протяжении истории изучения памятника.
13. Критический перевод текста, выполненный с учетом корреляций (см. п. 9).

II. Текстовое поле

1. Имя героя надписи (личное, «геройское», официально-должностное).
2. Сведения о возрасте героя в момент определенных событий (смены имени, смерти родственников, совершения подвигов, собственной смерти и т. п.).
3. Социальная характеристика, зафиксированная в тексте; унаследованный или приобретенный титул.
4. Родовая принадлежность героя; другие этнонимы, упоминающиеся в тексте враги, союзники, породнившиеся этнические группы и т. п.
5. Топонимы и географические сведения, упоминающиеся в тексте.
6. Заслуги героя надписи (подвиги, отличия, боевые навыки, выполнение официальных поручений и т. п.).
7. Родовая символика (тамга, изображение тотемного животного, покровительствующего божества и т. п.).

III. Историческое поле

1. Территориально-родовая атрибуция памятника.
2. Сопоставление исторических, географических, этнополитических сведений и персоналий, содержащихся в тексте памятника, с данными других текстов из группы территориально и этнически (на родовом уровне) объединенных памятников тюркской рунической письменности.
3. По возможности, идентификация событий и лиц, упомянутых в тексте памятника, с аналогами региональной истории.

Сравнительный анализ древнетюркских эпитафий, рассмотренных по территориально-родовым группам в виде сплошного массива данных, по которым возможна реконструкция взаимодействующего единого исторического повествования, позволяет заполнить историю тюркоязычных кочевников Центральной Азии именами реальных лиц и представить их место в политической структуре и жизни не только в центре, но и на периферии

каганата. При этом оказывается весьма эффективным гипертекстовый режим обработки базы данных.

Сопоставив данные надписей долины Эйлиг-Хема, например, с массивом данных тюркских рунических эпитафий всей Тувинской котловины, была построена схема возможных генеалогических отношений героев нескольких, избранных в результате количественного анализа надписей.

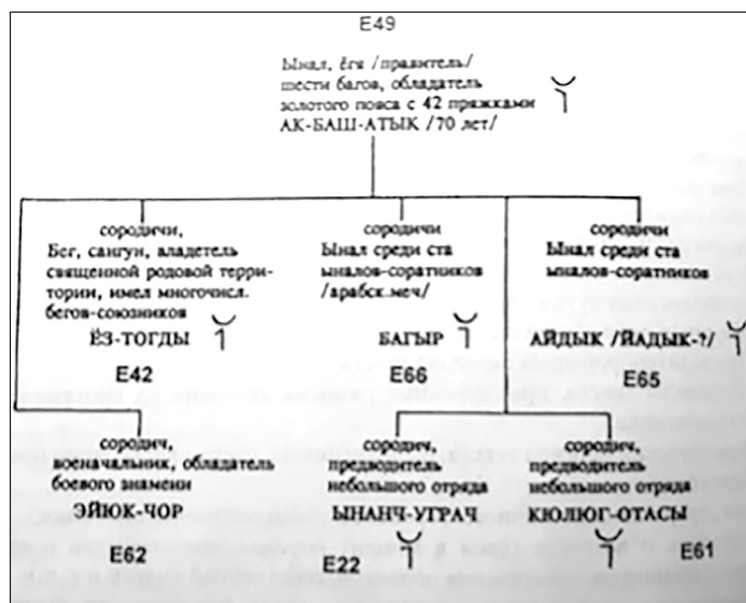

Рис. 1. Схема возможных генеалогических отношений героев нескольких надписей

Литература:

- Арагачы З. Б. Новые эпиграфические находки в Туве. *УЗ ТНИИЯЛИ*. Вып. 10. Кызыл, 1963.
- Батманов И. А., Кунаа А. Ч. *Памятники древнетюркской письменности Тувы*. Вып. 1. Кызыл, 1963.
- Батманов И. А., Кунаа А. Ч. *Памятники древнетюркской письменности Тувы*. Вып. III. Кызыл, 1965.
- Бернштам А. Н. *Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков*. М.–Л., 1946.

Васильев Д. Д. Стела из окрестностей Баян-Кола. *Советская тюркология*. Баку, 1976. № 3.

Васильев Д. Д. *Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала*. М., 1983.

Васильев Д. Д. Компьютерные базы данных памятников тюркской рунической письменности (1): эпитафийная эпиграфика Южной Сибири. *Базы данных по истории Евразии в Средние века*. М., 1992. Вып. 1.

Васильев Д. Д. Персоналии древнетюркских эпитафий. Возможности источниковедческого анализа. *Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины*. М., 1995. Вып. 3.

Васильев Д. Д., Семенов В. А. Новые находки памятников рунической письменности. *XXIX Постоянная Международная алтаистическая конференция (PIAC)*. М., 1986. Т. 1.

Голованов Е. И., Столяров А. А., Васильев Д. Д. Многослойная гипертекстовая модель для баз данных исторических памятников. *История и компьютер*. 1996. № 18.

Кляшторный С. Г., Самбу И. У. Новая руническая надпись в Улуг-Хемском районе. *УЗ ТНИИЯЛИ*. 1971. Вып. 15.

Кормушин И. В. *Тюркские рунические эпитафии. Тексты и исследования*. М., 1997.

Малов С. Е. *Енисейская письменность тюрков*. М.–Л., 1951.

Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. *Труды Орхонской экспедиции*. СПб, 1892–1899. Вып. 1–4.

Шербак А. М. Новая руническая надпись на камне. *УЗ ТНИИЯЛИ*. Кызыл, 1961. Вып. IX.

Шербак А. М. 1964. *Памятники рунического письма енисейских тюрков*. НАА. № 4.

Inscriptions de l'Enissei. Recueillies et publiees par la Societe Finlandaise d'archeologie. Helsingfors, 1889.

Orkun H. N. *Eski Türk yazıtları*. Cilt III. İstanbul, 1940.

Vasilyev D. D. Information in Orhon Inscription on the Identities of Sayan-Altai Nobles. *Uluslararası Türk dili Kongresi*. 1992. Ankara, 1996.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

РУНОПОДОБНАЯ НАДПИСЬ НА КОСТЯНОЙ ПЛАСТИНЕ ИЗ КАЛОЧА⁷⁵

Во время археологических раскопок в Центральной Венгрии в районе Калоча в конце XIX в. было обнаружено курганный погребение воина-кочевника, датированное по инвентарю и типу похоронного обряда примерно 895 г. В 1964 г. во время реставрационных работ обнаруженного в погребении инвентаря в Венгерском Национальном музее профессором Иштваном Диенешем на костяной обкладке саадака была обнаружена руноподобная надпись, которая была любезно предоставлена нам для исследования⁷⁶ (рис. 1).

Надпись на фрагменте костяной пластинки, которая декорировала в качестве накладки саадак конного воина, погребенного в Калоче, представляет собой лишь часть текста и состоит из 12 руноподобных знаков и двух раздельных двоеточий. Выполнена надпись техникой тонкой гравировки непрофессиональным резчиком и имеет отношение скорее не к моменту изготовления оружия, а к периоду его использования.

Функционально надпись была, по-видимому, связана с обладателем оружия, который, как можно предположить, был носителем языка данного памятника письменности. Общий фонд памятников так называемой «руно-

⁷⁵ Опубликовано в: *Бюллетень Общества востоковедов РАН*. М., 2002. Вып. 9. *Hungaro-Russica*. С. 37–46.

⁷⁶ Dienes I. Landnahmezeitliche Kerbinschrift aus dem Graberfeld von Homokmegy-Halom in der Umgebung von Kalocsa. *Folia Archaeologica XLIII*. Budapest, 1994. S. 167–179.

подобной» письменности раннесредневековых кочевников Евразии кроме этой находки содержит еще только два примера такого рода. Одна из них — надписи на двух костяных срединных накладках лука, обнаруженных в 1971 г. Б. Б. Овчинниковой в тюркском погребении на территории могильника Аймырлыг, близ поселка Чаа-Холь в Туве⁷⁷ (рис. 2); вторая — относительно большая надпись, состоящая из 24 руноподобных знаков, найденная на обкладке лука хазарского (центральноазиатского) типа из курганного погребения на реке Маныч (приток Дона)⁷⁸ (рис. 3).

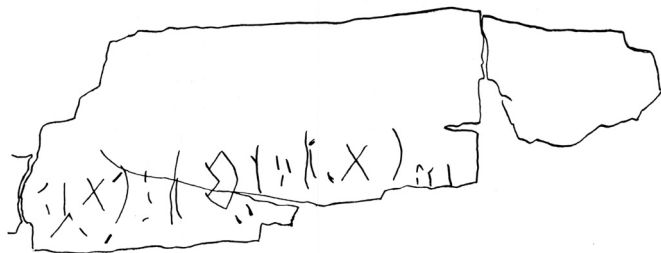

Рис. 1. Руноподобная надпись на костяной обкладке саадака

Оба комплекса датируются вполне определенно: лук из Аймырлыга — VII–VIII вв., хазарский — примерно середина VIII в.⁷⁹ Следует отметить, что все три надписи, кроме функционального, имеют некоторое сходство в репертуаре знаков, совпадения графических вариантов и их пространственной ориентации.

⁷⁷ Овчинникова Б. Б. К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы. *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск, 1981. С. 133–134; Васильев Д. Д. *Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея*. Л., 1983. С. 46, 61.

⁷⁸ Семенов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. Л., 1966. Вып. 29. С. 108–109. В литературе имело место упоминание еще об одной надписи на обкладках лука, обнаруженного в курганном погребении на Дону. — См.: Кызласов И. Л. Новая руническая письменность Южной Сибири. *Археология Горного Алтая*. Горно-Алтайск, 1986. С. 125; Семенов А. И. К выявлению центрально-азиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. Л., 1966. Вып. 29. С. 102–103. Рис. 4. Кирова IV. Курган 2; памятник датируется VIII–IX вв.

⁷⁹ Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. С. 129; Семенов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. Л., 1966. Вып. 29. С. 102–103.

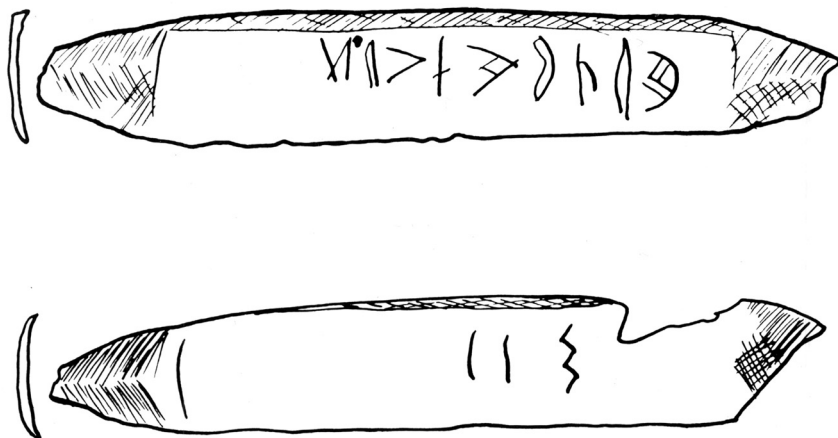

Рис. 2. Надписи на двух костяных срединных накладках лука, обнаруженных в 1971 г. Б. Б. Овчинниковой в тюркском погребении на территории могильника Аймырлыг, близ поселка Чаа-Холь в Туве

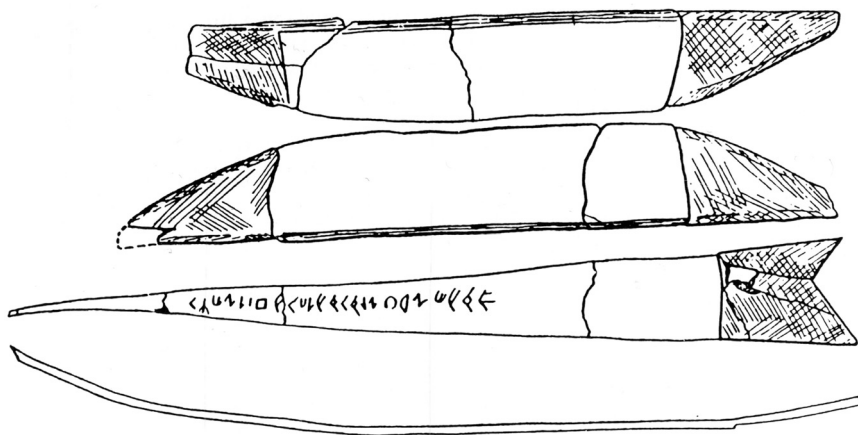

Рис. 3. 24 руноподобных знака на обкладке лука хазарского типа из курганного погребения на реке Маныч (приток Дона)

Несмотря на большую территориальную удаленность друг от друга пунктов находок надписей на снаряжении раннесредневековых лучников

степной полосы Евразии, все они по своей графике могут быть отнесены к одной из разновидностей того типа тюркского руноподобного письма, который более известен как восточноевропейская руника (ВЕР)⁸⁰. Имеющие в своем репертуаре несколько этнорегиональных графических вариантов руноподобные надписи восточноевропейского типа не имеют до настоящего времени достаточно убедительного прочтения и безусловной этноисторической интерпретации. Хронологическая же атрибуция их колеблется у разных исследователей в широком диапазоне от VI до X в.⁸¹ Прочтение этих текстов затруднено тем, что фонетическое значение знаков ВЕР несопоставимо с центральноазиатскими (орхоно-енисейскими) древнетюркскими рунами (ЦАР).

Однако терминологическое определение «ВЕР» становится все менее корректным. Это связано с новыми находками в азиатской части ареала распространения руноподобных эпиграфических памятников, знаки которых соответствуют в большей степени не орхоно-енисейскому или семиреченскому региональным репертуарам, а графическому репертуару ВЕР. Хорошо известны первые азиатские находки такого типа — таласская палочка и маленькие каменные пряслица (грузила) из коллекции Минусинского музея, которые часто сопоставлялись в графическом отношении с восточноевропейскими руноподобными надписями⁸². Каждая новая находка сделала уже традиционным в публикациях построение таблицы, где фонетически не определенные, но имеющие значительные совпадения знаки различных и весьма удаленных друг от друга памятников ВЕР и таласской палочки помещаются в одном позиционном фонетическом ряду. Это естественно, поскольку каждому исследователю бросается в глаза идентичность значительной части знаков. Видимо, по той причине, что число графически совпадающих с ВЕР руноподобных надписей в Центральной Азии было весьма незначительно, поскольку были известны лишь надписи на мелких предметах, а также из-за того, что существовал очень протяженный среднеазиатский разрыв между Семиречьем и Северным Кавказом — крайними точками, где были зафиксированы образцы ВЕР, — исследователи избе-

⁸⁰ См.: Кляшторный С. Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки. *Советская археология*. 1979. № 1. С. 270.

⁸¹ Щербак А. М. *Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков*. СПб., 2001. С. 32–79.

⁸² Малов С. Е. *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*. М.-Л., 1959. С. 65–65. Васильев Д. Д. *Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. Тюркологический сборник-1975*. Москва, 1978. С. 96–98.

гали гипотез, объясняющих это сходство генетическим родством. Число известных сейчас в азиатском ареале руноподобных надписей, близких по своей графике к ВЕР, превысило уже два десятка. Особенно важно то, что появились новые пункты находок надписей этого типа — пункты, которые можно представить теперь в виде цепочки, показывающей ареал функционирования или путь того варианта (или, вернее, нескольких вариантов) руноподобной письменности, которая именовалась ВЕР. Находками, которые могут повлиять на новое развитие гипотез о путях распространения, ареале функционирования, а возможно, и дешифровку, можно считать новые находки в бассейне Енисея, на Алтае — наскальные, в Приаралье — на керамике, в Кызылкумах — наскальные, в Поволжье — предметные⁸³ (рис. 4–7).

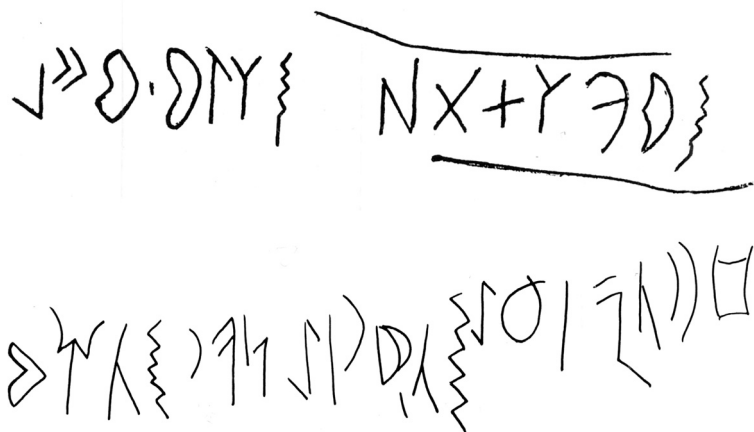

Рис. 4. Надпись из Тувы (Ортаа Саргол — по М. А. Девлету)

Рис. 5. Наскальная надпись из Тувы, р. Чинге

⁸³ Васильев Д. Д. Нерасшифрованный вариант сибирской руники. *Узбек тили ва адабиети*. Ташкент, 1986. № 4. С. 42–44; Кызласов И. Л. Новая руническая письменность Южной Сибири. *Археология Горного Алтая*. Горно-Алтайск, 1986. С. 106–144; Кляшторный С. Г., Левина Л. М. Об одной рунической надписи с городища Алтын-асар (Восточное Приаралье). *Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана*. Нукус, 1989. С. 87–96; Дэвлет М. А. *Петроглифы на кочевой тропе*. М., 1982. С. 109; Васильев Д. Д. *Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея*. Л., 1983. С. 47; Klastornij S. G., Vasary I. Inscription on a Bull-Skull from the Volga Region. *Between The Danube and the Caucasus*. Budapest, 1987. P. 171–180; Rona-Tas A. A szarvasi tütarto felirata. *Különlenyomat a Nyelvtudományi Közlemények 87. Kötetének. I számából*. 1985. P. 225–377; Vassiliev D. Hozzaszolos Dienes Istvan előadásahaz. *Eletünk*. Budapest, 1992. № 5. S. 547–548.

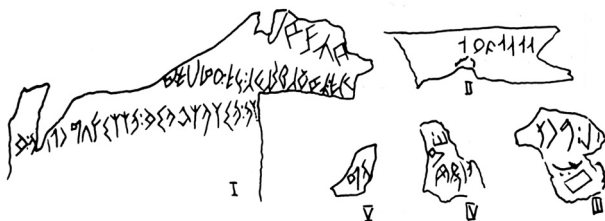

Рис. 6. Надпись из Восточного Приаралья (по Л. М. Левиной).

Рис. 7. Надпись на черепе быка из Поволжья (по С. Кляшторному и И. Вашари)

Здесь цепочка соединяется с памятниками, которые традиционно составляли фонд ВЕР, вплоть до крайних западных — в Сарваше и Калоче.

Невозможность предложить в настоящее время надежное чтение данных руноподобных надписей акцентирует внимание исследователей на корреляциях их графики. Это подчеркивается и тем, что фонд ВЕР не единообразен, а имеет еще и внутреннюю вариативность. В исследованиях сложились уже определенные критерии сопоставлений графики ВЕР, к сожалению не учитывающие типологически близкие образцы из азиатского ареала. Основным аргументом для аналогий в таблицах сопоставлений являются, как правило, несколько наиболее характерных для ВЕР знаков. Следуя этой традиции, мы можем выделить в калочской надписи на снаряжении лучника знак $\varnothing$, отсутствующий в орхоно-енисейских памятниках ЦАР.

Этот характерный знак встречается в надписях Надь-Сент—Миклошского клада, на камнях Хумаринского городища, на черепе быка из Поволжья, Сарвашской, в надписях на скале и обкладках лука из Западной Тувы. Палеографические особенности надписи из Калоча позволяют высказать предположение о близости ее к восточным модификациям руноподобного письма. Композиционные особенности и традиция нанесения надписей на костяные накладки снаряжения лучника также позволяют сопоставить ее с тюркскими аналогами. В наскальной надписи на Енисее знак $\varnothing$ с достаточным основанием может быть реконструирован как *m* в слове $\varnothing\tau\gamma$ «мое государство», «мой племенной союз» и т. п., распространенном и характерном для енисейских рунических надписей.

Хотя и не имеется достаточных оснований для того, чтобы предложить чтение калочской надписи, используя для ее знаков фонетические соответствия ЦАР, все же хочу обратить внимание на следующее. Фрагмент $\tau\varnothing\gamma\tau\gamma\tau\gamma$ с некоторыми допущениями мог бы быть прочитан как *qağanımqa* «моему кагану», если бы он встретился в не очень нормированной, например енисейской или алтайской, надписи ЦАР. Зеркальный поворот знака для *q* Λ встречается во многих надписях Енисея, а то, что это скорее зеркальный поворот велярного варианта, а не палатальной ζ μ , подтверждает соседняя γ [g], которая невозможна в сочетании с палатальными. Ненормированное употребление γ вместо τ [t], которую следовало бы ожидать в слове каган, если бы оно было в нейтральной форме, можно объяснить, также ссылаясь на нередкую замену τ на γ в енисейских надписях в позициях контактных с аффиксами.

Высказанное предположение гипотетично, но гипотетичностью отличается и вообще современные возможности дешифровки ВЕР.

Архаические тюркские системы письма в Центральной Азии реформируются в период государственного созидания Второго тюркского каганата. Этот процесс учитывает согдийскую письменно-графическую систему и традицию, которые были широко известны и использовались ранее в восточной части государства тюрков. Результатом этого процесса, претворившегося в жизнь под контролем верховной власти, является создание более унифицированной, но также отражающей в графике и орфографии диалекты, орхон-енисейско-семиреченской (на более позднем — туркестанской) руники. На западе, в европейской части тюркоязычного ареала, процесс функционирования руноподобной архаики протекает иначе. Архаическая письменная система вместе с тюркскими протобулгарскими племенами во главе с союзом теле распространяется и в западном направлении, до Поволжья, Подонья, где

существует в виде нескольких, в разной степени усовершенствованных вариантов. Также с усилением государственности, но уже хазаро-болгарской, архаическая графическая основа получает новое развитие, которое у различных тюркских племен по-разному отражает традиции родовой символики и распространение грамотности, локальные историко-культурные особенности и иноязычное знаковое воздействие. Однако общегосударственной задачи реформировать и унифицировать в имперских масштабах древнюю принесенную издалека письменную традицию по различным причинам не возникло, и руноподобная архаика представляла собой здесь «угасающую»⁸⁴ письменную систему. Разноплеменные ее реликты накапливали все большее число графических отличий. Все это способствовало возникновению различных модификаций, но в равной степени могло и законсервировать у отдельной этнической группы в виде сакрального родового реликта архаический вариант, например центральноазиатских руноподобных знаков.

Среди ВЕР исследователями выделяются несколько этнорегиональных модификаций. Надпись на костяной накладке снаряжения лучника, найденная в Калоче, представляется относящейся к ранним графическим модификациям ВЕР. Палеографически ее можно отнести к надписям, принадлежащим тюркоязычным протоболгарским племенам, затем вошедшим в состав Хазарского каганата, предки которых находились в составе племенного союза теле, в ходе их продвижения с Северного Кавказа к бассейну Дуная.

Владелец лука был представителем, по-видимому, одного из западных тюркоязычных племен Хазарского каганата. Конный лучник состоял, возможно, на службе в составе личной охраны одного из предводителей союза мадьярских племен и заслужил уважение соратников-соплеменников, о чем говорит погребение в соответствии с обычаями его народа. Для тюркского воина-кочевника его военачальник, являвшийся представителем правящего клана, естественно, олицетворялся с образом кагана, несмотря на то что, собственно, у венгров подобного титула не зафиксировано. Надпись может быть датирована периодом, по-видимому, не ранее 890-х годов и связана с одной из тех тюрко-хазарских этнических групп, например — кабарями, которые в этот период мигрировали вместе с союзом мадьярских племен за Карпаты.

⁸⁴ Термин был применен в отношении так называемых секейских рун, но в данном случае представляется нам адекватным и для ранних надписей ВЕР (см. о термине Munkacsi B. Zum Problem der Szekler Runeaschrift. *KSz.* 1913/1914. S. 229).

Dmitriy D. VASILYEV

1889 YILINDA ORHUN YAZITLARIN İLK OILARAK KEŞFEDEN N. M. YADRINTSEV'İN ARŞIVINDEN BILINMEYEN ANIT KOPYALAR⁸⁵

Nikolay Mihayloviç Yadrintsev (18.10.1842–07.06.1894) Sibirya'nın Omsk kentinde doğmuş, Sankt-Petersburg Üniversitesinde öğretim görmüş, bundan sonra çeşitli Sibirya kentlerinde çalışarak gazeteler yayımlamış ve amatör olarak Sibirya tarihi konularında araştırmalarda bulunmuştu, 1889 yılında Orhun nehrinin kıyısında Kül Tegin ve kardeşi Bilge Kağan anıtlarını keşfettikten sonra 1891'de Ongin nehrinin kıyısında Boyan Çor Kağan anıtını bulan Yadrintsev, bu önemli buluşlar sayesinde Türkoloji tarihinde silinmez iz bırakmıştı.

O dönemde, yani Köktürk yazıtlarının V. Tomsen ve W. Radloff tarafından okunmasından önce, Runik yazıtlarına etnik men** şei hususunda çok tartışıldığını hatırlatmak gerektir. Bu yazıtların Got, Mongol, Kalmuk ve hatta İslaviar tarafından yazılması hakkındalö varsayımlar öne sürülüyordu. N. M. Yadrintsev, o zamanlarda az bilim • adamının düşündüğü gibi, Abel Remusat (1788–1832) tarafından ifadfc / edilen görüşü destekleyerek, Orhun ve Yenisey yazıtlarının menşeiini® > Türk olduğunu belirtmişti.

Defalarca Yenisey Runik yazıtlarının görmüş olan N. M. Yadrintsev, yeni yazıdan keşfetmek üzere, 1889 yılında, o zamanlarda Çin'in bir kısmı olan

⁸⁵ Неизвестные копии памятников из архива Н. М. Ядринцева — первооткрывателя памятников древнетюркской письменности в 1889 г. Опубликовано в: *V. Uluslararası Türk Dili Kurultay Bildiri Özetleri*. Ankara, 2004. S. 194–195.

Moğolistan'a bir bilimsel seyahat yapmıştı. Bu tehlikeli ve maceralarla dolu seyyaha, en büyük Köktürk yazıtları.

bulunmasıyla sonuçlanmıştı. Yadrintsev resim ve cam levhalar üzerinde yapılan fotoğraflar şeklinde yazıtların ilk kopyalarının da çekmişti. Sadece bu kopyalar W. W. Radloff'ın eline düştükten sonra, Asya'nın merkezine Rusya Bilimler Akademisi Orhun Araştırma Ekibi gönderilmişti.

Orhun anıtlarının ilk fotoğraflarının bulunduğu, N. M. Yadrintsev'in foto arşivi, 1782 yılında kurulan Irkutsk Devlet Müzesi'nde tarafımızdan bulunmuştur. Fotoğraflarda anıtlar, W. W. Radloff tarafından yapılan ve Rusya Bilimler Akademisi Sankt-Petersburg Şarkiyat Enstitüsünde bulunan ipekte basılmış kopyalardan daha iyi görünüyor, üzerindeki epigrafik metinlerde daha büyük derecede okunaklıdır. N. M. Yadrintsev'in yaptıkları fotokopilerin, Orhun yazıtlarının sonraki yayınları ile kıyaslanması yardımıyla okunmaz hâle gelmiş veya korunmamış bazı işaretler ihya edilebilir, bu işaretlerin yeni anlaşılması için yeni varyantlar önerilebilir, bir de anıtların ilk bulundukları yerleri ve durumları belirlenebilir. Orhun yazıtlarının ilk olarak keşfeden N. M. Yadrintsev'in arşivindeki az bilinen malzemeler, sadece Türk Runoloji tarihine değil, Köktürk yazıtlarının kaynak bilimi ve tekstoloji bakımından incelenmesine de yarar getirebilir.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

ЕВРАЗИЙСКИЙ АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РУНОПОДОБНОЙ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ⁸⁶

Многочисленные новые находки наскальных надписей в Южной Сибири, Средней Азии и Восточной Европе привлекли внимание исследователей письменной культуры древних тюрков к проблеме соотнесения памятников древнетюркской письменности орхоно-енисейского типа с так называемыми «руноподобными» надписями. Проблема становится настолько актуальной, что даже отодвигает на второй план дискуссии о происхождении тюркского рунического письма. Это объясняется тем, что накапливается значительный новый материал, явно предшествующий (по крайней мере, в Южной Сибири и Средней Азии) прочитанным и этноисторически атрибутированным руническим текстам. Тем самым могут быть внесены серьезные коррективы в прежние исследования по генезису, палеографии и датировке даже хорошо изученных вариантов тюркского рунического письма. Осложняет проблему то обстоятельство, что руноподобные надписи всего евро-азиатского ареала почти во всех случаях не имеют достаточно убедительного прочтения, а дешифровка их письменной системы находится лишь на самой начальной стадии.

Несколько слов о характеристике общего фонда руноподобных надписей Евразии.

---

⁸⁶ Опубликовано в: *Теория и методы исследования восточной эпиграфики*. М., 2006. С. 30–43.

Бассейн р. Лены и Прибайкалье:

Более двадцати наскальных надписей, две надписи на менгирах. К сожалению, надписи этого региона публиковались только по зарисовкам и являются наименее изученными.

Саяно-Алтайский регион, бассейн Верхнего Енисея:

Более двух десятков наскальных надписей, надписи на мелких предметах из металла и кости. Одна надпись на каменном изваянии. Надписи на каменных стелах в этом регионе, за исключением нескольких вызывающих сомнение, атрибутируются в публикациях только как памятники енисейского варианта тюркского рунического письма.

Восточный Туркестан:

Надпись на скульптурном портрете. Граффити из Дуньхуана.

Южная часть Западной Сибири:

Надпись на деревянной палочке из Ачык-Таша, наскальные надписи из Кой-Сары и бассейна р. Или.

Средняя Азия:

Надписи на фрагментах керамики Исфаринского района Ферганы; на глиняных плитках из окрестностей Чимкента; из раскопок в Восточном Приаралье; фрагменты керамики с надписями из Северного Тохаристана; наскальная надпись из Кызылкумов.

Уральский регион:

Надписи на импортной серебряной утвари из бассейна р. Вятки, р. Камы и Пермской области; надписи на керамике из Булгара и Биляра.

Бассейн Нижней Волги, Северный Кавказ и Северное Причерноморье:

Надпись на черепе быка; более десятка надписей Маяцкого городища на р. Дон; более десятка надписей Хумаринского городища в Карачае на р. Кубань. Надписи на костяных накладках вооружения.

Юго-Восточная Европа:

Надписи Мурфатлара; на сосудах из Надь-Сент-Миклош; на предметах из кости; Сарвашская и Калочская надписи. Перечисленные эпиграфические памятники демонстрируют образцы так называемой руноподобной письменности. Имея общую типовую близость с тюркской письменностью периода Второго тюркского каганата, они вместе с тем имеют существенные графические особенности. Надписи различных регионов имеют, например, в своем репертуаре отдельные знаки, характерные только для данной группы текстов и отсутствующие в орхонских, енисейских, семиреченских, восточнотуркестанских памятниках тюркского рунического письма.

Попытаемся сопоставить имеющиеся в нашем распоряжении памятники письменности и памятники материальной культуры в соответствующей этноисторической ситуации.

Тюркоязычные племена, относящиеся к алтайскому союзу *теле*, появляются в степной части Восточной Европы с IV в., принеся с собой из Центральной Азии комплекс духовных традиций, обрядности и образцов материальной культуры. При этом помимо установленной по археологическим данным евразийской общности у кочевников в оружии, конском снаряжении, поясах, жилище, традиционной пище в источниках отмечаются аналогии и в мифологии, пантеоне, эпическом наследии, тамговой геральдике, орнаментике, изобразительных сюжетах.

Ранний период истории тюркоязычных кочевников Евразии характеризуется существованием нескольких формально близких друг другу, но различающихся в деталях и отдельных знаках систем письменной фиксации и передачи информации. Прототипом этих письмен скорее всего могли быть петроглифические изображения и родовая тамговая символика. Вряд ли можно полагать, что графика этих знаков, несущих скорее всего функцию персональных или родоплеменных меток, разработана на основе иной письменной системы. В настоящее время наибольшее число таких руноподобных надписей фиксируется в Горном Алтае, именно там, где позже зарождалась древнетюркская государственность. Во многих наскальных комплексах, например Ялбак-Таш II, Бичикту-Бом, Беш-Озек, петроглифическая и тамговая символика размещается в одном ряду с руноподобными знаками. Иначе говоря, демонстрируется как бы маргинальный период иллюстративно-письменной фиксации информации. И этот период хронологически соответствует времени, предшествующему политической интеграции тюркских племен.

В середине VI в. усилившаяся после разгрома соперников группа тюркских племен Алтая сумела создать племенной союз, ставший первой «империей» кочевников на территории двух частей света. Возникает идея государственной общности, и возрастает потребность в большей информационной коммуникации. По-видимому, именно в этот период в обширной степной «империи» начинает ощущаться необходимость унификации тех несовершенных письменных систем, которые исследователями нашего времени будут названы руноподобными, в отличие от «рунических» наиболее характерными образцами, которых являются надписи долины Орхона и Кошо-Цайдама, Саяно-Алтая и бассейна Енисея, Восточного Туркестана и Семиречья. В этот период политическое соперничество племен в «империи» переходит и в область борьбы за культурные приоритеты. Так, в образцах примитивной письмен-

ной фиксации персоналий и родовой принадлежности у тюркских племен, входивших в состав Первого тюркского каганата, уже могут быть выделены различные этнорегиональные графические варианты, которые впоследствии будут складываться в различные школы древнетюркской письменной культуры на огромной территории — от Байкала до Северного Причерноморья.

Однако дальнейшее развитие этих процессов прерывается с распадом Первого тюркского каганата. На некоторое время преемником культурных традиций центральноазиатских тюрков становится Западно-Тюркский каганат, и здесь продолжают функционировать архаические графические варианты руноподобного письма тюрков. Реликты этой древнетюркской письменной архаики на какое-то время даже переживают по времени Западно-Тюркский каганат, распространившись на север — в Волго-Уральский регион и на запад — в Центральную Европу. С возрождением Восточно-Тюркского каганата в Центральной Азии вновь становится актуальной идея унификации древнетюркских письменных систем и создания наддиалектной общегосударственной письменности. Феномен как бы внезапного появления памятников Орхона с разработанной письменной системой можно объяснить тем, что общегосударственная реформа древнетюркских письменных вариантов была начата еще в Первом тюркском каганате. Возможно, необходимость создания общегосударственной письменной системы была осознана уже Таспар-каганом, приказавшим перевести на язык тюрков буддийские сочинения и оставившим на каменной стеле надпись о своих деяниях по-согдийски. Эта практика употребления в каганских надписях согдийского языка и участие в государственных делах согдийцев объясняют те элементы согдийского влияния в орхонской письменности, на которые обращают внимание многие исследователи.

Это был период практических поисков наиболее приемлемого для возрождающегося государства лингва франка. И различия культурно-письменных школ, функционировавших в период создания Второго тюркского каганата, многообразие графических (а возможно, и орфографических) вариантов осознаются лидерами этого обширного и многоэтничного государственного образования как не соответствующие политической доктрине государства. Орхонские тексты являются определенным итогом государственной письменно-языковой политики. Они создаются не только с мемориальной целью, но и как образец, призванный унифицировать различные тюркские племенные и иностранные письменные варианты, бытующие в каганате, на основе традиции, но с усовершенствованиями, возможно заимствованными в том числе и из иноязычных письменных систем.

По поводу взаимоотношений «руноподобной» и «рунической» (пусть это пока не самые удачные терминологические определения) письменностей раннесредневековых кочевников Евразии в последнее время развернута дискуссия, которая обещает на ближайший период стать, наряду с выявлением новых памятников, наиболее масштабным явлением в изучении памятников древнетюркской письменности. Можно полагать, что эта тема станет в тюркской рунологии генеральной и в наступающем столетии. В этой связи особенно актуальным представляется фундаментальное факсимильное издание каталога всех руноподобных надписей евроазиатского ареала, без преждевременной этнолингвистической их атрибуции⁸⁷.

Внимание исследователей может быть обращено на несколько примеров. Общий фонд памятников так называемой «руноподобной» письменности содержит три функционально близких образца — надписи на костяных обкладках лука и садака: из Калоча (Венгрия)⁸⁸ (рис. 1), тюркского могильника Аймырлыг в Туве⁸⁹ (рис. 2) и хазарского погребения на р. Маныч (приток Дона)⁹⁰ (рис. 3). Комплексы определенно датируются: лук из Аймарлыга — VII–VIII вв., хазарский примерно серединой VIII в.⁹¹ Следует отметить, что

⁸⁷ Попыткой подготовки альбома руноподобных надписей Восточной Европы можно считать издание Исмаилом Доганом фотокопий большинства надписей региона, сопровождаемое частичной библиографией первоизданий. Однако отсутствие в альбоме каталогизации надписей, их источниковедческого и текстологического исследования вызывает сожаление. См.: Ismail Doğan. *Doğu Avrupadaki Göktürk (Runic) işaretli yazıtlar. Türk Dil Kurumu Yayınları*. Ankara, 2002.

⁸⁸ Dienes I. Landnahmezeitliche Kerbinschrift aus dem Gräberfeld von Homokmegy-Halom in der Umgebung von Kalocsa. *Folia Archaeologica*. T. XLIII Budapest, 1994. P. 167–179.

⁸⁹ Овчинникова Б. Б. К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы. *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск, 1981. С. 133–134; Васильев Д. Д. *Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея*. Л., 1983. С. 46, 61.

⁹⁰ Семенов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. Л., 1966. Вып. 29. С. 108–109. В литературе имело место упоминание еще об одной надписи на обкладках лука, обнаруженном в курганном погребении на Дону. — См.: Кызласов И. Л. Новая руническая письменность Южной Сибири. *Археология Горного Алтая*. Горно-Алтайск, 1986. С. 125; Семенов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. Л., 1966. Вып. 29. С. 102–103. Рис. 4 (Кирово IV, курган 2, памятник датируется VIII–IX вв.).

⁹¹ Савинов Д. Г. *Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху*. Л., 1984. С. 129; Семенов А. И. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. Л., 1966. Вып. 29. С. 102–103.

все три надписи кроме функционального имеют совпадения графических вариантов, некоторое сходство в репертуаре знаков и в их пространственной ориентации.

Несмотря на большую территориальную удаленность друг от друга находок надписей на снаряжении раннесредневековых лучников степной полосы Евразии, все они по своей графике могут быть отнесены к восточно-европейской разновидности древнетюркского рунического письма (ВЕР)⁹².

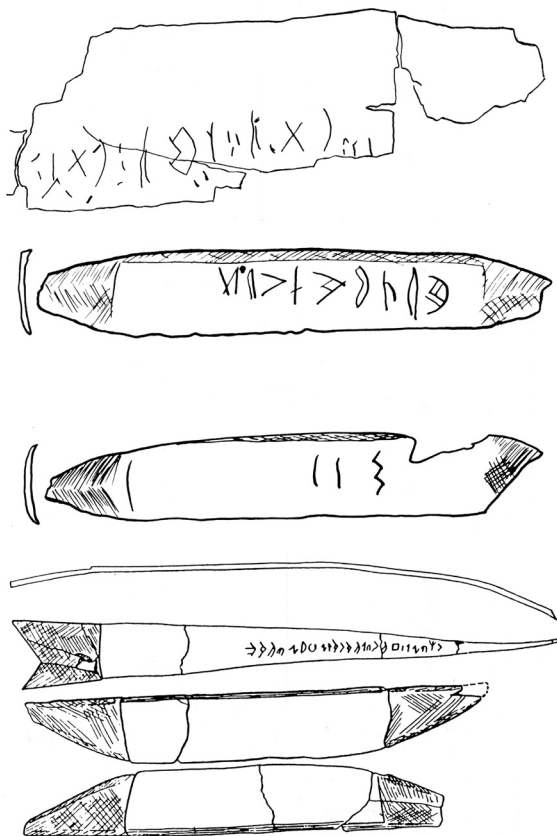

Рис. 1, 2, 3. Надпись на костяных обкладках лука и саддака:
из Калоча (Венгрия), из Тувы и с р. Маныч

⁹² См.: Кляшторный С. Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки. *Советская археология*. 1979. № 1. С. 270.

Руноподобные надписи восточноевропейского типа не имеют до настоящего времени достаточно убедительного прочтения и четко определенной этноисторической интерпретации. Хронологическая же атрибуция их колеблется у разных исследователей в широком диапазоне — от VI до X в.⁹³ Прочтение этих текстов затруднено тем, что фонетическое значение большинства знаков ВЕР, по-видимому, несопоставимо с центральноазиатскими (орхоно-енисейскими) древнетюркскими рунами (ЦАР). Однако терминологическое определение ВЕР становится все менее корректным. Это связано с новыми находками в азиатской части ареала распространения руноподобных эпиграфических памятников, знаки которых соответствуют в большей степени не орхоно-енисейскому или семиреченскому региональным репертуарам, а графическому репертуару ВЕР. Хорошо известны первые азиатские находки такого типа — Таласская палочка, а также енисейские наскальные надписи и надписи на маленьких каменных пряслицах из коллекции Минусинского музея (рис. 4–5), которые часто сопоставлялись в графическом отношении с восточноевропейскими руноподобными надписями⁹⁴. Каждая новая находка сделала уже традиционным в публикациях построение таблицы, где фонетически не определенные, но имеющие значительные совпадения знаки различных и весьма удаленных друг от друга памятников ВЕР и Таласской палочки помещаются в одном позиционном фонетическом ряду. Это естественно, поскольку каждому исследователю бросается в глаза идентичность значительной части знаков. Видимо, по той причине, что число графически совпадающих с ВЕР руноподобных надписей из Центральной Азии было весьма незначительно, потому что были известны лишь надписи на мелких предметах, а также из-за того, что существовал очень протяженный среднеазиатский разрыв между Семиречьем и Северным Кавказом — крайними точками, где были зафиксированы образцы ВЕР, — исследователи избегали гипотез, объясняющих это сходство генетическим родством. Число известных сейчас в азиатском ареале руноподобных надписей, близких по своей графике к ВЕР, превысило уже два десятка. Особенно важно то, что появились новые пункты находок надписей этого типа — пункты, которые можно представить теперь в виде цепочки, показывающей ареал функционирования или путь того варианта

⁹³ Щербак А. М. *Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков*. СПб., 2001. С. 32–79.

⁹⁴ Малов С. Е. *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*. М.–Л., 1959. С. 65–67; Васильев Д. Д. *Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. Тюркологический сборник*. 1975. М., 1978. С. 96–98.

(или, вернее, нескольких вариантов) руноподобной письменности, которая именовалась ВЕР. Находками, которые могут повлиять на новое развитие гипотез о путях распространения, об ареале функционирования, а возможно, и на дешифровку, можно считать новые находки в бассейне Енисея, на Алтае: наскальные, на керамике из Восточного Приаралья (рис. 6), наскальные в Кызылкумах (рис. 7), предметные — в Поволжье (рис. 8)⁹⁵.

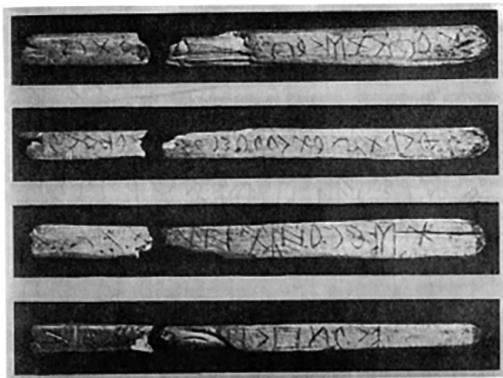

Рис. 4. Надпись на Таласской палочке

Здесь цепочка соединяется с памятниками, которые традиционно составляли фонд ВЕР, вплоть до крайних западных — в Сарваше и Калоче. Невозможность предложить в настоящее время надежное чтение данных руноподобных надписей переакцентирует внимание исследователей на корреляциях их графики. Это объясняется и тем, что фонд ВЕР не единообразен, а имеет еще и внутреннюю вариативность.

⁹⁵ Васильев Д. Д. Нерасшифрованный вариант сибирской руники. *Узбек тили ва адабиети*. 1986. № 4. С. 42–44; Кызласов И. Л. Новая руническая письменность Южной Сибири. *Археология Горного Алтая*. Горно-Алтайск, 1986. С. 106–144; Кляшторный С. Г., Левина Л. М. Об одной рунической надписи с городища Алтын-асар (Восточное Приаралье). *Этническая история и традиционная культура народов Ср. Азии и Казахстана*. Нукус, 1989. С. 87–96; Дэвлет М. А. *Петроглифы на кочевой тропе*. М., 1982. С. 109; Васильев Д. Д. *Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея*. Л., 1983. С. 47; Klastornij S. G., Vasary I. Inscription on a Bull-Skull from the Volga Region. *Between The Danube and the Caucasus*. Budapest. 1987. P. 171–180; Rona-Tas A. A szarvasi tütaró felirata. Különlenyomat a Nyelvtudományi Közlemények, 87. *Kötetnek. I szamabol*. Budapest, 1985. P. 225–377; Vassiliev D. Hozzaszolos Dienes Istvan előadásahaz. *Eletünk*. Budapest, 1992. № 5. P. 547–548.

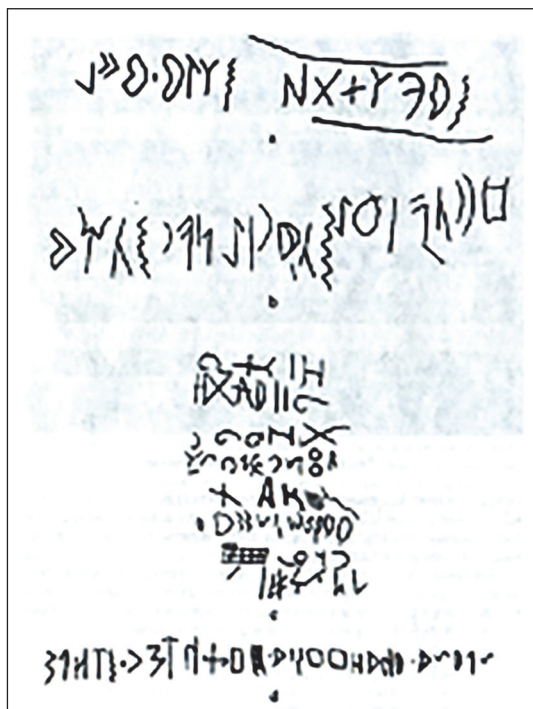

Рис. 5. Надпись из урочища Сарыг-оол (Енисей). Надпись Чингинской воронки (Енисей). Надпись на пряслице (1) из Минусинского музея и надпись на пряслице (2) из Минусинского музея

В исследованиях сложились уже определенные критерии сопоставлений графики ВЕР, к сожалению не учитывающие типологически близкие образцы из азиатского ареала. Основным аргументом для аналогий в таблицах сопоставлений являются, как правило, несколько наиболее характерных для ВЕР знаков.

Как наиболее аргументированные гипотезы последнего времени в российской тюркологии о взаимосвязи тюркской рунической и руноподобной письменных систем, использовавшихся раннесредневековыми кочевниками Евразии, следует упомянуть концепции С. Г. Кляшторного и И. Л. Кызласова.

По мнению С. Г. Кляшторного, формирование руноподобного письма происходило не позднее IV–V вв. при определяющем воздействии согдий-

ского языка в оазисах Восточного Туркестана. В Первом тюркском каганате оно не имело государственной протекции, затем с протобулгарскими племенами теле оно распространяется в западном направлении до Поволжья, Подонья и до долины Дуная. И здесь оно еще некоторое время существует в нескольких графических вариантах (однажды С. Г. Кляшторным было упомянуто число 6).

Рис. 6. Надпись на черепке из Восточного Приаралья.

Рис. 7. Надпись из Кызылкумов

Рис. 6. Надпись на черепке из Восточного Приаралья.

Рис. 7. Надпись из Кызылкумов

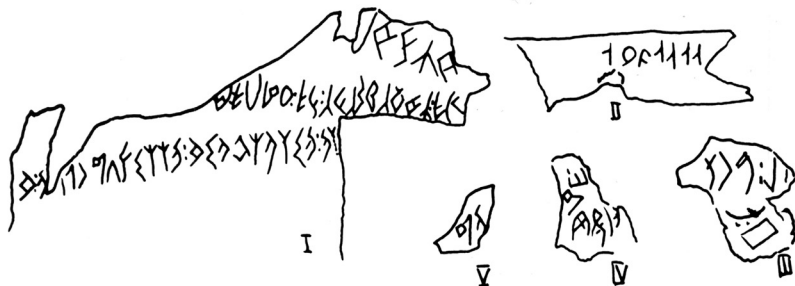

Рис. 8. Надпись на черепе быка из Поволжья

По мнению И. Л. Кызласова, во всем ареале евразийских кочевников существовало множество различных рунических письменных систем, которые он делит на три большие группы: азиатскую, евро-азиатскую и европейскую. В азиатской группе им выделяются орхонская, енисейская, южноенисейская и верхнеенисейская, причем допускается не тюркское, а самодийское их происхождение. Евразийская группа рунических письменностей формируется, с его точки зрения, под влиянием семитских письменных систем неарамейского корня. Руника Восточной Европы, по его мнению, также представляет собой различные письменные системы и не связана генетически с азиатской руникой. Причем в Хазарском каганате и других полиэтнических государствах допускается возможность ее принадлежности нетюркским этносам.

Длительный опыт исследования «рунообразных» (термин, предложенный А. М. Щербак) надписей позволил А. М. Щербаку, не вдаваясь в дискуссию, систематизировать практически весь накопленный текстологический и источниковедческий материал. Это дало возможность ученому сделать общий вывод о тюркоязычности большинства руноподобных надписей Восточной Европы (хотя среди пользователей «рунообразным» письмом им называются и мадьяры), а также предположительно обозначить этносы, которым могут принадлежать конкретные эпиграфические памятники⁹⁶.

Рассматривая древнетюркскую письменную культуру в евразийском ареальном аспекте, в плане развития дискуссии по данной теме полагаю возможным предложить несколько следующих собственных позиций:

— древнетюркская письменность в своих архаических вариантах формировалась в среде тюркоязычных кочевников на племенном уровне, имела несколько этнорегиональных графических разновидностей;

— наличие наибольшего числа самых архаичных и примитивных руноподобных надписей на Алтае и связь первого упоминания о тюрках с Алтаем, а также отражение в руноподобных надписях традиционной изобразительной символики позволяет назвать Алтай одним из очагов зарождения письменной культуры тюрков;

— к цивилизационным достижениям тюркоязычных кочевников относится широкое распространение грамотности и стремление к совершенствованию письменной культуры;

— распространение руноподобной письменности в евразийском ареале соотносится, по-видимому, с периодом существования Первого тюркского каганата;

⁹⁶ Щербак А. М. *Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков*. СПб., 2001. С. 22–30.

— в последующих государственных образованиях руноподобная письменность совершенствуется, но разными путями: на Орхоне реформируется при интенсивном согдийском воздействии, в Восточной Европе совершенствуется, взаимодействуя с местными традициями, архаичная графическая основа, принесенная тюркоязычными племенами из центра Азии (это предположение, конечно, не сводится к тому, что имеют место лишь два основных варианта руноподобной письменности);

— руноподобные надписи тюркоязычных кочевников Восточной Европы являются крайними западными реликтами архаических вариантов руноподобных надписей саяно-алтайских тюрков;

— руноподобные надписи Северного Кавказа, Арала, Ферганы, Казахстана, Иртыша устанавливают связи между памятниками Восточной Европы и Центральной Азии;

— орхонские надписи представляют собой унифицированную наддиалектную письменную систему, созданную в условиях многоплеменного государства в течение длительного исторического периода, обеспечившего возможность ее усвоения и становления как традиции.

В связи с последней позицией следует отметить также возможность передатировки некоторых известных надписей Южной Сибири, в частности — енисейских. Архаические, но, несомненно, оригинальные, тюркские системы письма в Центральной Азии реформируются в период государственного созидания Второго тюркского каганата. Этот процесс учитывает согдийскую письменно-графическую систему и традицию, которые были широко известны и использовались ранее в восточной части государства тюрков. Результатом этого процесса, претворявшегося в жизнь под контролем верховной власти, является создание более унифицированной письменной системы, которая, тем не менее, отражала в графике и орфографии диалекты орхонско-енисейской, семиреченской (а на более позднем этапе — и восточно-туркестанской) руники. На западе, в европейской части тюркоязычного ареала, процесс функционирования руноподобной архаики протекает иначе. Архаическая письменная система вместе с тюркскими племенами распространяется в западном направлении до Поволжья, Подонья, где существует в виде нескольких, в разной степени усовершенствованных вариантов. Также, с усилением государственности, но уже хазаро-болгарской, архаическая графическая основа получает новое развитие. Но традиции родовой символики, локальные историко-культурные особенности и иноязычное знаковое воздействие у различных тюркских племен отражают уже по-разному. Однако общегосударственной задачи реформировать и

унифицировать в имперских масштабах древнюю, принесенную издалека, письменную традицию по различным причинам не возникло, и руноподобная архаика представляла собой здесь «угасающую»⁹⁷ письменную систему. Разноплеменные ее реликты накапливали все большее число графических отличий.

Все это способствовало возникновению в западной части тюркского ареала различных модификаций, но отдельные этнические группы могли и располагать сведениями о происходивших в каганате на востоке процессах модернизации центральноазиатских руноподобных письмен, и даже пользоваться новой письменностью (подобно авторам пометки на хазарском документе из Каирской генизы, Сарвашской и Калочской надписей).

---

⁹⁷ Термин был применен в отношении так называемых секлерских рун, но в данном случае представляется нам адекватным и для ранних надписей ВЕР (см. о термине: Munkacsi B. Zum Problem der Szekler Runenschrift. *KSz*, 1913/1914. P. 229).

D. D. VASILYEV

ALT-TÜRKISCHE RUNEN-INSCHRIFTEN AUF DEN CHINESISCHEN METALLSPIEGELN AUS MINUSSINSK MUSEUM⁹⁸

Im allgemeinen Bestand von türkischen Runen — Inschriften sind ungefähr fünfzehn epigraphische Texte bekannt, die auf den in VI–X. Jahrhunderten hergestellten chinesischen Metallspiegel Fragmenten geschrieben sind. Diese sehr kurze Inschriften sind viel spatter, als der Spiegel selbst, mit dünnen Linien auf den gewählten Spiegelkanten oder auf den von Gussabbildungen freien Orten gemacht. In dieser Gruppe der türkischen Inschriften eine var in Semiretschje⁹⁹ eine andere im Oberlauf des Irtisches¹⁰⁰ gefunden, und noch eine am Ende des vorigen Jahrhunderts von Akademiker S. F. Oldenburg aus Ost-Türkistan gebracht¹⁰¹. Alle anderen waren im Oberlauf der Jenissej's. In heutigen Tuva und Khakassien gefunden, Der grösste Teil dieser Inschriften wird jetzt in einem der ältesten Museen Sibiriens in der Stadt Minussinsk aufbewahrt. Fast alle diese

---

⁹⁸ Опубликовано в: Hungaro-Russica III. История и культура Евразийской степи: 3-й сборник статей российских и венгерских востоковедов. *Бюллетень ОВ РАН*. М., 2008. Вып. 13. С. 136–149.

⁹⁹ Бернштам А. Н. Новые эпиграфические находки из Семиречья. *Эпиграфика Востока*. М.-Л., 1948. Т. 2. С. 109.

¹⁰⁰ Дзянова Ф. Н., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // *Тюркологический сборник-1972*. М., 1973. С. 308–315.

¹⁰¹ Кляшторный С. Г., Лубо-Лесниченко Е. Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью. *Сообщения Государственного Эрмитажа*. Л., 1979. Т. 39. С. 45–48.

Spiegelteile wurden in der Exposition «Die östlichen Quellen der Kultur von Alt-Ungarn» im Nationalmuseum in Budapest in 1994 gezeigt¹⁰².

Das Gebiet, wo die Spiegel mit den gekritzelten alttürkischen Inschriften gefunden sind, war das Zentrum des Staats der Jenissej Kirgizen. In Jahren 682–745 ging dieses Gebiet ins Zweite Türkische Reich ein, das die Kirgizen erobert hatte. Nach dem Jahre 750. stand dieses Gebiet eine kurze Zeit unter Ujgurengewalt, und von Jahre 820. ab und bis zum Ende des IX Jahrhunderts werden die Kirgizen die wichtigste Kraft in Süd-Sibirien. Die archäologische Funde die zu dieser ganzen vierhundertjährigen.

Periode gehören, zeugen von den aktiven Handels-, Politik- und ob 19.00 Kulturkontakten der türkischen Staaten Zentralasiens mit Tang China. Insgesamt mehr als hundert Spiegeln dieser Periode befinden sich in den Sammlungen der russischen Museen und mehr als 90 von ihnen sind im Oberlauf des Jenissej's gefunden. Aus diesem Grunde kann Süd-Sibirien für ein grosses Zentrum der Ausfuhr der chinesischen Metallspiegeln aus Tang-Reich halten.

Im Jahre 1975 hat E. Lubo-Lesnitschenko die Beschreibung und die Fotos des Teiles der bekannten chinesischen Metallspiegeln aus Süd-Sibirien herausgegeben und als Werke des Kunstgewerbes erforscht und systematisiert¹⁰³. Aber die Ziele der Erforschung haben die Herausgebung der abermaligen alttürkischen Inschriften auf den Spiegeln nicht vor, darum sind sie meistens unerforscht und unübersetzt.

Die erste Mitteilungen über die Runen-Inschriften auf den Fragmenten der chinesischen Metallspiegeln aus Tang-Zeit gehören der Sibirienreise von D.G. Messerschmiedt in Jahren 1720–1732, Der Autor des im Jahre 1818 herausgegebenen ersten Atlas von Runen inschriften aus Sibirien G. I. Spasski hat im Jahre 1835 gemeldet: Der ehemalige Guverneur des Jenissej-Gebietes Hr. Stepanov hatte ungefähr zwanzig Metallspiegeln, die aus den Hugelgraben ausgegraben worden, auf manchen von ihnen waren nicht nur Gussabbildungen, sondern auch die Zeichen der Unbekannten Schrift¹⁰⁴.

In der Mitte unseres Jahrhunderts die einzelne Publikationen der Runen — Inschriften tragende Spiegel oder die Erwöhnungen von diesen Funden kann man in den Artikeln von E. Rigdilon, L. Kizlasov finden¹⁰⁵, aber die Fotos sind nicht

¹⁰² Иллюстрации к статье см. Fig. 1–5.

¹⁰³ Лубо-Лесниченко Е. *Привозные зеркала Минусинской котловины*. М., 1975.

¹⁰⁴ Спасский Г. Л. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. С.-Петербург, 1857. С. 20.

¹⁰⁵ Рыгдылон Е. Новые рунические надписи Минусинского края. *Эпиграфика Востока*. М.-Л., 1951. Т. 4. С. 91–92; Рыгдылон Е. Китайские знаки и надписи на археологических предметах и эпиграфика Востока. М.-Л., 1951. Т. 5. С. 118–119; Кызласов И. Л. Новые материалы по енисейской рунической письменности. *Советская тюркология*. М., 1981. № 4.

herausgegeben und man übersetzte die Inschriften nicht. In den Publikationen hat man auf die Notwendigkeit der Restaurationreinigung für die Identifizierung der Zeichen hingewiesen.

Im Jahre 1983 haben wir zum ersten Mal die gemeinsame illustrierte Publikationen der neuen türkischen Spiegelinschriften gemacht. Aber die Rekonstruktion der Texte und die Nachrichten über die Ursprung manchen Funden waren ungenügend. Ich schlage Ihnen die Rekonstruktionen der türkischen Runen — Inschriften auf den restaurierten chinesischen Metallspiegeln aus Oberfluss des Jenissej's vor. Der Index der Inschriften entspricht der Korpus der türkischen Runen-Inschriften.

E 76

Spiegelfragment I wurde von Hiesigen in einem Hügelgrab nicht weit von der Stadt Abakan gefunden und im Jahre 1722 von D. G. Messerschmiedt übergeben. Die erste Zeichnung der Inschrift wurde von I. F. Strahlenberg gemacht und mehrmals herausgegeben. Es wird angenommen, das Fragment verlorengegangen ist, die Zeichnung der Inschrift wurde lange vor der Dechiffrierung der türkischen Runenalfabets gemacht. Deswegen können manche Zeichen ohne Original nicht identifiziert sein und man kann nur ein Fragment des Textes rekonstruieren:

«... *tüz oruq [q] a bök: külüg alp*»

«...*Geniesse den glatten Weg, Der berühmte Held*»

E 77

Silberspiegelfragment I wurde in Minusinsker Talkessel gefunden. Befindet sich in der Exposition Minusinsker Museums (Inventarnummer 5194).

Aus einer Zeile bestehende Inschrift befindet, sich rund in der Nahe des Spiegelbords. Sie wurde nach dem Rekonstruktionreinigen vollständig restauriert.

«...*ertini tükmüş: ariq kümüş özüк*»

«...*Du, rein wie Silber, hast den Schatz ausgegeben*»

E 84

Spiegelfragment III aus Abakan — Museum wurde von Archäologen A. Lipski ins Republikmuseum Hakasiaens in Abakan übergeben.

С. 93–96; Васильев Д. Д. *Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея*. Л., 1983. С. 37–39.

Die zweizeilige Inschrift befindet sich rund neben dem Spiegelbord Sie ist nach dem Rekonstruktionsreimigen vollständig restauriert. In vorigen Ausgaben wurde die Inschrift ungenau und gekürzt herausgegeben:

«...sari esin (bit) yagiz yi...»
«gelber Wind... (Inschrift) braune Erde...»

E 85

Spiegelfragment IV wurde in Minusinsker Talkessel gefunden und befindet sich jetzt Minusinsker Museum. Die Inschrift besteht aus zwei Zeilen, die mit einer dinnen Linie voneinander getrennt sind. Die untere Zeile ist völlig verschwunden und ein Teil der Inschrift kann nicht rekonstruiert werden. In vorigen Ausgaben gibt Ungenauigkeiten:

«*biči (gi) čizen (in) eši*»
«Die Beute des Autors der Inschrift»

E 127

Spiegel V. Unter alten Fotos in Archiv Minusinsker Museums wurde ein Foto von anscheinend aus weisser Bronze gemachten chinesischen Spiegel gefunden auf dessen Kehrseite eine Etikette mit der Inschrift: «Minusinsk Jahre 1905 zu sehen war. Im alten Inventerbuch aus Jahre 1906 findet man solch ein Aufschreiben: «Ein Foto gemacht von Födorov, aus der Spiegel Sammlung von Altertumssammler L. Kuznetsov-Krasnonarski». Es war jemals ein berühmter Altertumssammler. Der Spiegel hat eine quadratische Form. in einer Ecke des Spiegels gibt es eine Inschrift aus fünf Runen:

«*surgač*».

Wahrscheinlich ist es ein Name oder eine Beiname. Mahmut al-Kashgari erklärt dieses Wort als Lack für die Bearbeitung der Griffe der blanken Waffe.

E 128

Spiegelfragment VI. Dieses Spiegelfragment wurde — in Minusinsker Talkessel gefunden, netzt wird es in der Grundsammlung Minusinsker Museums aufbewahrt, Die aus zwei Zeilen bestehende Inschrift ist auf dem freien Rand neben dem Spiegelbord fein graviert, «*šin*».

Das kann chinesisches «shou» sein, das heisst der zehnte Mitglied des zwölfteiliges Kalenders.

E 129

Spiegelfragment VII besteht aus zwei Scherben, wurde im Dorf Monok in Minussinsker Talkessel gefunden, Jetzt befindet es sich in Fonds Minussinsker Museums:

«ögüt ošu ind»

«Der Rat ist Ruhe»

E 130

Spiegeifragment VIII. Fragment des quadratförmigen Spiegels wurde in Minussinsker Talkessel gefunden, bewahrt in Minussinsker Museum. Aus drei Zeichen bestehende Inschrift ist auf dem freien Rand in der Ecke fein graviert, ein Zeichen befindet sich in der Vertiefung zwischen den Hieroglyphen. Fünf Zeichen sind in einer Zeile am Bord des Spiegels. Die Inschrift wurde nach der Restauration vollständig rekonstruiert:

«erig» ... Manier. Betragen, Lebensweise

«adi» ... seine Name **

«..otunc enü»... «ötuntsch Engü» ist. Meinetwegen, das ist der Name des Spiegelbesitzers.

E 143

Spiegelfragment IX wurde nahe dem Dorfe Tschaa-Hol in Tuva in der Grabstätte Aimyrlyg gefunden, befindet sich in den Fonden der Ural Staatsuniversität in Jekaterinburg.

Die Inschrift besteht aus vier Zeichen, die sich auf dem freien Rand to neben dem Spiegelbord befinden.

«alpin:...u»

«gehört dem Helden», «[die Sache] des Helden»

Chinesische Metallspiegel und ihre Fragmente waren in türkischer Nomadengesellschaft kostliche Import — Luxussachen, in einer der alttürkischen Epitaphen bei der Beschreibung der unzählbaren Reichtümer des Toten erwähnt man «acht weisse (aus Bronze) Spiegel und zehn schwarze (wahrscheinlich, in selben Gebiet gegossene) Spiegel». Die Spiegel wurden von Schamanen verbraucht, man glaubte an ihre magischen Eigenschaften. In alt-ugurischen Texten wird die Verlust eines Spiegels als ein schlechtes Zeichen erwähnt. Auf den Spiegeln

gemachte Abbildungen und Inschriften verstärkten ihre Amulettenkraft. Ihre Schutzgewalt hielt man so gross, dass die Spiegel in Fragmente zerbrochen und unter eine Gruppe von Menschen verteilt wurden. Aber das kann auch durch die hohe Wert dieser Importsachen erklärt werden. Man kann auch annehmen, dass eine türkische Inschrift den Spiegel als Amulette mit einer bestimmten Person verbunden. Deshalb sollte der Spiegel auch nach dem Tode mit seinem Besitzer bleiben. Manche Inschriften können als Geschenkinschriften interpretiert werden.

Die Adaptierung in der türkischen Umwelt der Gegenstände aus anderen Zivilisationen mit Hilfe der Ergänzungsinschriften zeugt von dem zweifellosen kulturellen Einfluss Tang-China's auf das tagliche Leben der Nomaden. Der Inhalt manchen Inschriften und die Benutzung in ihnen der buddistischen Terminologie lässt über die Interesse der Türk volker Sudsibiriens in frühem Mittelalter zur philosophische und mythologische Traditionen Chinas und über genügende Kenntnisse und bestimmte Sympatien in diesem Gebiet sprechen. In diesem und auch in manchen anderen Ausserungen kann man einen bestimmten Synkretismus der örtlichen zentralasiatischen und weitöstlichen Traditionen sehen. Seine aktive Einführung und Popularität im alltäglichen Leben rufen wahrscheinlich den politischen Widerstand der türkischen Kahanen der in Orkhon-Inschriften fixiert ist.

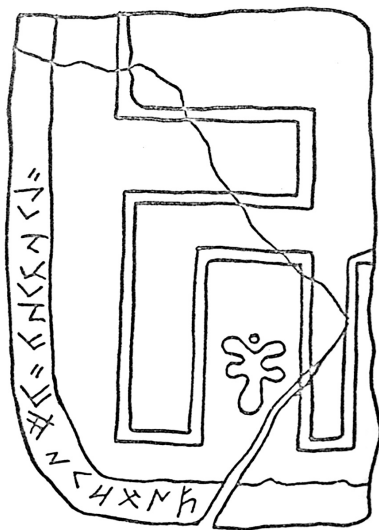

Fig. 1. E 76

Fig. 2. E 77

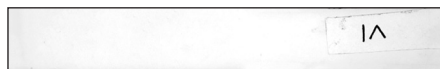
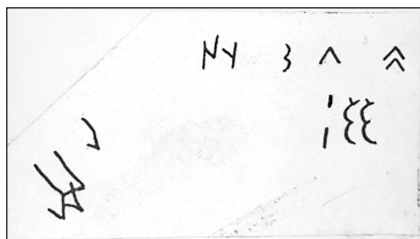
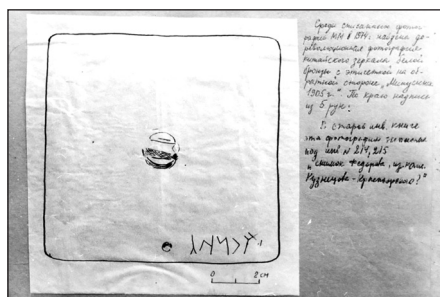

Fig. 3. E 127, E 128, E 129

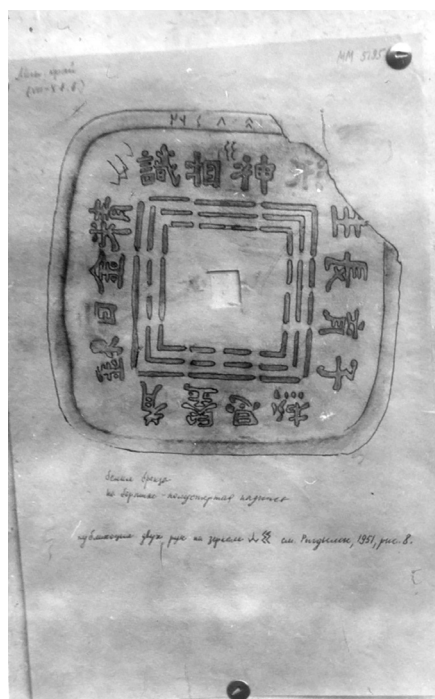

Fig. 4. E 130 (предмет с надписью)

Fig. 5. E 143

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

ОТЧЕТ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ОБСЛЕДОВАНИИ
ТЕРЕ-ХОЛЬСКОГО КОЖУУНА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА
В ИЮЛЕ–АВГУСТЕ 2007 Г. ВОСТОКОВЕДЧЕСКОЙ
ИЗЫСКАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
«КРЕПОСТЬ ПОР-БАЖЫН»¹⁰⁶

Предисловие

Начиная с XVIII в. научным экспедициям Российской академии наук всегда был присущ комплексный характер полевых изысканий и исследований. Научное осмысление археологических находок, собранных этнографических, лингвистических, фольклорных и письменных материалов, наследия духовной культуры было невозможно в отрыве друг от друга. В то время как комплексный источниковедческий подход делал артефакты взаимодополняющими, что позволяло воссоздавать древние культуры в их многообразии и динамике. Именно эта комплексность и стала основой отечественного востоковедения¹⁰⁷.

Старейшей отраслью востоковедения в России в силу историко-географических причин стала тюркология, особенности и преимущества

¹⁰⁶ Издано: *Бюллетень Общества востоковедов*. М., 2008. Прил. 5.

¹⁰⁷ Иллюстрации к статье см.: рис. 1–23.

которой были следующим образом отмечены академиком В. В. Бартольдом: «Для российской тюркологии существовало счастливое историческое обстоятельство. Россия с самого начала ближе всего оказалась к центральноазиатскому культурному миру, значение которого заключается не столько в собственных культурных достижениях, сколько в результатах взаимодействия различных культурных влияний с юга, запада и востока. Причем активнейшей зоной контактов оказалась Сибирь, ставшая территорией совместного проживания славянских, тюркских, угро-финских, тунгусо-маньчжурских, монгольских и иранских народов».

Это замечание выдающегося ученого нашло особенно яркое подтверждение в истории изучения памятников духовной и материальной культуры тюркских народов Сибири и Центральной Азии.

Культурный мир евро-азиатских тюркоязычных кочевников средневекового Востока привлекал внимание не только русских, но и ученых-иностранцев из Европы, пришедших на русскую службу в петровское и екатерининское время. После учреждения Академии наук в 1725 г. становится постоянной практикой организация научных экспедиций, среди которых важнейшее значение придавалось изучению Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Во главе экспедиций стояли главным образом натуралисты. Тем не менее, ими были собраны материалы и коллекции этнографического, археологического, лингвистического, фольклорного, исторического характера. Подавляющее количество материалов этих экспедиций, хранящихся в архивах и музеях России, относится к истории и культурному наследию тюркских народов первого тысячелетия н. э. и того времени, когда экспедиции посетили их края.

Экспедиции длились по нескольку лет. Императорская протекция обеспечивала им покровительство и содействие со стороны местных губернаторов и администрации. Причем эти последние нередко сами увлекались сбором научных материалов, становились корреспондентами Академии наук или коллекционерами.

Семилетнее путешествие и работа в Сибири, предпринятые по указу Петра I Даниилом Готлибом Мессершмидтом, двенадцатилетние труды в Сибири пленного капитана шведской армии Карла XII Филиппа Иоганна Страленберга, многолетние методичные сибирские изыскания Герарда Миллера, который был руководителем сухопутного отряда великой экспедиции Витуса Беринга, шестилетнее, сопряженное со многими трудностями, путешествие Петра Симона Палласа, полные приключений странствия Самуила Готлиба Гмелина создали в XVIII в. в Академии наук и универ-

ситетах России тот фонд коллекций, на изучении которых выросло поколение ученых XIX в. Деятельность этого поколения уже имела во многом прикладной характер, связанный с освоением и заселением Сибири, вовлечением местного коренного населения в экономическую и культурную жизнь страны.

Рис. 1

В этот период в Сибири укрепляется губернаторская власть, военизированные казачьи крепости-остроги становятся городами. Вместе с крестьянами-поселенцами в Сибирь попадают ссыльные из числа аристократии и интеллигенции. Многие из них остаются там на постоянное жительство. И это значительно повышает культурный уровень жизни сибирских городов. Начинается активная разработка сибирских недр. На месте создаются многочисленные горные училища и институты. Вспомним, что Вильгельм Радлов после университета был приглашен в Барнаул именно как преподаватель иностранных языков такого горного училища. Среди богатых людей, составивших свои капиталы на освоении природных богатств Сибири, становится популярным меценатство. В сибирских городах Красноярске, Иркутске, Тобольске, Троицкосавске, Кяхте, Барнауле, Оренбурге, Омске,

Чите, Хабаровске так же, как и в Средней Азии, создаются краеведческие научные общества. Наряду с описанием местных языков, составлением словарей, публикациями произведений фольклора, их члены ведут археологические раскопки, собирают этнографические коллекции, предметы древнего искусства, рукописи. На пожертвования приобретаются библиотеки, при которых создаются первые подобию музеев.

Новый уровень приобретают и научные экспедиции этого времени — в тюркологии начинается эпоха В. В. Радлова. Отличительной чертой экспедиций этого периода становится активное научное участие в них представителей местной национальной интеллигенции. Их участие в полевых исследованиях, проводимых в экспедициях под руководством известных ученых, давало возможность пройти на практике хорошую научную школу. Кабинетные же исследования они получали возможность вести в местных сибирских музеях и библиотеках, куда первоначально свозились собранные материалы экспедиций перед отправкой их в С.-Петербург, Москву или Казань.

Однако далеко не все материалы, собранные экспедициями, отправлялись в европейскую Россию. Многие находки древностей составили музейные фонды. Среди них значительную часть составили памятники материальной и духовной культуры тюркских народов древности.

В местные сибирские музеи поступали также и находки, сделанные сибирскими краеведами. Н. М. Ядринцев — автор находки орхонских памятников, участники Орхонской экспедиции В. В. Радлова супруги Д. А. и Е. Н. Клеменц, А. В. Адрианов, И. Т. Савенков, И. П. Кузнецов-Красноярский, исследовавшие памятники древнетюркского времени, формировали археологические фонды сибирских музеев.

В XX в. востоковедческие исследования Сибири продолжались достаточно активно, и в первой половине столетия были сделаны выдающиеся археологические открытия и впервые подготовлены этноисторические исследовательские очерки отдельных народов и регионов. Середина столетия ознаменовалась фундаментальными публикациями отечественными востоковедами эпиграфических памятников кочевников раннего Средневековья и письменных памятников монгольского и постмонгольского периодов истории Сибири и Центральной Азии.

В течение всей второй половины XX в. в Южной Сибири почти каждый год работали многочисленные экспедиции из Академии наук и университетов Москвы, Ленинграда, Кемерово, Новосибирска, в которых участвовали археологи, этнографы, лингвисты, а также представители местных сибир-

ских научных институтов. Сотрудники этих институтов, представители тюркских народов Сибири, проходили на практике обучение, стажировку и приобретали научный опыт под руководством русских ученых.

Финансирование этих работ обеспечивалось в то время законодательством СССР, согласно которому при проведении крупных строительных работ их организаторы обязаны были получить предварительно разрешение от научных археологических комиссий. А в случае если в зоне строительства оказывались курганы или другие исторические объекты, строители обязаны были оплатить и организовать их раскопки, эвакуацию или консервацию. В то время в Сибири велись масштабные стройки плотин на Енисее, Ангаре, Лене, прокладывались дороги, и это позволяло ученым вести крупные изыскательские работы с использованием большого количества рабочих и транспортных средств, включая автомашины, катера, вертолеты. Мне также выпало счастье участвовать в этих работах, которые позволили спасти и перевезти в музеи многие шедевры материальной и письменной культуры древних тюрков, уйгуров, кыргызов.

Именно в этот период было обнаружено и исследовано большое количество памятников древнетюркского времени. Коллекции сибирских и центральных музеев пополнились новыми находками. И сейчас самые крупные коллекции памятников древнетюркской рунической письменности находятся в музеях сибирских городов Минусинска, Абакана, Кызыла. Показательно, что к этому времени по публикациям В. В. Радлова, Х. Н. Оркуна, С. Е. Малова было известно немногим более 50 древнетюркских надписей, найденных в бассейне Енисея. Число новых находок, опубликованных нами в 1983 г. в «Корпусе памятников» этого региона, составило 146 единиц.

После распада СССР финансирование полевых этноархеологических изысканий значительно сократилось. Но, тем не менее, мы старались продолжать наши полевые исследования и каждый год, выезжая летом с учениками на Алтай, в Туву и Хакасию, сотрудничали с местными музеями и научными институтами этих республик Российской Федерации. Продолжались публикации отдельных новонайденных древнетюркских надписей, которые разбросаны по различным российским и зарубежным научным изданиям. К настоящему времени можно говорить примерно о 250 известных древнетюркских надписях в Южной Сибири. Часть из них доставлена в музеи, но наскальные надписи остаются на местах первоначального сооружения в горах и степи.

Последний 2007 г. стал началом нового этапа изысканий и археологических исследований памятников тюркской культуры и цивилизации в Южной

Сибири. Это связано с федеральным проектом по исследованию, раскопкам и восстановлению древнеуйгурской крепости в Туве, построенной в середине VIII в. каганом Боян-чором.

Автором проекта является министр по чрезвычайным ситуациям С. К. Шойгу, который сам, будучи подростком, участвовал в работе Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР. Для обеспечения работ был специально создан Культурный фонд «Крепость Пор-Бажын», попечительский совет которого составили представители государственных структур и крупного бизнеса.

Раскопки и исследования крепости и древнетюркских памятников в окрестностях крепости широко освещались в российской прессе и находились в центре общественного внимания. Около тысячи студентов различных российских университетов приняли участие в раскопках в течение трех летних месяцев 2007 г. Лагерь экспедиции посетили многие члены правительства РФ, и даже президент В. В. Путин побывал в гостях у археологов и вместе со своим гостем, принцем Монако Альбертом II, провел несколько дней на раскопках крепости среди российских студентов и ученых.

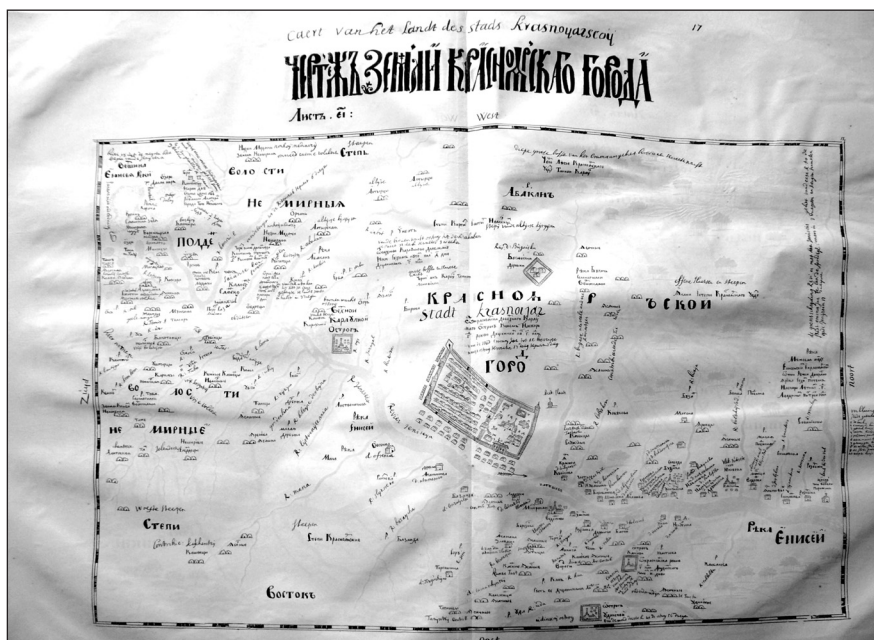

Рис. 2

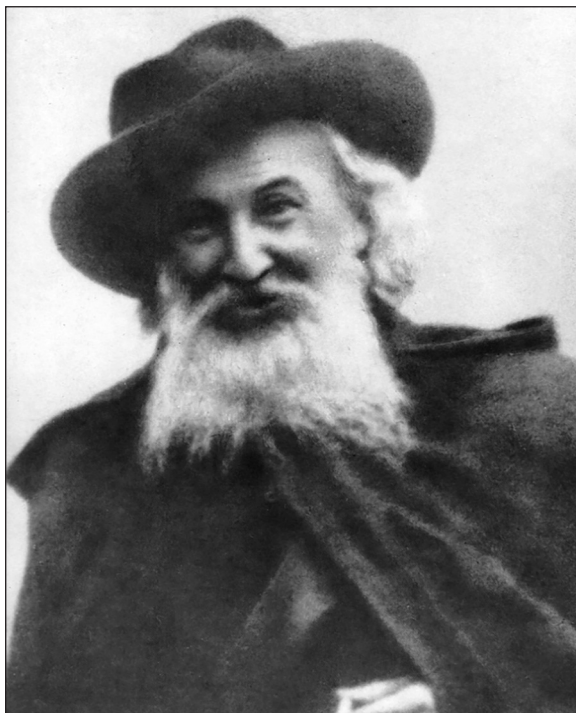

Рис. 3

Древнеуйгурская крепость на озере Тере-холь в Юго-Восточной Туве была впервые зафиксирована на карте С. У. Ремезова в 1701 г., заново открыта и обследована Д. А. Клеменцем, совершавшим Отдельный маршрут Орхонской экспедиции в 1891 г., который имел возможность сопоставить крепость с другими древнеуйгурскими городами на территории Монголии. Первые раскопки были проведены совместной экспедицией Института этнографии АН СССР и Тувинского НИИЯЛИ под руководством С. И. Вайнштейна и при участии М. Х. Манай-оола и С. М. Биче-оол в 1950-х годах.

После длительного перерыва крепость была дважды обследована нами, в 2002 и 2004 годах, в ходе работ Эпиграфической экспедиции Института востоковедения РАН, когда были произведены обмеры крепости, собран обильный подъемный материал и произведена археологическая разведка окрестностей озера Тере-холь и труднопроходимого пути в долину озера по бассейнам рек Нарын, Балыктыг-хем и Каргы.

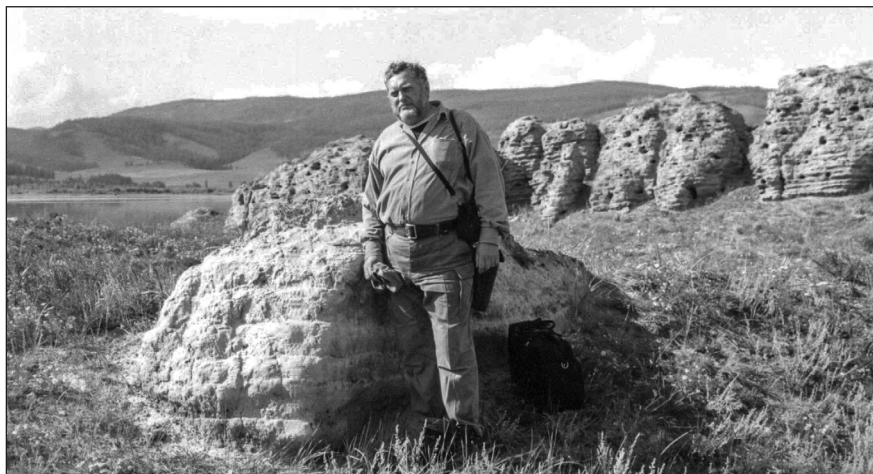

Рис. 4. Дмитрий Дмитриевич Васильев во время обследования крепости Пор-Бажын

Рис. 5

История исследований крепости Пор-Бажын подтвердила значимость этого памятника для истории Южной Сибири и Центральной Азии пери-

ода раннего Средневековья и необходимость ее комплексного изучения. Предварительные результаты нашего исследования памятника древне-уйгурского зодчества были представлены нами в виде иллюстрированного доклада на Международном конгрессе по тюркским архитектурным памятникам в начале 2007 г. в Анкаре.

Мне выпала честь войти в состав Организационного комитета и научного Совета Культурного фонда «Крепость Пор-Бажын», представляя там Общество востоковедов РАН. Научная исследовательская программа 2007 г. предусматривала полевые изыскания Отдельного востоковедческого отряда, краткий Отчет о работе которого публикуется в настоящем выпуске «Приложений» к Бюллетеням ОБ РАН.

Вице-президент Общества востоковедов РАН Дмитрий Васильев

Отчет об археологическом и этнографическом
обследовании Тере-Хольского кожууна
в июле – августе 2007 г. Востоковедческой
исследовательской группой (рук. Д. Д. Васильев)

Группа в составе семи человек (проф. Д. Васильев, к. и. н. В. Семенов, к. и. н. М. Килуновская, к. и. н. А. Васильев, С. Март-оол, Б. Монгуш, В. Донгак) провела комплексные изыскания и исследования в долине озера Тере-Холь, ее окрестностях, а также коммуникационно связанных прилегающих территориях Республик Тыва, Хакасия. В настоящее время ведется обработка собранных полевых материалов и выполняется аналитическая часть исследований подготовкой и публикации.

В ходе полевых исследований в Республиках Тыва и Хакасия, проводившихся с 8 июля по 15 сентября 2007 г., группой были выполнены:

— археологическая разведка местности и выявление археологических (фортификационных, ирригационных, коммуникационных, пограничных, курганных и др. сооружений), петроглифических (наскальная живопись и тамги) и письменных (тюркские рунические согдийские, древнеуйгурские, тибетские, монгольские надписи) памятников;

— цифровое и фотокопирование объектов, в специальных случаях — изготовление графических эстампажей (оттисков);

— картографирование выявленных памятников (серия карт по различным типам памятников);

— историко-филологическая интерпретация памятников (датировка, определение типа и археологической культуры, этническая атрибуция,

установление связи с историческими событиями, мифологическими и фольклорными сюжетами, дешифровка текстов);

— этнографические исследования (сбор сведений от местных информаторов о преданиях и исторических фактах, связанных с крепостью, озером, отдельными объектами и топонимами, обследование культовых объектов и фиксирование связанной с ними обрядности);

— изыскания в архивных хранилищах и музейных фондах Кызыла, Абакана, Минусинска, Красноярска материалов по истории изучения памятников Хакасии и Тувы;

— подготовка общего картографированного описания памятников древнеуйгурского времени из бассейна Верхнего Енисея.

Письменные источники

Источники, в которых сообщается об уйгурах в период правления Элетмиш Билге Кагана (Боян-чора, Моюн-чура) и расцвета Уйгурского каганата, составляют три группы.

Восточная группа — две танские династийные истории «Цзю Таншу» («Старая история династии Тан») и «Синь Таншу» (Новая история династии Тан). Уйгурам посвящены отдельные главы в разделе «Жизнеописания».

Автохтонные источники, т. е. собственно уйгурские повествования тюркским руническим и согдийским письмом на каменных стелах, установленных в честь уйгурских каганов по их повелению. Это-Терхинская надпись (753–756 гг.), Селенгинский камень (759–760 гг.), Тесинская надпись (762 г.), уйгуро-согдийская Сэврэйская надпись (763 г.), китайско-согдийско-уйгурская надпись из Карабалгасуна (821 г.).

Западная группа — историко-географические сочинения мусульманских авторов Табари, Ибн Бахра, Ибн Хордадбега, Гардизи и анонимного автора сочинения «Худуд ал-алам» («Границы мира»).

В некоторых памятниках первой и второй групп в сообщениях о сооружении городов и крепостей почти идентично повторяется фраза о том, что по завершении строительства каган приказал вырезать там на камнях свои знаки (родовые тамги) и письмена.

В отношении крепости Пор-Бажын (или как она была тогда названа «Касар Кордан») такие сообщения имеют место в Селенгинской надписи (впервые переведена финским ученым Г. И. Рамstedтом), Терхинской надписи (С. Т. Кляшторный), частично Карабалгасунской надписи (В. П. Васильев).

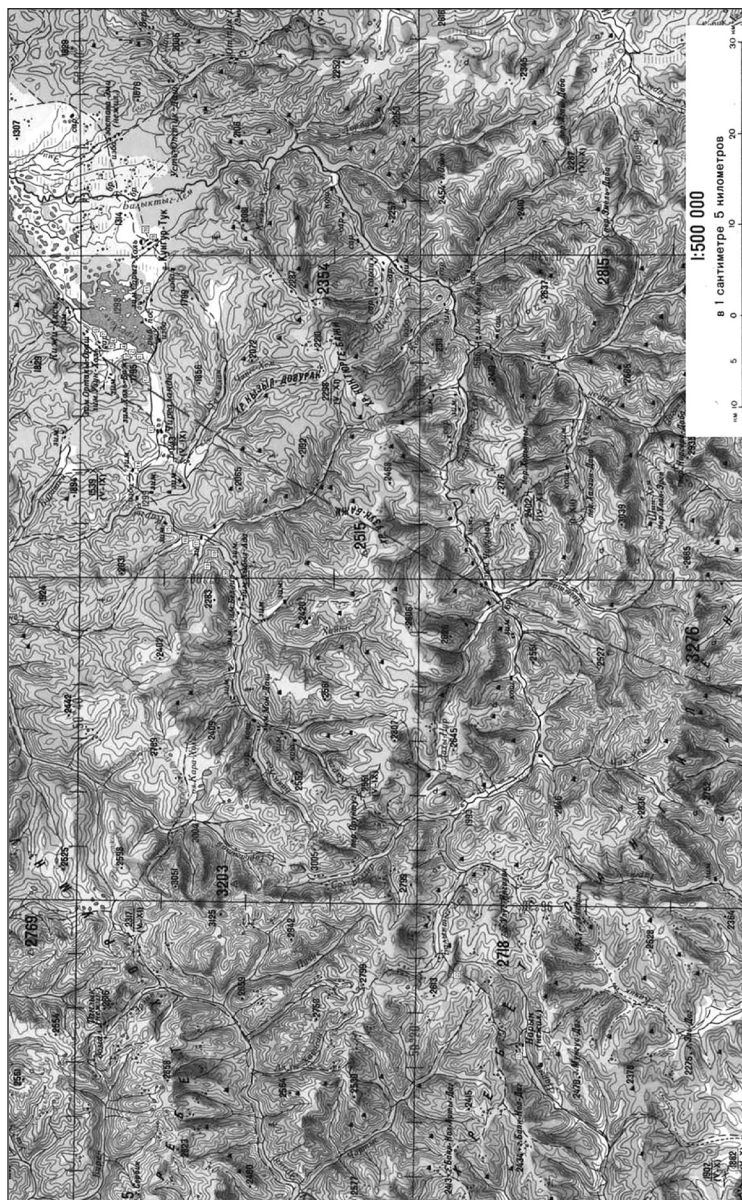

Рис. 6

Каганские каменные стены с надписями имели стандартный внешний вид. Постаментом им служила каменная черепаша как символ вечности, сама стела имела вид плоской прямоугольной плиты с закругленной поверхностью. Кроме текста надписи, неизменным атрибутом фасада (как правило — именно с тюркским руническим текстом) была рельефно высеченная родовая тамга каганов.

Географическое положение крепости Пор-Бажын (Касар Коруг) определяется в уйгурских надписях как «западные предгорья священной родовой земли Отюкен, в верховьях р. Тес, поблизости от источников». В ходе обследования окрестностей оз. Тере-Холь и раскопок крепости выявлены две тюркские рунические надписи.

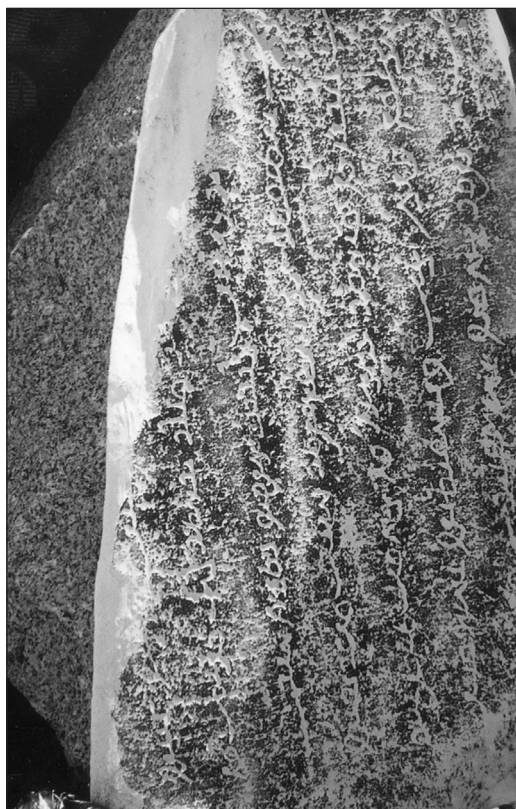

Рис. 7

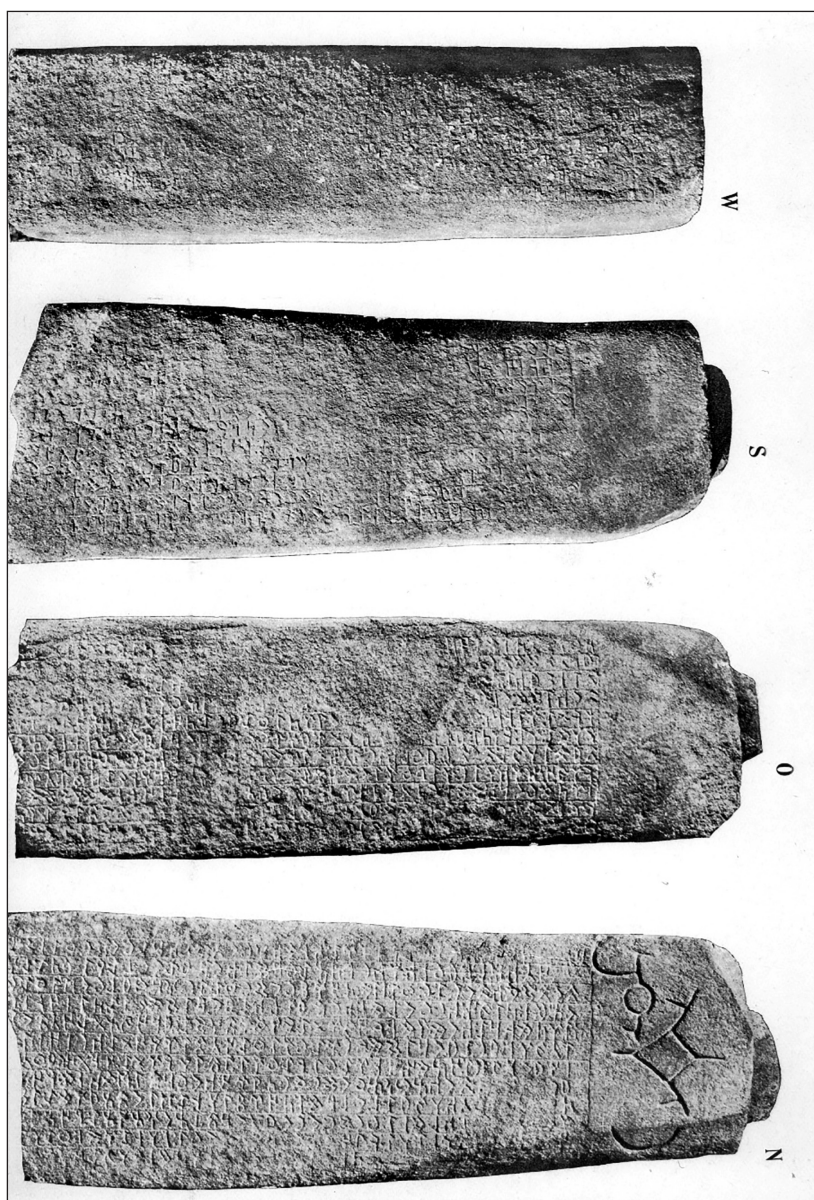

Рис. 8

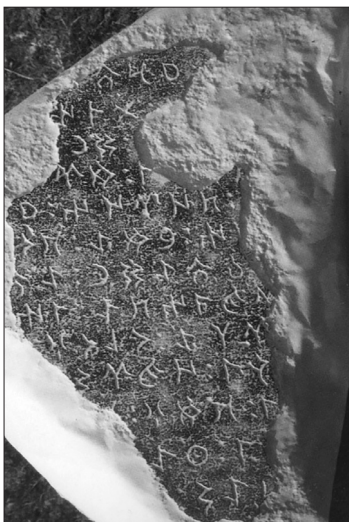

Рис. 9

Рис. 10

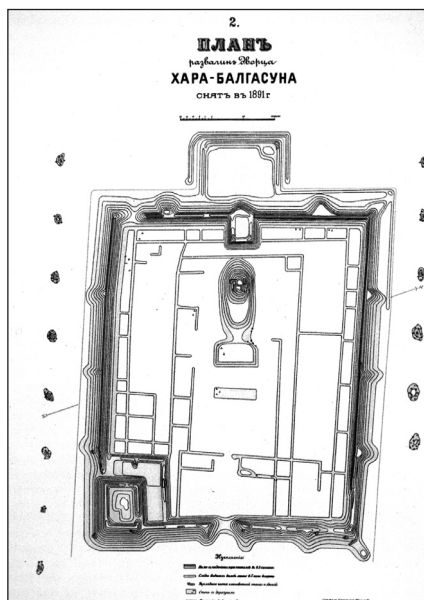

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Первая выгравирована на более древнем оленем камне, установленном на северном берегу озера, на возвышенности Арт-Таш, вблизи от поминальных сооружений скифского времени. Надпись состоит из двух строк и предварительно расшифрована как «Иркин Бучу (ш / р)».

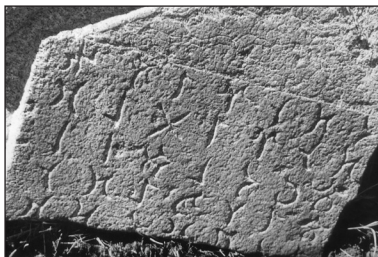

Рис. 14

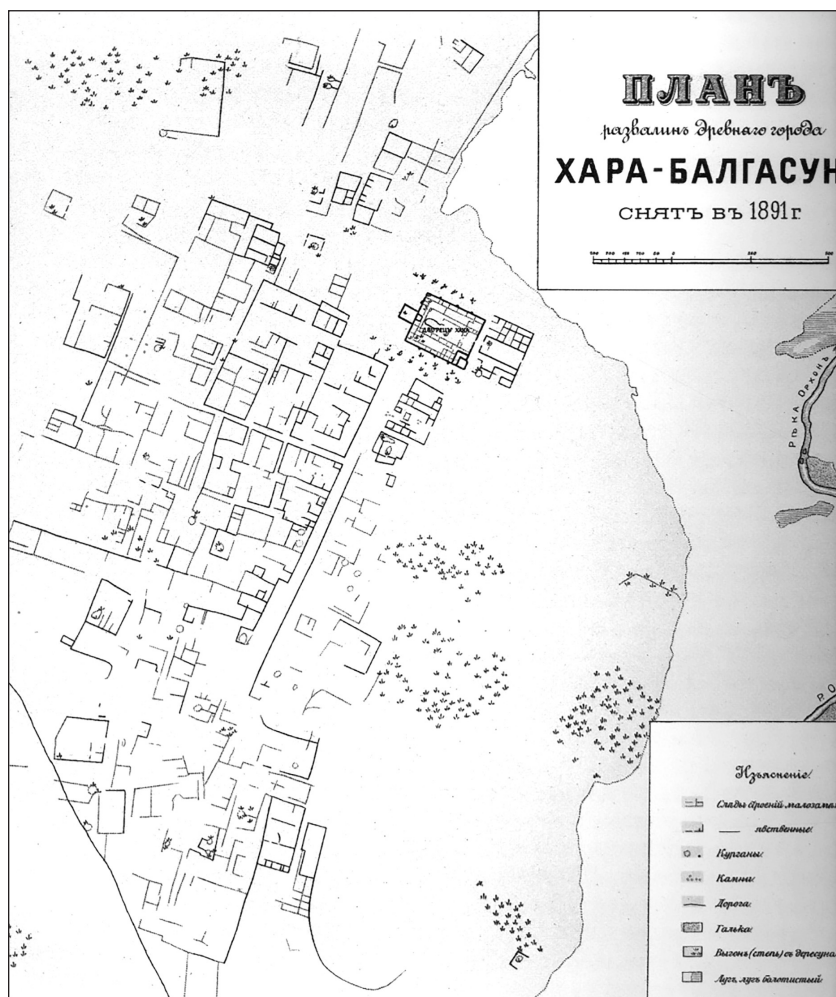

Рис. 15

Иркин — высший титул у карлуков, входивших определенное время в Уйгурскую конфедерацию и часто воевавших в союзе с ними против общих противников. В данном случае этот титул может обозначать и наместника кагана в провинции, и начальника внутренней службы при кагане (возможно — коменданта крепости, который решил оставить память по себе, выгравировав свое имя на более древнем памятнике).

Рис. 16

Вторая надпись была найдена в раскопе на участке дворца и представляет собой грубо процарапанное посетительское граффити. Текст сохранился частично, но можно предположить, что ее автором был стоявший на страже у дворца воин, оставивший память о себе записью: «Я, солдат... это написал».

Рис. 17

Рис. 18

Ни одна из найденных надписей не может считаться каганской, сооруженной и высеченной по его приказу. Маловероятно, что она могла находиться в стенах крепости. Обычно их устанавливали за жилыми пределами как мемориальный комплекс. Скорее всего, этот памятник следует считать утраченным — разрушенным или утилизированным последующими поколениями. Но, тем не менее, изыскания в окрестностях долины озера будут продолжены. Крайне желательно было бы заново выполнить копии Селенгинской, Терхинской и Карабалгасунской надписей, находящихся в Северной Монголии, поскольку прежние публикации изобилуют пропусками в тексте и лакунами, нуждающимися в уточнениях. Это может дать новые сведения по истории Пор-Бажына и его создателя.

Изыскательской группой востоковедов в ходе полевых работ в урочище Кара-Булун выявлены также семь неизвестных ранее и неопубликованных наскальных рунических надписей уйгурского периода (ведется работа по дешифровке) и подготовлены материалы для составления археологической карты окрестностей озера Тере-Холь. Кунгуртукской долины и бассейна р. Каргы.

Проведенные археологические исследования

Проведены археологические разведки в Тере-Хольском кожууне вокруг озера Тере-Холь, по рекам Каргы, Чыргыланды, Балыктыг-Хем, а также в соседнем Эрзинском кожууне по рекам Нарын, Тес-Хем и на озере Тере-Холь. Кроме того, проводились поиск и обследование памятников средневековой истории — поселения, крепостные сооружения, могильники, поминальные сооружения, каменные изваяния, рунические стелы и наскальные изображения в различных районах Республики Тыва. Для большинства памятников мы делали топографические планы, для всех брались GPS — координаты для привязки к мировой системе координат и точного картографирования местности, также проводилась фотофиксация и подробное описание.

Вокруг озера Тере-Холь, на котором располагается крепость Пор-Бажын, обнаружены памятники различных исторических эпох, что свидетельствует о том, что здесь с древности жили различные племена, которые могли заниматься рыболовством и охотой, а также разводить оленей и крупный рогатый скот.

Самое большое количество памятников сосредоточено на западном — северо-западном берегу озера, так как это высокий террасированный берег, где можно увидеть достаточно большие степные участки. Южный и северо-восточный участки берега низменны, сильно заболоченные, поэтому

памятников здесь мы не обнаружили. Восточный берег немного повыше, и здесь в районе поселка Кунгуртук мы опять видим большое количество разновременных погребальных памятников.

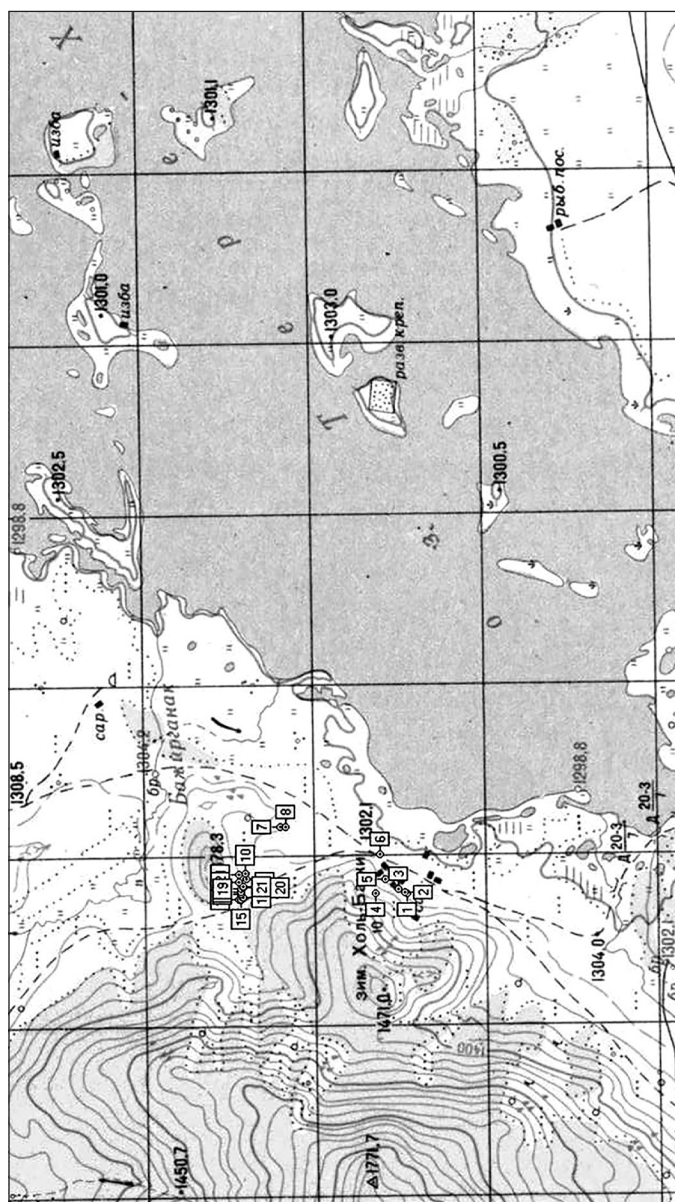
На западном берегу озера находится небольшой источник (аржан), который течет среди больших глыб розового гранита, под названием Доргун. К юго-западу и северо-западу от него, у подножия горы, располагаются могильники, которые мы назвали Доргун (координаты СШ 50°36,911, ВД 97°20,818», высота над уровнем моря 1302 м.).

Могильник Доргун 1 находится к СЗ от аржана и представляет собой комплекс из 4 сооружений. Координаты по GPS: СШ 50°36,825'. ВД 97°20.627', высота над уровнем моря 1313 м. Центром комплекса является курганное сооружение из крупных гранитных валунов и обломков скал округлой формы, вокруг которого возведена ограда неправильной подчетыреугольной формы, ориентированная углами по сторонам света, из крупных валунов с очень большими угловыми камнями. Самый большой камень стоит с востока (80 см в диаметре и 50 см высотой). Размеры ограды: северо-западная сторона 16 м, юго-западная 18 м, северо-восточная 23,2 м, юго-восточная 17,4 м. Диаметр круглой насыпи внутри ограды, смещенной к северной стороне ограды, — 16м, высота 1,5 м. Этот курган окружен небольшими каменными выкладками, носящими ритуальный характер, и наземными сооружениями меньших размеров округлой формы. Выкладки сооружены вокруг угловых камней и состоят из двух-трех камней.

Курган 2 — рядом с курганом 1. Диаметр 5,5 м, сложен из крупных валунов и обломков скал округлой формы, высота 0,35 м. Координаты: СШ 50°36,831', ВД 97°20,633», высота над уровнем моря 1312 м.

Курган 3 — в 36 м к западу от кургана 2, диаметром 7 м, высотой 0,3 м. Координаты: СШ 50°36,851, ВД 97°20,647', высота над уровнем моря 1312 м. Он сложен из крупных валунов и обломков скал в один слой. В центре крупный, поставленный на ребро камень. Весь комплекс может быть датирован скифским временем.

Курган 4 — расположен ближе к горе, в 120 м к западу от кургана 3. Диаметр 12 м, высота 0,5 м. Сложен из крупных валунов и обломков скал. Имеет округлую форму. Координаты: СШ 50°36,921, ВД 97°20,626, высота над уровнем моря 1329 м. В 100 м к северу от кургана 4 находится западина округлой формы с валиком выброса диаметром 12 м и глубиной 0,5 м. Это, скорее всего, остатки фундамента дома; к северу, в 700 м от этого могильника выше, располагается могильник Доргун II, состоящий из большого кургана, сложенного из обломков розового гранита и окружен-

Puc. 20

ного небольшими ритуальными выкладками округлой формы, и кургана меньших размеров. Этот комплекс также может датироваться скифским временем (VI–IV вв. до н. э.). Курган 1 сложен из очень крупных обломков розового гранита, диаметром 14 м, высотой 1 м, координаты СШ 50°37,226, ВД 97°20,946, высота над уровнем моря 1313 м. Курган 2 сложен из валунов средней величины в один ряд, имеет округлую форму и находится в 23 м к северу от кургана 1. Координаты: СШ 50°37,209, ВД 97°20,946, высота над уровнем моря 1308 м. С запада от большого кургана № 1 расположены выкладки округлой формы в виде колечек из четырех-пяти камней. Это поминальные сооружения, они располагаются вплотную друг к другу (примерно пять выкладок).

Могильник Доргун III находится в 500 м к западу от предыдущего комплекса. Его можно разделить на две части, так как он состоит из курганов, выстроенных в две цепочки. Одна — идет у подножия горы и начинается с большого керексура (округлой насыпи, окруженной кольцом), другая — протянулась по склону горы. Керексур окружен ритуальными выкладками и небольшими курганами. Он имеет конструкцию, типичную для раннескифских памятников Монголии и юго-западных районов Тувы (VIII–V вв. до н. э.). Диаметр ограды 22 м, диаметр насыпи, расположенной в центре, 10 м и высота — 0,3 м. Насыпь сложена из обломков скал средней величины и мелких. В центре насыпи читается неглубокая западина диаметром 3 м и глубиной 0,2 м. Курган сильно задернован. Координаты: СШ 50°37,329, ВД 97°20,686, высота над уровнем моря 1319 м. К северо-востоку от этого кургана отходят выкладки: в 1,3 м объект 2 диаметром 3 м из камней средней величины, к востоку от которой лежит большой вытянутый камень. В 1,7 м от кургана 2 находится объект 3 диаметром 5 м, сложенный из больших камней по краю и мелкими обломками скал в центре. Задернован. В 1,5 м от него — объект 4 диаметром 5,7 м. Он представляет собой четкое кольцо из крупных обломков скал — гранита. Вторая часть могильника — это каменные насыпи из обломков гранита диаметром 8 м и высотой около полуметра (4 кургана), конструкция которых типична для средневековых памятников Тувы (VII–XI вв.). Они располагаются на склоне горы к северу от керексура (в 30 м от объекта 4). Между этими курганами и отчасти под ними располагаются наземные сооружения округлой формы из небольших валунов 4–9 м, высотой не более 30 см. Эти памятники были сооружены в конце скифской эпохи. Объект 5 — сложен из очень крупных обломков гранита, имеет очень четкую круглую форму. Диаметр

8 м, высота 0,4 м. Координаты: СШ 50°37,35s, ВД 9520,709, высота над уровнем моря 1328 м.

Объект 6 — в 48 м от объекта 5. Насыпь имеет округлую форму, из крупных валунов и обломков гранита, хаотично накиданных. Диаметр 8,5 м, высота 5 м. Координаты: СШ 50°37,354», ВД 9°20,670», высота над уровнем моря 1332 м.

Объект 7 — в 61 м от объекта 6. Сложен из крупных обломков скал и сильно зарос кустарником. Диаметр 11 м, высота 0,3 м. Насыпь сползла по склону, под ней находится более древний курган. Координаты: СШ 50°37,347, ВД 97°20,61, высота над уровнем моря 1326 м.

Объект 8 — в 20 м от объекта 7. Он также зарос кустами, его диаметр 11 м, высота 0,4 м. Сложен из крупных и средних обломков гранита с оградой подквадратной формы, которая четко читается с запада и юга: с севера на юг сторона ограды 8,8 м, а с запада на восток 10 м. Возможно, с помощью этой ограды был укреплен склон горы, чтобы насыпь не сползла. Координаты: СШ 53°7,354', ВД 97°20,586, высота над уровнем моря 1323 м, к юго-востоку от кургана 6 в 9,4 м находится объект 9, представляющий собой плоскую насыпь, четкой округлой формы из мелких обломков скал и валунов диаметром 8 м и высотой 0,2 м. Координаты: СШ 50°37,346, ВД 97°920,587, высота над уровнем моря 1324 м.

В 12,6 м от кургана 9 находится объект 10. Диаметр 4 м. Сложен из мелких обломков скал и валунов, сильно задернован, высота менее 10 см. Координаты: СШ 53°7,339», ВД 97°20,598, высота над уровнем моря 1323 м.

Под курганом находится более древний курган, объект 11. Он сложен из обломков скал средней величины, сильно задернован, в центре имеет западину диаметром 4 м и глубиной 0,1 м. Диаметр кургана — приблизительно 12 м, высота 0,2 м.

В 14,3 м — объект № 12. Диаметр насыпи из мелких валунов и обломков скал средней величины 1 м. Он сильно задернован. Вокруг прослеживается четкое кольцо из крупных обломков гранита, заполненное в центре более мелкими камнями и землей, диаметром 11 м. Координаты: СШ 50°37,346', ВД 97°20,622, высота над уровнем моря 1325 м.

Объект 13 находится в 11 м от предыдущего. Читается четкое кольцо из крупных обломков скал диаметром 7 м, в центре находится насыпь диаметром 5 м из мелких и средних обломков скал с плоской вершиной, высотой 0,3 м.

Объект 14 — в 5 м от объекта 13. Это кольцевая выкладка из крупных обломков скал, в центре которой находятся три больших камня и земля с дер-

ном. Диаметр 5,5 м, высота 0,1 м. Координаты: СШ 50°37,339, ВД 97°20,643, высота над уровнем моря 1324 м.

Объект 15 — в 3 м. Менее четкая округлая насыпь из средних обломков скал, сильно задернованная. Более крупные камни находятся с краю. Камни лежат в один слой. Диаметр 5 м, высота 0,15 м. Координаты: СШ 50°37,340, ВД 97°20,647, высота над уровнем моря 1325 м. От объекта 15 до объекта 1 — 38 м.

Таким образом, объекты с 5 по 8 — это средневековые захоронения. Остальные курганы — скифские захоронения. Кургan 11 (скифский) находится под большим средневековым курганом (объект 7).

Четвертый могильник находится в 6 км к северу около зимника Ортақы-Ораш. Издалека можно увидеть большую каменно-земляную насыпь-курган, в центре которой находится глубокая западина, в которой растет высокая лиственница. Насыпь была возведена на высокой каменной платформе, окружена кольцом и каменными ритуальными выкладками. Такие курганы на Алтае и в Монгун-Тайге принято называть «пазырыками». Они возводились в VI–IV вв. до н. э. — в период расцвета скифской эпохи. Диаметр кургана 23,5 м, в центре западина диаметром 9,4 м, внутри которой растет лиственница. Глубина западины 0,4 м. Высота кургана более 1 м. Ритуальные выкладки, располагающиеся с юга и юго-запада от кургана, сложены из валунов средней величины, кольцевидной формы. Всего 14 выкладок диаметром от 1 до 3 м. Координаты: СШ 50°39,466, ВД 97°22,776', высота над уровнем моря 1316 м.

Недалеко от «пазырыка» возведены три кургана диаметром 8 м скифского времени. Кургan 2 — в 29,7 м на запад от центра кургана 1. Диаметр 6 м, высота 0,2 м. Сложен из обломков скал средней величины, округлой формы. Координаты: СШ 50°39,464', ВД 97°22,753, высота над уровнем моря 1320 м.

Кургan 3 — каменная насыпь из обломков скал мелких и средних, сильно задернованная. В 25,5 м от кургана 2. Диаметр 5,5 м, высота 0,1 м. Координаты: СШ 50°39,452, ВД 97°22,773, высота над уровнем моря 1321 м.

Кургan 4 — кольцо из камней средней величины. Диаметр 3 м. Высота 0,1 м. В 6 м от кургана 3. Координаты: СШ 50°39,356, ВД 97°22,775', высота над уровнем моря 1321 м.

В 1,5 км от этого могильника, в урочище Арташ, находится ритуальный комплекс «ворота Чингисхана», состоящий из вертикально стоящих стел и выкладок. К югу от этого места на высоком мысу стоит оленный камень раннескифского времени с тюркской надписью. Координаты оленного камня:

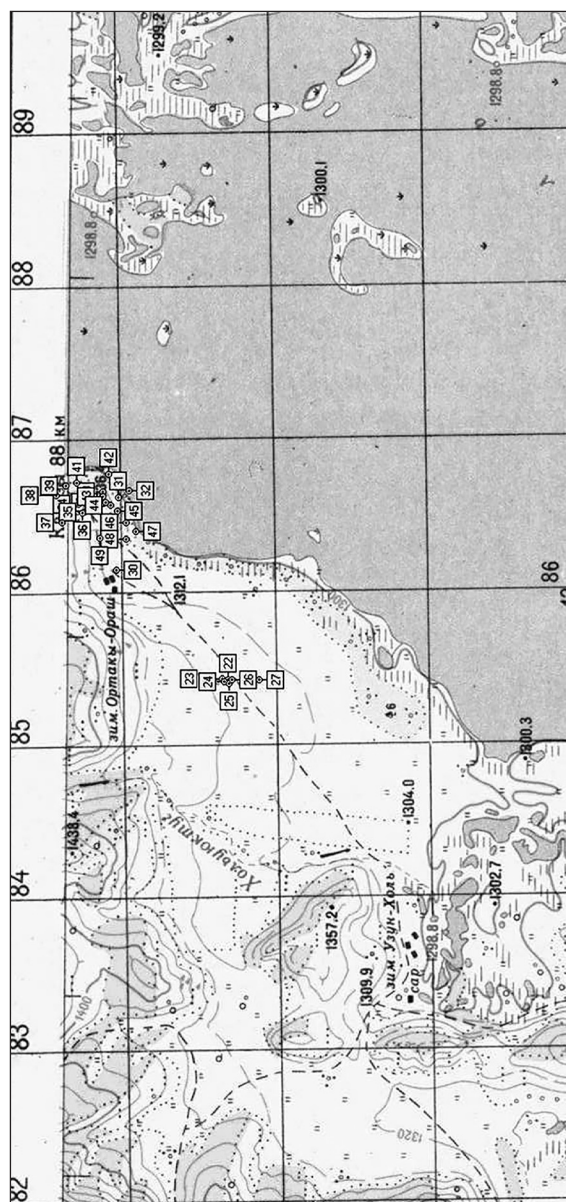

Рис. 21

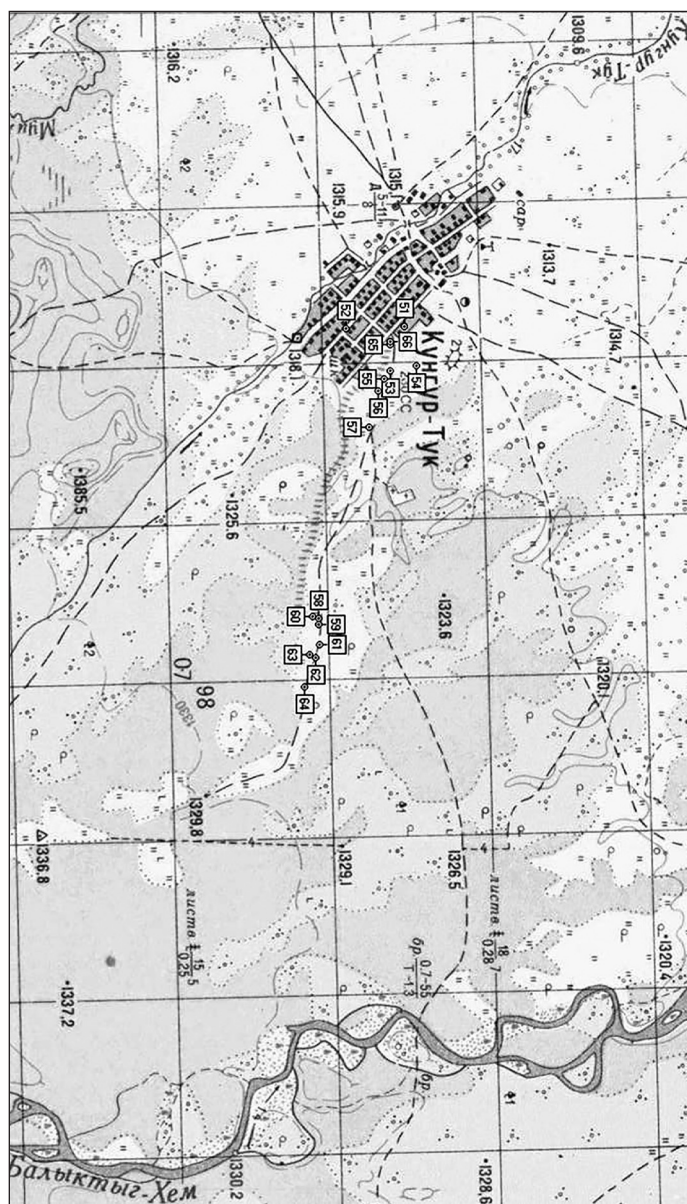

Рис. 22

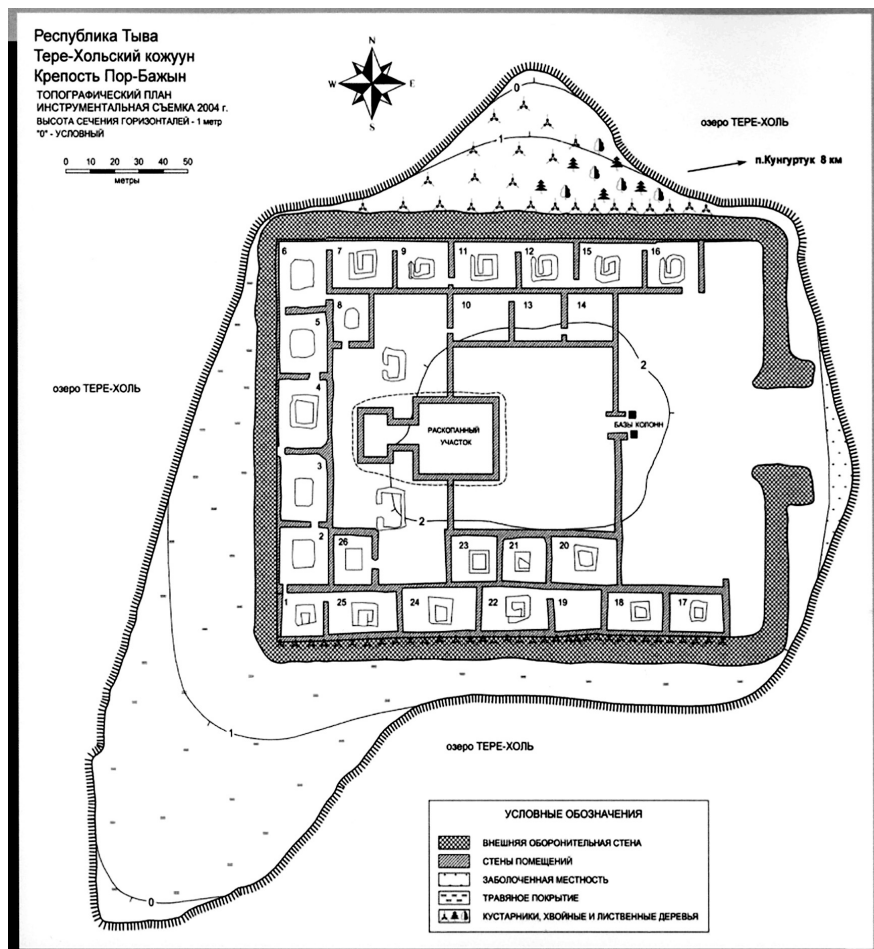

Рис. 23

СШ 50°39,909», ВД 97°23,749», высота над уровнем моря 1338 м. Высота камня 1,2 м, ширина 30 см. На камне выбито ожерелье — цепь овальных лунок. Два круга запада и востока серьги. Внизу полоса шириной 2 см — пояс. Около пояса неясные знаки, возможно попытка изобразить оружие. Это камень общеевразийского типа, который может быть датирован VII–VI вв. до н. э. От камня четко на север в 20 м стоит небольшой белый камень из кварцита.

Могильные комплексы были еще зафиксированы на восточном берегу озера Тере-Холь в районе поселка Кунгуртук.

Поселок был построен после присоединения ТНР к СССР, непосредственно на курганном могильнике. Большинство курганных насыпей было разобрано на строительство домов. Некоторые сохранившиеся можно увидеть на огородах и на участках около домов, а также на полотне проселочных дорог, например на улице Кыргыз Чамзырыка (бывшая Карла Маркса). Судя по остаткам конструкций, это был большой курганный могильник скифского времени. Небольшой курганный комплекс сохранился на территории стадиона. От окраины пос. Кунгурту до р. Балыктыг-Хем одна за другой тянутся курганные насыпи, образуя цепочку протяженностью около 5 км, около 100 курганных насыпей скифского времени и эпохи Средневековья. Курган 1, координаты СШ 50°35,925, ВД 97°31683, высота над уровнем моря 1322 м. Последний снятый нами курган № 15 — координаты СШ 50°35.578. ВД 97°31,614, высота над уровнем моря 1328 м.

Памятники археологии были зафиксированы нами в долине реки Чырголанды. В районе разрушенного поселка — курганный могильник скифского времени. Координаты: СШ 50°37.212, ВД 97°09,441, высота над уровнем моря 3997 м. Сохранился курган на северной окраине поселка — каменно-земляная насыпь диаметром 10 м, высотой 1 м. В центре находится глубокая воронка диаметром 3 м, глубиной более 05 м.

Большое количество памятников зафиксировано на левом берегу реки Каргы — это курганные могильники скифского и средневекового облика. Очень интересен камень с буддийской надписью недалеко от разрушенного моста через реку.

К сожалению, в Тере-Хольском кожууне археологических раскопок не проводилось, поэтому точную историко-культурную интерпретацию обнаруженных нами памятников мы дать не можем. Однако по внешним конструкциям и характеру расположения на местности одна часть могильных комплексов может быть отнесена к скифскому времени, а другая — к эпохе Средневековья. Интересно отметить наличие курганных конструкций типа керексура и оленного камня, которые имеют близкие аналогии в культуре

оленных камней, и керексура, распространенной на территории Северо-Западной Монголии и Юго-Западных районов Тувы.

Приложение 1 Координаты памятников по GPS

- 1.50,36,825, 97.20,627. 1313. 16. 1.5, могильник Доргун 1,1
- 2.50.36,831, 97.20,633. 1312. 5.5, 0,35, могильник Доргун 1,2
3. 50.36,851, 97.20,647. 1313. 7. 0,3, могильник Доргун 1,3
4. 50.36,921, 97.20,626. 1329. 12, 0,5, могильник Доргун 1,4
5. 50.36,893, 97.20,695, 1314, могильник Доргун, остатки зимника
6. 50.36,911,97.20,818, 1302, могильник Доргун. аржан Доргун
- 7.50.37,226, 97.20,946, 1313. 14, 1,0, могильник Доргун II, 1
8. 50.37,209, 97.20,946, 1308, 6, 0,3, могильник Доргун I, 2
- 9,50.37,329, 97.20,686, 1319. 22 (ограда). 10 (насыпь), 0,3, могильник Доргун II, I
- 37,333, 97.20,714, 1314, 5,7, 0,3, могильник Доргун II, 4
- 11.50.37,355, 97.20,709, 1328. 8, 0,4, могильник Доргун II, 5
- 12, 50.37,354, 97.20,670, 1332, 8.5, 1,5, могильник Доргун II, 6
- 13, 50.37,347, 97.20,611, 1326. 11,0,8, могильник Доргун III., 7
14. 50.37,354, 97.20,586, 1323, 11,0,25, могильник Доргун, 8
15. 50.37,346, 97.20,587, 1324. 8,0,2, могильник Доргун III, 9
16. 50.37,339, 97.20,598, 1323, 4, 0,2, могильник Доргун III, 10
17. 50.37,347. 97.20,611, 1326, 10, 0,3, могильник Доргун 1,11 (под 10. курганом 7)
18. 50.37,346, 97.20,622, 1322. 1 (кольцо), 7 (курган), 0,3, могильник Доргун II. 12
19. 50.37,345, 97.20,639, 1325, 6.9.0.3, могильник Доргун III, 13
20. 50.37,339, 97.20,643, 1324. 5.5, 0,1, могильник Доргун I, 14
21. 50.37,340, 97.20,647. 1325, 5, 0,2, могильник Доргун III, 15
22. 50.39,466, 97.22,776. 1326, 23,5, 1,0, могильник Доргун IV, I
23. 50.39,488, 97.22,779, 1320, могильник Доргун IV, выкладки начало
24. 50.39,480, 97.22,761, 1319, могильник Доргун IV, выкладки конец
25. 50.39,464, 97.22,753, 1326, 6, 0,2, могильник Доргун IV, 2
26. 50.39,452, 97.22,773. 1321. 5.5. 0,1, могильник Доргун IV, 3
27. 50.39,356, 97.22,775. 1321. 3.0.I. могильник Доргун IV, 4
28. 50.39,909, 97.23,749. 1340, могильник Арташ, 1
29. 50.39,903, 97.23,755. 1312. могильник Арташ край уступа, 2
- 30, 50.39,864, 97.23,377. 1312. могильник Арташ. Тропа. 3
- 31.50.39,859. 97.23,782. 1304. могильник Арташ. Подошва горы. 4
32. 50 39,821, 97.23,820, 1303, могильник Арташ. У озера. 5

33. 50.39.932. 97.23.755. 1333. могильник Арташ. Кварцевая стела. 6
34. 50.39.99х, 97.23.743, 1340, могильник Арташ. Конь Чингисхана 7
35. 50.39.976. 97.23.696. 1337. могильник Арташ. Ворота Чингисхана. первый камень. 8
36. 50.39.984. 97.23.694. 1339. могильник Арташ. Ворота Чингисхана. второй камень. 9
37. 50.40.055, 97.23.638, 1357, могильник Арташ. Каменная деревня. 10
38. 50.40.079. 97.23.788. 1315. могильник Арташ. Подошва у колен. Под конем, 1
39. 50.40.041. 97.23.843. 1312, могильник Арташ, 12
40. 50.39.911, 97.23.810. 1332, могильник Арташ, 14
41. 50.40.007, 97.23.862, 1308, могильник Арташ, 12
42. 50.39.894, 97.23.911. 1312, могильник Арташ, 13
43. 50.39.913, 97.23.784. 1339, могильник Арташ, 15
44. 50.39.886, 97.23.739. 1338, могильник Арташ, 16
45. 50.39.861. 97.23.705, 1333, могильник Арташ, 17
46. 50.39.828. 97.23.643, 1322, могильник Арташ, 18
47. 50.39.796, 97.23.593, 131. могильник Арташ, 19
48. 50.39.830, 97.23.55, 1309, могильник Арташ, 20
49. 50.39.923, 97.23.552. 1315. могильник Арташ, 21
50. 50.39.471. 97.22.778. 13119. могильник Арташ – курган
51. 50.35.925, 97.31.683. 1322, 7, 0,7. могильник Кунгуртук I, 1
52. 50.35.726, 97.31.696. 1327, 8, 0,3, могильник Кунгуртук I, 3
53. 50.35.876, 97.31.924. 1328, 13, 0,3. могильник Кунгуртук I, 4
54. 50.35.964, 97.31.897. 1321, 12, 0,7, могильник Кунгуртук I, 5
55. 50.35.855, 97.31.967. 1322, 5, 0,3, могильник Кунгуртук I, 6
56. 50.35.833, 97.32.031, 1326, 5, 0,25, могильник Кунгуртук I, 7
57. 50.35.804, 97.32.226, 1324. 10, 0,4, могильник Кунгуртук I, 8
58. 50.35.629, 97.33.248, 1322, 16, 0,6. могильник Кунгуртук I, 9
59. 50.35.630, 97.33.282. 1322, 8, 0,2, могильник Кунгуртук I, 10
60. 50.35.606, 97.33.239, 1330, 8, 0,5, могильник Кунгуртук I, 1
61. 50.35.634, 97.33.387. 1330, 7, 0,7, могильник Кунгуртук I, 12
62. 50.35.616, 97.33.457, 1332, 12, 0,5, могильник Кунгуртук I, 13
63. 50.35.598, 97.33.444. 1331. 6, 0,2. могильник Кунгуртук I, 14
64. 50.35.578. 97.33.614. 1328. 14. 0,5, могильник Кунгуртук I, 1
65. 50.35.876, 97.31.783. 13117. 5. 0,3. могильник Кунгуртук I, 2
66. 50.35.875, 97.31.765. 1317. 6. 0,1. могильник Кунгуртук I, 2а

Каменные изваяния, наскальная живопись и эпиграфика

В других районах Тувы были проведены обследования памятников средневековой истории для того, чтобы иметь цельную картину развития тюркского общества и его экономических возможностей, позволивших воздвигнуть такое монументальное и по-своему грандиозное сооружение, каким является крепость Пор-Бажын, построенная в самом труднодоступном изолированном регионе, к тому же на горном озере Тере-Холь. Мы обследовали остатки крепостей на западе Тувы — около пос. Ак-Довурак и Чадан, центральном районе — около пос. Шагонар.

Все они представляют собой единую и, скорее всего, единовременную систему фортификационных сооружений, сооруженных в уйгурское время для защиты от кыргызов. Исследованы курганные могильники около этих крепостей, где отмечены поминальники, содержащие изваяния, вертикальные стелы и балбалы — Саамчыр, Улуг-Хову, Бижиктиг-Хая, комплекс «Чингиз Хана» и другие. Особенно интерес представляет комплекс памятников Улуг-Хову около Кызыл-Мажалыка, где зафиксировано около 50 изваяний, которые стоят на месте первоначального сооружения, около каменных оград, от которых отходят длинные ряды балбалов с выбитыми рисунками животных и тамгами. Новые тамги были найдены нами на левом берегу Бий-Хема, напротив впадения реки Шивелиг. Подобный комплекс был обследован в урочище Саамчыр, где, кроме того, обнаружен комплекс наскальных рисунков, среди которых выделяются пласты эпохи бронзы, скифского времени, но есть и рисунки, выполненные в «таштыкском» стиле, характерном для древнетюркского времени, и схематичные фигуры козлов, верблюдов и быков. По-видимому, в этом месте располагался ритуальный центр, который функционировал на протяжении нескольких тысяч лет.

Самые яркие наскальные композиции древнетюркского времени, воспроизводящие батальные сцены и сцены охоты, скопированы с памятников Чайлаг-Хем в Чеди-Хольском кожууне. Такие высокохудожественные изображения свидетельствуют о формировании тюркской элиты, для которой охота и батальные сцены (поединки, сражения) были маркерами высокого социального положения определенных лиц. Охота и война были для этого слоя общества престижными занятиями. Для реконструкции духовной и материальной жизни древних тюрков много информации дают такие наскальные композиции, как «умыкание невесты», скопированные на горе Бижиктиг-Хая, воин в богатом доспехе с копьем и конем на горе Сарыг-Даш и другие.

Этнографические материалы

Сбор этнографических сведений и материалов проводился под общим руководством Д. Д. Васильева в основном в летниках вокруг озера и собственно в пос. Кунгуртуг. Из-за того, что в данный период старшее поколение тере-хольцев в основном находилось на аржаанах (лечебных и священных источниках), нам не удалось опросить достаточное число знающих людей.

Тем не менее были собраны сведения по следующим темам:

1. Родоплеменная структура жителей кожууна.
2. Топонимика приозерья Тере-Холя.
3. Письменные памятники в окрестностях озера Тере-Холь.
4. Родоплеменные культовые места (оваа, аржааны, священные горы и др.).
5. История этнографического и лингвистического изучения Тере-Хольского кожууна.

Тере-Хольский кожуун расположен на юго-востоке Тувы и является самым отдаленным, труднодоступным и самым молодым кожууном Республики Тыва.

Традиционными видами деятельности населения кожууна является охота, рыболовство и скотоводство (овцеводство, коневодство, оленеводство). Из домашнего скота преобладают в основном яки, хайнаки (помесь яка и коровы), коровы и лошади. Мелкий рогатый скот выращивают в основном на землях вдоль рек Каргы и Балыктыг-Хема. В настоящее время в кожууне осталось только одно стадо северных оленей.

До революции Тере-Хольский кожуун в составе двух сумонов — Нуур (монг. озеро) и Кыргыс — подчинялся району Салчакского кожууна. Территория сумона Нуур включала земли на равнине озера Тере-Холь, по горам Хаан-Тайга, по озеру Барлан-Холь и рекам Бус-Хем, Белин, Каргы и Чыргаланды. В сумоне Нуур проживали следующие родоплеменные подразделения: балыкчы, хойук, кускун, чегду, иргит, хертек, хол.

Традиционный фольклор

Большое внимание при обследовании Тере-Хольского кожууна мы уделяли сбору этнографического материала, так как район Кунгуртука, пожалуй, сохранил больше традиционного в образе жизни людей, чем какой-либо другой район Тувы. Возможно, в традиционной культуре тере-хольцев можно найти элементы более древних культур, что также важно для воссоздания картин прошлого. До недавнего времени район

Чере-Холя считался оленеводческим, сейчас здесь почти не осталось оленеводов. Занятия, образ жизни здесь вполне соответствуют образу жизни всех проживающих в таежной области тувинцев. Характерной чертой хозяйствования этого региона является развитие коневодства, разведение крупного и мелкого рогатого скота, общинность, широкое распространение охоты, сохранение многочисленных предметов старины (некоторые — культового назначения). Сохранение традиций, связанное в большой мере с крайней недоступностью региона и очень малым количеством приезжих и эмигрантов из других территорий, большое количество людей старшего поколения — все это дает широкое поле деятельности этнографу, позволяет обратиться к разным аспектам культуры.

С дореволюционных времен здесь осталось большое количество священных мест, связанных с ламаистскими культами, которые, впрочем, тесно переплетаются с шаманистскими, плиты с письменами, оваа с хадаками, с буддийскими изображениями, молитвенные барабаны и т.д. Интересной особенностью кунгуртукцев является его двуязычность — знание тувинского и монгольского языков, дает возможность ознакомиться с устной традицией как на тувинском, так и на монгольском языках. Помимо песен (на тувинском и монгольском) это еще и сказки, предания, хранящиеся в памяти старожилов этой земли.

Нами были записаны фольклорные сведения, сказки. Например, миф о муравье, показавшем во сне человеку золотую жилу, которую до сих пор разрабатывают местные старатели (информатор Анатолий Соян, стойбище Ажиг-Бажи на Балыктыг-Хеме). В этих краях много золота. Раньше его добывали вручную пришлые люди. Есть легенда о том, как найти золото в этих местах: «Два человека шли по лесу, охотились. Устали. Легли спать прямо на земле, костра не разводили, чтобы не спугнуть зверя. Среди ночи один из них проснулся и увидел, как у другого выполз из уха муравей и ушел под землю. Охотник отметил это место палочкой. Утром он спросил у второго охотника, что ему снилось. Тот ответил, что снилось золото. Через некоторое время первый охотник вернулся на это место. Нашел свою метку и стал копать. Он нашел много золота».

По горному хребту левого берега р. Каргы, по местным поверьям, проходит дорога Ак-Хана (Белого хана). Записаны легенды, связанные с Ак-Ханом (информант Анатолий Баадыр): «По хребту вдоль левого берега Каргы идет дорога Ак-Хана. Войска объезжали свои земли, и их подстерегали местные племена, которые поставили засаду. Ак-Хан обошел их по хребту со своим войском. Они прошли засаду и вышли к Эрзину. Их стали догонять, и чтобы

двигаться быстрее, они подстилали войлоки под копыта. Но за хребтом их поймали и перебили. Это место называли Соок — “Кость”, так как там осталось много костей».

О месте Соок есть еще другие предания. Этот миф особенно интересен. Миф о людоеде: «В местности Соок есть пещера, где жил людоед-магачын. Люди постоянно пропадали, когда проезжали это место. Один охотник стал следить за этим местом. Он выследил, что из пещеры выходит человек, хватает людей подмышку и уносит их в пещеру. Охотник застрелил людоеда. Пещера через несколько лет сильно уменьшилась, даже не поверишь, что там жил людоед. Эта пещера и сейчас есть».

Истории про людоедов, подобные той, что рассказал Анатолий Баадыр, есть у многих племен тувинцев. Для них придумано даже специальное название. В XIX веке в Туве был сильный голод, и было распространено людоедство. Вот как об этом повествуют местные предания: «В одной семье было много детей, и родители поедали их друг за другом. Человек пришел и увидел в котле кости детей. Страшный голод называется “чут”».

Местными жителями нам были сообщены сведения о старинных рукописях с сутрами, которые спрятаны в пещере северо-западной части долины озера Тере-Холь. Эти рукописи были спрятаны в связи с закрытием в 30-е годы XX в. самого крупного в Туве Эрзинского буддийского монастыря — хурээ. Сведения о рукописях, полученные от информаторов в связи с отъездом нашей группы, были переданы археологам, оставшимся в лагере.

Лингвистические характеристики жителей Тере-Хольского хожууна

В силу изолированности территории этнический состав хожууна однороден, т. е. здесь 100 % населения составляют тувинцы. Жители Тере-Холя отличаются от остальных тувинцев в первую очередь речью. Тере-хольский диалект характеризуется заметными отличиями от всех остальных диалектов и говоров тувинского языка, ему присущ своеобразный акцент, характеризующийся отсутствием фарингализованных гласных и сильным придыханием согласных, а также в грамматике прослеживается своеобразное построение предложений. Данные характеристики присущи не только лицам, говорящим по-монгольски, но практически всем, даже не знающим монгольского языка. Причина своеобразия — это влияние монгольского языка, географическая отдаленность, изолированность местности, особенности жизни и

быта местного населения. Определенную роль в этом сыграли, видимо, этнолингвистические факторы (надо полагать, что в этнический состав жителей данной местности вошли не только тюркские, но и монгольские и, возможно, самодийские элементы). В то же время монгольский язык тере-хольцев также имеет свои особенности. В целом монгольский язык населения Тере-Холя относится к халхаскому диалекту с некоторыми особенностями, присущими ойратским диалектам, наиболее проявляющимися в лексике и фонетике. По мнению исследователей, первоначально предки современных монголоязычных тувинцев являлись носителями тувинского языка, и монгольский язык является для них усвоенным, приобретенным языком.

Из материалов рукописного фонда Тувинского института гуманитарных исследований (ТИГИ-ТНИИЯЛИ) известно, что экспедиций в Тере-Хольский кожуун институт не организовывал, а проводились небольшие лингвистические (диалектологические) исследования в кожууне, где попутно собирались этнографические и фольклорные материалы, в основном сотрудниками сектора языка и письменности. Наиболее значительное исследование проводилось в 1979 г. группой сотрудников ТНИИЯЛИ под руководством к. фил. н. Я. Ш. Хертека. Далее диалектологическими исследованиями занимались лишь отдельные сотрудники сектора языка и письменности ТИГИ-ТНИИЯЛИ: к. фил. н. П. С. Серен в конце 1980-х — 1990-х годах, и к. фил. н. М. Б. Мартан-оол в 1990-х и 2000-х годах.

Родоплеменной состав населения

Балыкчы (рыболовы): на южной стороне озера Тере-Холь, в приозерной долине, жило территориально-племенное подразделение шолдээ-балыкчы (рыболовы долины), состоящее из родов ак-кусун, иргит. На северной стороне озера, в гористых местах, жило родоплеменное подразделение дагдаа-балыкчы (горные рыболовы), в составе рода хуйнук или уйнук (по другим источникам — хоюк или хойук), которые называют себя также уйгурами или уурами. Балыкчы занимались охотой и рыболовством, а также содержали немного коров и лошадей. Являются приверженцами буддизма и шаманизма.

Хертек: живут вдоль русла реки Каргы. В настоящее время большинство носят фамилию Хөл или Кол. Часть тере-хольских хертеков в период репрессий 1930 — 1940-х годов переселилась в с. Кек-Хаак Каа-Хемского кожууна, где они носят фамилию Хол.

Иргит: подразделяются на карм-щргит и сары.-пр-п, которые также живут вдоль русла реки Каргы.

Салчак: живут по реке Каргы. Они в основном переселились из территории Каа-Хемского кожууна.

Кыргыс: в состав территориально-племенного подразделения кыргыс входят собственно кыргысы, сартылы, кара-бурааты, мингаты и сочиты. Все роды данного подразделения раньше говорили на тувинском и монгольском языках. В настоящее время монгольским языком владеет только старшее поколение. Занимаются скотоводством, в стадах преобладают яки, хайнаки, коров не содержат. Собственно кыргысы имеют также верблюдов. Среди верующих преобладают буддисты.

Собственно кыргысы живут по рекам Кундус, Чекпе, Тарыс и Термес.

Сартыл-кыргысы живут от истока реки Балыктыг-Хем до местности Качык в современном Эрзинском кожууне Республики Тыва.

По рекам Алды-Термес и Устуу-Термес и по местности Тогааны ояа обитали представители рода кара-бураат (черные буряты), которые себя называют баавырт, байбрик или борчин. По преданию, родоначальник данного подразделения переселился из Бурятии через Северную Монголию. После тере-хольского антиправительственного восстания 1932 г. кара-бурааты были переселены из р. Термис на земли кыргысов — по рекам Балыктыг-Хем, Кундус и Чекпе. Выращивают в основном яков и хайнаков. Придерживаются буддийского вероисповедания.

Родовое подразделение соочит или зочио обитало у истоков Балыктыг-Хема. Придерживаются и исповедуют шаманизм и буддизм.

Мингаты живут по среднему течению реки Балыктыг-Хем и речкам Кундус и Чекпе. Они состоят в родственных отношениях с дархатами. Также выращивают в основном яков и хайнаков. Буддисты.

Соян: это родоплеменное подразделение характеризуется тем, что представители родов тодут и хаазут, составлявших его, раньше занимались оленеводством и в небольшой степени коневодством. До 1956 г. они кочевали в высокогорной тайге, пригодной для пастбы оленей, около монгольской границы. В период коллективизации конца 1940-х — начала 1950-х годов ушли в Хубсугульский аймак Монголии, где жили среди родственных тувинцев-цаатанов. А когда в Монголии началась коллективизация в 1956 г., большая часть из ушедших обратно переселилась в Тере-Холь, при этом некоторые из соянов остались в Монголии, где до сих пор живут среди тувинско-тувинцев-цаатанов. Яркой этнографической особенностью представителей данного подразделения является многоженство, которое нехарактерно для других тувинцев. Представители родоплеменного подразделения соян в настоящее время тувиноязычны и в основном носят фамилию Тожу или Тожуй. До сих пор придерживаются шаманизма.

Культовые объекты

Дорога Ак-Хана хорошо видна и сейчас — широкая полоса идет по вершине, по хребту. Около зимовья А. Баадыра стояло много камней с надписями, которые как бы отмечали дорогу, но их увезли какие-то ламы, скорее всего из Монголии. Один камень сохранился, он был зарисован и скопирован.

По дороге на Кунгуртуг, недалеко от урочища Каргы-Бом, также было обследовано святилище-Кодурер-Даш. Здесь собираются летом на праздник наадым и происходят соревнования. Кодурер-Даш — дословно «камень для поднимания». В центре специально выложенной площадки находится сооружение из обработанных камней, поставленных друг на друга. По легенде, это был громадный камень, который высоко поднял батыр, а когда он его бросил на землю, камень раскололся. Подобные легенды зафиксированы в разных районах Тувы и отражают древние обычаи, существующие с древнетюркского времени.

Обследованные горные оваа в Тере-Хольском кожууне свидетельствуют о сильном ламаистском влиянии. На многих оваа лежат плиты с традиционными молитвенными формулами, начертанными «тибетскими письменами». Один из таких камней на горе Ова-Чазы удалось скопировать. На нем нечитаемые знаки и линии (скорее всего это подражание старомонгольскому письму) и схематичное изображение Будды. Обследованы и сфотографированы оваа на лечебном источнике аржане на реке Нарын, на водораздельных перевалах р. Балыктыг-Хем и р. Каргы.

На правом берегу р. Чик осмотрели оваа, о котором сообщил местный пастух А. Соян. Оно представляет собой пещеру, расположенную у подножия небольшой горы. Площадка перед пещерой окружена загородкой из длинных жердей. Вход в пещеру низкий, а пространство внутри высотой около 1,5–2 м и шириной тоже 1,5–2 м. На стене написано название «Сын-оваа» («Маралье оваа») красной краской и этой же краской нарисована корова или марал без рогов. На реке Балыктыг-Хем осмотрели оваа «Тридцать вершин», которое называется также и Улангом-оваа, что означает «Красная вершина». Здесь много лент, хадаков и буддийских икон. Место часто посещаемое. Мы здесь встретили всадников, которые молились по-буддийски, складывали перед грудью ладони и совершали поклоны. Потом они привязали голубые хадаки (такие продаются в Кызыле, в монастырях и лавках). По свидетельствам местных жителей, много оваа вокруг озера Тере-Холь: на реке Каргы — Бельдыр-оваа, на реке Балыктыг-Хем-Оскалиг-оваазы. Вдоль озера, по убеждениям местных жителей, проходил также и «путь Чингисхана».

В отношении культовой топонимики удалось собрать следующие сведения: Кызыл-Хаалгалыг: священная гора, которая раньше освящалась представителями родов Шөлдээ-Балыкчы.

Майын-Шаар: оваа (жертвенный курган из камней или стволов деревьев), находящаяся в местности Кегурээ, в местечке под одноименным названием на северо-западном берегу озера. Раньше была священным местом Дагдаа-Балыкчы.

Ореге-бажы: оваа, священное место рода Ак-Кускун.

Дыттыг-Хөл оваазы: оваа, находится в местности Чырголанды, возле горы Баян-Уула

Тридцатитрехвершинный священный хребет Уулийн-Хаан: священное место (онгон) кыргысов.

Даштыг-Дергүн: аржаан (священный источник), находящийся на юго-западном берегу озера.

Ак-Доргун: аржаан, находящийся на юго-восточном берегу озера, возле дороги между с Кунгуртуг и Пор-Бажыном.

Бояй и Пештей: сероводородные аржааны на северо-западной стороне озера.

Йолду или Чолду: аржан, находится недалеко от горы Чолду.

Общая топонимика местности вокруг озера Тере-Холь:

Тере-Холь — другие варианты названия: Тере-Хол и Килээн. По мнению жителей кожууна, есть две версии народной этимологии данного топонима из монгольского языка: 1. Тере-Хел (монг. Тэрэ-Нуур) переводится на монгольский язык как выражение «вон там озеро»; 2. Төре-Хөл, по мнению некоторых информаторов, по-монгольски звучит как Дерее-Нуур, т. е. «стремя-озеро». В то же время вариант Төре-Хөл с тувинского можно перевести как «государственное озеро». По нашему мнению, возможно, данное название связано с историей крепости Пор-Бажын. Здесь была летняя резиденция правителя, на целебных источниках в окрестностях которой восстанавливали силы и залечивали раны приближенные уйгурского кагана, и поэтому земли вокруг крепости, в том числе и озеро, были объявлены государственным или каганским заповедником (тув. хоруг).

Кунгуртуг — село названо по речке, на берегах которой он был построен. Имеются два варианта перевода топонима: 1. Хун-Хуртү название реки переводится как «солнечное колесо»; 2. Хун-Хуүр (дословно по-монг. «могила человека») — так называется поле на юго-восточной окраине села Кунгуртуг, где находится много древних могильников и курганов.

Боорелди или Боорелчин шелу-поле на месте лагеря экспедиции «Пор-Бажын». По информации местных жителей, переводится как «волчье поле» или «поле, обильное волками».

Река Айыл (?) — в южной стороне озера.

Кара-Хелдер (черные озера) — маленькие озера западнее от поля Боорелди.

Хел-Бажы (исток или начало озера) — местность на юго-западном берегу, около дороги на Чыргаланды.

Сояк — гора на юго-западном берегу озера.

Кара-Тас (черная лысая вершина) — гора на южном берегу озера.

Бош-Даг (неустойчивая, шаткая гора) — на западном берегу озера.

Арт-Даш (перевал-камень) — пригорок на западном берегу озера.

Көгүрээ (возможно, от монг. хөрхрээ, хурхрээ — «водопад») — местность на северо-западном берегу озера.

Салдам (место с медленным течением) — река на северном берегу озера.

Сарыг-Хел (желтое озеро) — маленькое озеро на юго-восточном берегу озера.

Кара-Булун (черный уголок или закоулок, уединенное место) — местность на юго-восточном берегу озера.

Агартыр (беловатый), Куртуг-Сарыг (желтая долина, имеющая червей) — долины на восточном берегу озера.

Ак-Кажык (белый астрагал) и Кежиг-аксы (устье переправы) — местность на северо-западном берегу озера.

Острова на восточной стороне озера: Чаваадыр (?). Бодаган (верблюжонок). Чымдык (?). Ырсаннаа (?), Сиген-оглуг (имеющий дом из сена). Улуг Кара-Соот, Биче-Кара-Соот.

На период полевого сезона 2008 г. (июль–август) намечена завершающая часть работ: обследование Бай-Тайгинского и Монгун-Тайгинского районов Тувы и подготовка полного Корпуса памятников древнетюркской письменности бассейна Верхнего Енисея, содержащего историографические аннотации, факсимильные копии, транслитерации, переводы (частично) и карту-схему размещения памятников в регионе. Корпус составят около 250 надписей: ранее было опубликовано — 146, причем многие без фотографий и эстампов. Надписи, обнаруженные в 2007 г., подготовлены к публикации в сборнике ИВ РАН «Эпиграфика Востока».

Источники и информаторы:

1. Хомушку Серенмаа Шулууевна, учитель Кунгуртутской школы, 1946 г. р.
2. Кыргыс Адыгжы Кызылолович, житель с. Кунгуртут, 1975 г. р.
3. Хуужаан Степан Максимович, житель с. Кунгуртут, 1965 г. р.

Материалы из рукописного фонда ТИГИ:

1. РФ. Д. 842
2. РФ. Д. 964
3. РФ. Д. 989.
4. РФ. Д. 1073
5. РФ. Д. 1090
6. РФ. Д. 1597
7. РФ. Д. 1954

Литература

1. Серен П. С. *Тере-Хольский диалект тувинского языка*. Абакан, 2006.
2. Хомушку Б. Ч., Хомушку С. Ш. *Тоолзуг оран (Сказочный край)*. Кызыл, 2007.
3. Ондар Б. К. *Топонимический словарь Тувы*. Абакан, 2004.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

ТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ИЗ УРОЧИЩА КАРА-БУЛУН И ИХ ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ¹⁰⁸

Среди найденных в последние годы тюркских рунических надписей в Южной Сибири выделяется наскальный петроглифо-эпиграфический комплекс из урочища Кара-Булун на правом берегу Енисея в Туве.

Урочище Кара-Булун южных отрогов Уюкского хребта, где в 2005 г. В. А. Семеновым были обнаружены наскальные надписи, находится на правом берегу Енисея в Улуг-Хемском хожууне Тувы, примерно в 18 км к северо-западу от пос. Баян-Кол на высоте 850 м над уровнем моря (по сетке координат GPS — 51°37'514» и 093°173'394»). Справа от пастушьей тропы, ведущей к перевалу на скальных плоскостях, покрытых пустынным загаром различной техникой (от точечной выбивки до тонкой гравировки), нанесены зооморфные петроглифы, тамгообразные изображения и рунические надписи. Комплекс наскальных изображений и надписей обращен на восток и занимает господствующее положение над долиной.

Вершины, господствующие над родовыми пастбищными территориями, становились у средневековых тюркских кочевников Южной Сибири культовыми объектами, на скальных поверхностях которых посетителями

¹⁰⁸ Опубликовано в: *Эпиграфика Востока*. 2009. № 28. С. 21–26, 197.

оставлялись памятные и молитвенные надписи и родовые тамги. Согласно традиционному степному праву, именно эти знаки фиксировали родовую принадлежность территории. Наиболее известными памятниками такого рода в бассейне Верхнего Енисея являются вершины Тепсей, Сулек, Хая-Ужу. Новой подобной находкой стали надписи Кара-Булуна (рис. 1).

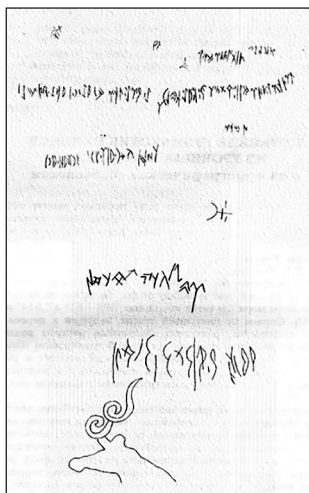

Рис. 1. Надписи Кара-Булуна

Надписи расположены на трех уступах, горизонтально, направление чтения справа налево:

- 1) j²ir²it²engr²i :t²ör²ümiş:b²ed² izl² ig:qaj¹a: qut¹l'uğ (a):j²ir²(a):
- a. t²engr²imsökia¹r¹şı : j¹ar¹uq: b²it²id² im(a):
- 2) t²işiid²it²engr²imqut¹
- 3) öt²ağıqā
- 4) öz aq er²
- 5) öl²ügd²min :j¹aş er²:(el²im — ?) ıd¹ın¹ el² :j¹ang:j¹aş:
- 6) er² at¹ı(a)seçing¹tloqb²il²imin
- 7) j²emişl²igb¹uzağ¹uad¹ımı(s)

1) «Бог (Тенгри) создал Землю. Украшенная рисунками и надписями скала. Святой предшественник — мой Йир Тенгри (Бог Земли). Я, Йарук это написал»

- 2) «Госпожа (Женщина владелица). О, мой Тенгри! Святыня»
- 3) «Пройти к сокровищам! (Постигни ценности!)»
- 4) Сам (я) Белый воин»
- 5) «Умерший молодой воин. (Мое государство — ? Имущество — ?)

Новые (вновь появившиеся) слезы»

- 6) «Его геройское имя Сечинг Ток Билимин (Избранный Ток Билимин)»
- 7) «Мое имя — Йемишлиг Бузагу» (возм. — «Выкормленный теленок»)

1) *söki arşı* — термин, встречающийся в буддийских сочинениях, переведенных на тюркский язык и записанных уйгурским письмом¹⁰⁹. Автор надписи был, по-видимому, знаком с буддийской литературой, но сам отдавал предпочтение тенгрийскому пантеону, подчеркивая его исконность. Буддийское влияние сказалось, по-видимому, и на имени автора надписи — *Jaruq* «сияющий, светлый», распространенном буддийском титульном плементарном эпитете;

3) *öt ağıqa* — из нескольких возможных вариантов прочтения данной надписи нами предлагается назидательная сентенция, которая может в равной степени быть связанной с буддийскими или манихейскими догматами. Оба слова ранее также встречались в енисейских текстах¹¹⁰;

7) *jemişlig buzağu* — отчетливо прочитанное имя вызывает особый интерес, поскольку передает понятия, несвойственные героическому образу воина-кочевника и принадлежит, по-видимому, юноше. Имя Бузагу встречается также в древнетюркской гадательной книге из Турфана, написанной руническим письмом¹¹¹.

Надписи святилища выполнены разными посетителями. Это, в частности, отражается в использовании различных видов пунктуации. Помимо наиболее распространенного обозначения для словораздела в виде двоеточия (которое, впрочем, иногда разделяет и смысловые блоки, состоящие из двух или более слов) в некоторых надписях для словораздела употребляются буквенные знаки, соответствующие *a / ä* или *s / ş*. В одной из надписей комплекса буквенный и пунктуационный варианты употребляются одновременно. Причину, по которой для словораздела избраны именно эти буквенные обозначения,

¹⁰⁹ *Suvarnaprabhasa* (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Изд. В. В. Радлов и С. Е. Малов. Bibliotheca Buddhica. II гр. Т. XVII. Вып. I–VIII. Стк. 589–4.

¹¹⁰ Стк. 9 Енисейского памятника Е 41. — См.: Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.

¹¹¹ Irq Bitig. Древнетюркская гадательная книга. Бюллетень Общества востоковедов РАН. М., 2005. Приложение 4. С. 61.

могут, по-видимому, быть объяснены чисто графическими обстоятельствами. Вертикальная прямая или зигзагообразная линии идеографически наиболее четко обозначили границу слова или смыслового блока.

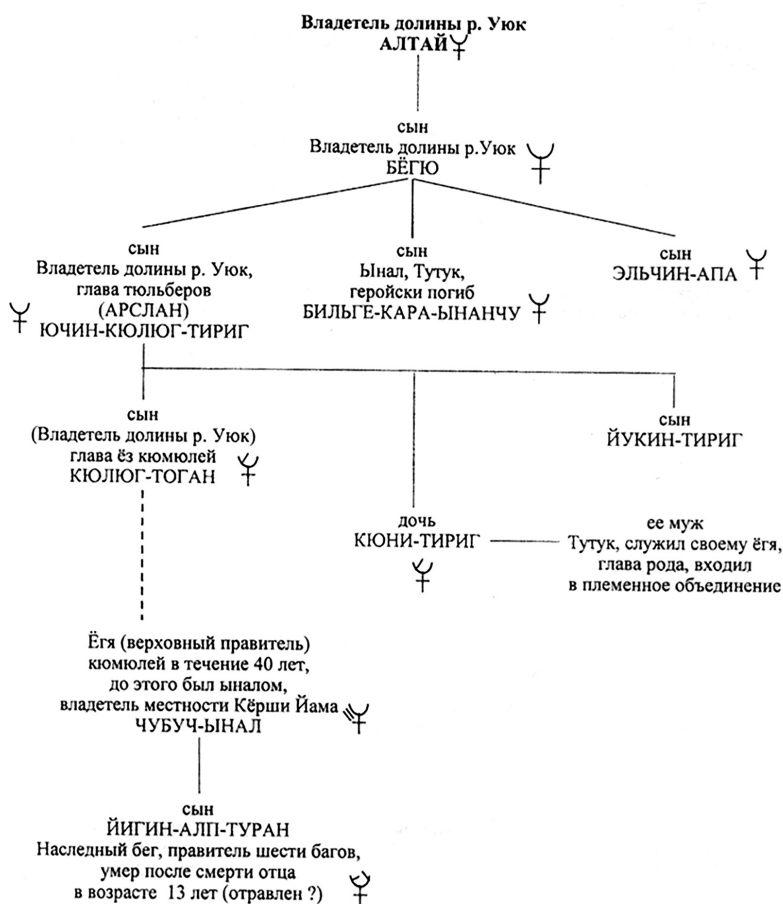

Рис. 2. Ненеалогическая схема представителей улуг-хемской родовой знати

Помимо надписей и изображений животных на скале имеется несколько одинаковых тамг, которые были известны ранее в Уюкско-Туранской котловине Тувы. Таким образом, информация и персоналии нового памятника

могут быть вписаны в составленную нами ранее генеалогическую схему представителей улуг-хемской родовой знати — обладателей аналогичной тамги (рис. 2)¹¹².

Содержание надписей имеет большое значение для генеалогических реконструкций средневекового кочевого общества Южной Сибири. Они дают возможность зафиксировать новые районы распространения тюркской рунической письменности, дополнить карту известных святилищ, посещавшихся тюркоязычными кочевниками, а также родовых территорий.

Надписи содержат термины, связанные с буддийской и манихейской идеологией, что позволяет их датировать периодом уйгуро-кыргызских войн на рубеже VIII–IX в. Аналогия ряда элементов имен собственных также имеет место в памятниках Восточного Туркестана. Предложенное чтение является предварительным вариантом идентификации графем надписей, и работа по их дешифровке будет продолжена.

---

¹¹² Васильев Д. Д. Персоналии древнетюркских эпитафий: возможности источниковедческого анализа. *Восточное источниковедение и специальные исторические дисциплины*. М., 1995. С. 256–266.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

CORRIGENDA К ДЕШИФРОВКЕ НАСКАЛЬНОЙ РУНИЧЕСКОЙ НАДПИСИ НА УТЕСЕ ГОРОДОВАЯ СТЕНА¹¹³

В 1986 г. нами была опубликована тюркская руническая наскальная надпись, названная в то время «самой северной на Енисее»¹¹⁴. Она была обнаружена в 1982 г. на правом берегу Енисея, в 3 км ниже села Новоселово Хакасской автономной области, на южном склоне утеса Городовая Стена. Памятник был обследован и скопирован в виде прорисовки (рис. 1) сотрудником Минусинского государственного краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова Н. В. Леонтьевым при участии С. Г. Архипецкого и П. И. Коробейникова.

Надпись выполнена тонкой гравировкой и расположена горизонтально в 2 м от максимального уровня воды в Красноярском водохранилище. Надпись состоит из двух строк, в начальной части строки 1 знаки различимы слабее, и нет абсолютной уверенности в точности их реконструкции. Это особенно относится к первым 3–4 знакам справа. Знаки строки 2 менее рельефны и мельче. Изображения животных выполнены в иной технике. По существующей кодификации тюркских рунических надписей бассейна Енисея¹¹⁵ памятник был обозначен нами «Е 143. Новоселово».

¹¹³ Опубликовано в: *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 2. С. 46–50.

¹¹⁴ Васильев Д. Д. Самая северная руническая надпись на Енисее. *Turcologica-1986: к 80-летию академика А. Н. Кононова*. Л., 1986. С. 53–56.

¹¹⁵ Васильев Д. Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // *Советская тюркология*. 1976. № 1. С. 71–81; Васильев Д. Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала. II. *Советская тюркология*. 1978. № 5. С. 92–95.

Тонко процарапанные знаки надписи были настолько слабо различимы, что по методике копирования, принятой во время открытия надписи, более надежным считалась их прорисовка, а не фотографирование. Поэтому фотографии памятника (рис. 2) не были выполнены и не публиковались.

Уже в первой публикации нами были оговорены возможные неточности в выполненной зарисовке. Тем не менее нами была выполнена транслитерация и предложен вариант прочтения текста в соответствии с прорисовкой археологов.

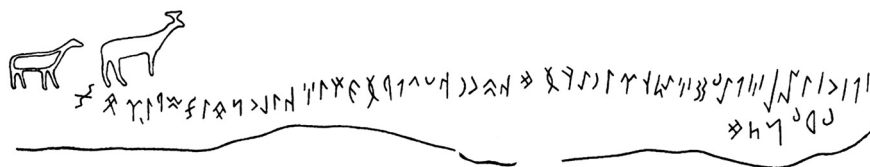

Рис. 1. Тюркская руническая наскальная надпись E 143. Новоселово

Рис. 2 (а, б). Детали цифровой фотоконии наскальной надписи E 143. Новоселово

Надпись (также в прорисовке) была опубликована И. Л. Кызласовым¹¹⁶. Автором были сделаны незначительные коррективы по составу надписи, предложена иная интерпретация отдельных знаков и текста в целом. Однако характеристика надписи как доказательства существования «института отшельничества в древнехакасском государстве» вызвала возражения тюркологов.

В марте 2018 г. заведующий сектором археологии лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета Олег Андреевич Митько прислал мне цифровую фотокопию надписи, выполненную местным краеведом. О. А. Митько проводил раскопки таштыкско-тюркского могильника Маркелов мыс II в Новоселовском районе Красноярского края в непосредственной близости от утеса Городовая Стена, имел возможность тщательно сопоставить оригинал, цифровую копию и опубликованные зарисовки и любезно внес коррективы в идентификацию одного рунического знака. Это, казалось бы, незначительное уточнение меняет лексическую единицу и смысловой блок текста.

Транслитерация:

- 1) Š²is¹us¹in²l'ypab¹d¹γas²ŋr²in¹ak ämq¹t¹vn¹qb¹s¹pj²ägš²iγ
qpl¹ur¹b²izt¹j²ir²b²z
- 2) b¹j¹b¹r¹qm

Транскрипция:

- 1) iš²i s'üs¹in² al'γip a b¹ad'ŋγ a t'äŋir²i an¹a käm qat'un¹
qab¹ i š¹ip j²äg eš²i γ qop ol'ur¹b²iz at¹ a j²ir²ib²iz
- 2) b¹aj¹b¹ar¹q im

Перевод:

- 1) «Госпожа! Их войско уничтожив, о Глубокая божественная Мать-река Кем, мы все, объединившись, добрыми твоими друзьями станем. Наши исконные (отцовские) земли».
- 2) «Мое богатое сооружение».

Центральным элементом текста является образ «реки Кем» (Енисей). Приложение **qatun** «госпожа» встречается в сочетании с гидронимами в

¹¹⁶ Кызласов И. Л. Институт отшельничества в древнехакасском государстве: Енисейские надписи нового жанра. *Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщения IV Всесоюзной тюркологической конференции*. Ашхабад, 1985. С. 352–354.

текстах некоторых енисейских надписей (Е 3, Е 108). Однако здесь впервые в рунических текстах главенствующее значение этой водной артерии подчеркивается словами **tengri** «божественная» и **ana** «мать». Сочетание **tengri ana kem qatun** становится прямым подтверждением точки зрения о восприятии тюрками образа реки как женского¹¹⁷.

Текст строки 1 состоит, по нашему мнению, из двух частей. Первая из них представляет собой сложноподчиненную конструкцию с двумя однородными деепричастиями (*alyr... qabišip*) в той форме, которая передает временную, причинную, целевую и условную характеристики действия¹¹⁸. Глагольная основа **alq-** зафиксирована во многих формах в древнетюркских памятниках различных регионов и хронологически охватывает также достаточно широкий период употребления, причем отмечается возможность перебора здесь *q/γ*¹¹⁹. **Qabišip** в аналогичной грамматической форме встречается в надписи в честь одного из политических руководителей Второго тюркского каганата Тоньюкука¹²⁰.

В первой публикации надписи, выполненной на основании зарисовки, фигурировало сочетание **badīy sīñīrī** «ее глубокая жила» (кровеносный сосуд), которое выглядело несколько странным, но воспринималось как литературная метафора. Коррективы, ставшие возможными благодаря цифровой копии надписи, позволили уточнить текст, и вместо слова **sīñīrī** безусловно реконструируется **teñri** — «божественная». Более понятным становится и определение **badīy** «глубокая».

Фрагмент **jag ešiy qop olurbiz** читается достаточно четко. Здесь следует прокомментировать слово **ešiy** как **eš** «друг, сподвижник», имеющее аффикс принадлежности 2-го лица ед. числа¹²¹.

Вторая часть строки 1 имеет номинативную функцию и в этом отношении сближается с текстом строки 2. Однако строки имеют не только композиционное, но и логическое обоснование. Содержание и направленность текста строки 1 имеют более высокий уровень. Декларация здесь идет от

¹¹⁷ Добродомов И. Г. О надежности топонимических этимологий. Этимология. 1980. М., 1982. С. 99–102.

¹¹⁸ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л., 1980. С. 128–129.

¹¹⁹ *Древнетюркский словарь*. Л., 1969; Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. 135.

¹²⁰ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951; Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л., 1980. С. 148.

¹²¹ Тенишев Э. Р. Перебой *s/š* в тюркских рунических памятниках; Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 289–295.

имени одной или нескольких тюркских племенных групп, тогда как строка 2 имеет отношение только к автору (или «заказчику») надписи.

Начальная часть строки 1 также не была установлена в первой публикации достаточно четко, и не были идентифицированы первые две руны. Поскольку вся надпись адресована «глубокой, божественной, матери-реке Кем», предлагаем расшифровку первых рун как обращение: **iši** — «женщина, знатная дама». Здесь мы допускаем зеркальный орфографический перебой знаков для **i / p (i / p)**.

Варианты перевода термина **barq (-īm)** в тексте строки 2 («сооружение», «надгробие», «постройка») трудно уточнить без археологического обследования местности.

Орфографической особенностью памятника является изредка встречающийся в енисейской рунике прием использования в качестве пунктуационного разделителя графемы **a**¹²². Иные формы словораздела в данной надписи отсутствуют.

В графике надписи дважды нашел отражение локальный орфоэпический вариант перебора **s / š**. Возможность такого явления в обоих случаях (**alq- / aly-**, **badīq / badīry**) отмечена в словарях¹²³.

В целом орфография надписи свидетельствует о навыках «правописания» у ее автора. В отличие от многих других енисейских граффити здесь имеется значительное количество знаков для гласных, соблюдается орфографическая регулярность и палатально-велярная рядность знаков, например — для **s / š**¹²⁴ (за исключением возможного орфографического нарушения в написании **s'us'in² / s'üs'in²** «их войско» в винительном падеже).

В отличие от большинства енисейских рунических памятников надпись не является эпитафией. Ее основное назначение — засвидетельствовать в монументальной форме свое право на данную территорию, а также посредством обращения к такому крупному природному явлению, как река Енисей, упомянуть о каком-то предшествовавшем событии («их войско уничтожив») и призвать соседей-соплеменников к мирным отношениям. Стиль текста эмоционально окрашен. Енисейские надписи пограничного, «межевого»

¹²² Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983. С. 50.

¹²³ Divanu lugat-it-tiirk dizini. Endeks. Yazan B. Atalay. Ankara, 1948. С. 1. S. 371. С. 3, 6. S. 188; Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford, 1972. P. 135, 301.

¹²⁴ Тенишев Э. Р. Перебой s/š в тюркских рунических памятниках. *Структура и история тюркских языков*. М., 1971. С. 289–295.

назначения, локализирующие пребывание или проживание какого-либо лица в упоминаемой местности, составляют уже определенную группу¹²⁵.

При том характере скотоводства и землепользования, которое существовало у средневековых центральноазиатских тюркских и монгольских народов, цикличность использования пастбищ являлась необходимостью. Правом же на ту или иную территорию обладали те претенденты, следы или знаки пребывания которых здесь в прошлом сохранились на местности¹²⁶.

В надписи впервые в тюркской рунике упоминается река как нечто, обладающее божественным и «материнским» статусом. Надписи и родовые тамги, обнаруженные в Саянском каньоне Енисея, дополнительно подтверждают освоение этого водного пути и его функционирование. Упоминание в тексте об установлении мирных отношений с соседями, живущими по берегам «матери-реки Кем», может быть интерпретировано как отражение периода, наступившего после крупной военной экспедиции Бильге-кагана и Тоньюкука через Саяны против кыргызского правителя Барс-бега в 711 г.¹²⁷. Выделение в памятнике в честь Тоньюкука того обстоятельства, что для внезапности нападения на кыргызов необходимо было искать обходной путь и прибегать к помощи местных проводников, также косвенно подтверждает известность средневековым жителям бассейна Енисея зимнего и летнего пути по реке.

Возможно, надпись из окрестностей Новоселова отмечает один из конечных северных пунктов похода, в результате которого кыргызы были подчинены тюркам. Эти соображения и палеография надписи позволяют датировать ее первой половиной VIII в.

¹²⁵ Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия). *Советская тюркология*. 1976. № 1. С. 58–65; Кызласов И. Л. Новые материалы по енисейской рунической письменности. *Советская тюркология*. 1981. № 4. С. 86–92; Баскаков Н. А. Наскальная руническая надпись в Терезеннике-Буюк урочища Мугур-Саргол Тувинской АССР. *Советская этнография*. 1978. № 3. С. 152–154; Кляшторный С. Г. Рунические надписи Саянского каньона Енисея. *Ученые записки Тувин. НИИЯЛИ*. Кызыл, 1971. Вып. 16. С. 228–231; Васильев Д. Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. II. *Тюркологический сборник*. 1977. М., 1981. С. 57–61.

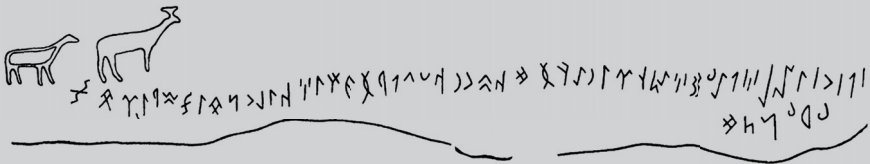
¹²⁶ Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. С. 52; Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1975. С. 176; Кляшторный С. Г. Наскальные рунические надписи Монголии. *Тюркологический сборник-1975*. М., 1978. С. 158.

¹²⁷ Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера. *Turcologica: к семидесятилетию академика А. Н. Кононова*. Л., 1976. С. 265–266.

Раздел 4

История и культура тюркских народов

D. VASILYEV, O. SERTKAYA

ÇENGİZ HAN'IN CİGER KIZARTMASI VE SIBIRYA'DA YAŞAYAN TÜRK HALKLARININ KOYUN KESİP PARÇALAMA VE ET YEMEKLERİ HAZIRLAMADA KADİM GELENEĞİ¹²⁸

1. Dağlık otlaklarda hayvancılık yapan Tuvali, Altaylı, Hakaslar ve Savan-Altaylar'da yaşayan ve başka Türk dillerinde konuşan halklar, koyun kesip parçalamada kadim Orta Asya usulünü koruyup günlük yaşama uygulamaktadır. Gök Türk zamanından kaynaklanan bu usûl, Müslüman Türklerinin kullandığı usûlden farklı olarak göçebe yaşam tarzının geleneklerini yansıtmaktadır.

2. Kurban güneş batarken yerde, çadırın doğu tarafı yanında, ellerin ve bıçağın ritüel yıkanmasından sonra kesilir. Koyunun kamı kesildikten sonra karınzarına post çekilip ve içerdekilere alınıp kan dökülür. Kan, haşlanmış sucuğun ana unsurudur.

3. İçerdekilere yapılan ilk yemekler, gövdeyi kesip parçalamanın bitirilmesini beklemeyerek hazırlanmaya başlar. Bunlar, genel olarak, adları yerli Türk dillerinde “yürüm/çürüme”, “kurgultay», “türgen”, “ondarışkı” şekillerinde

¹²⁸ Жареная печень для Чингисхана и древняя традиция приготовления мясных блюд из баранины у тюркских народов Сибири. Опубликовано в: *Beşinci milletlerarası Yemek Kongresi*. İstanbul, 1994. S. 293–297.

değişen haşlanmış yemeklerdir. Yağ zarına sarılan karaciğer parçalanndan hazırlanan ve “sağaca” denen şiş kebabı kavrulur.

Gövdenin et parçaları, önemsiz miktarda tuz vererek suda haşlanır. Daha tuzlu yemekler kullanan yabancılar için küçük miktarda çok tuzlu et suyu yapılır, et parçalan yemek sırasında bu suya bandırılır.

4. Yemeğe başlamadan önce etrafa et suyu, süt ve sütlü içecekler sıçratarak, küçük et parçaları atılarak evi, ocağı, aileyi koruyan şamanist tanrılara kurban verilir. Aile üyelerine, ailedeki durumlarına göre belli et parçaları verilir.

“Manas”, “Altay baatırlar”, “Altın Arıg” gibi Türklerin en kadim, ağızdan söylenen destanlarında zikredilen eski geleneğe göre en lezzetli ve pahalı et, az rastlanan karabaşlı koyun, (karabaşlı koyun eti) sayılır. Yüksek dağlık otlaklarda sürülen bu cinsten koyunların eti az yağlıdır.

Güney Sibirya’daki Türk halklarının et yemekleri hazırlama geleneği, bugünkü yaşantıda çok kullanışlıdır. Kadim Merkezi veya eski yurt dönemine ait bu gelenek, Gök Türklerin yemek kültürünün açık ve tarihî rekonstrüksiyonu için kaynak olabilir.

D. VASILYEV, O. SERTKAYA

LIVER ROAST FOR ÇINGİZ KHAN

TRADITION IN THE SLAUGHTER OF SHEEP,
DIVISION OF MEAT AND THE PREPARATION OF MEAT DISHES
AMONG THE TURKS OF SIBERIA

1. Tuvinians, the Altay, the Hakas and other Turkish speaking peoples of the Sayan-Altay who raise livestock on high pastures, still preserve and practice in their daily lives the Central Asian tradition in the slaughter of sheep on the division of meat. These methods which date from Göktürk times and which differ from the methods used by Muslim Turks reflect the traditions of a nomadic lifestyle.

2. The sheep is slaughtered just before sundown; the beast is laid on the ground to the east side of the tent; the slaughtering takes place after a ritual cleansing of the hands and the knife. After the sheep's belly is slit open the contents of the belly are removed, and the blood is allowed to run. This blood is the main ingredient of boiled sausage.

3. The first dishes to be prepared are made from the contents of the belly, well before dealing with the remaining of the sheep. These dishes are called *yürüm/çürüme, kurgultay, tüngen, ondarışkı* in the local Turkish languages. All these dishes are prepared by boiling. Pieces of liver wrapped in layers of fat (which are called *sagaca*) are roasted like şiş kebab.

The meat pieces from the body are slightly salted and boiled in water. A small quantity of very salty bouillon is prepared for foreigners who prefer saltier dishes. Meat pieces are dipped in this bouillon during the meal.

4. Before starting the meal bouillon, milk, drinks prepared from milk, small pieces of meat are sprinkled and scattered around as sacrifice to Shaman Gods who protect the house, the fireplace and the family. Members of the family receive certain pieces of meat according to their position and rank in the family.

According to the Turkish epics such as *Manas*, *Altay baatırlar*, *Altın Arig* the tastiest and the most praised meat is the meat of black headed sheep (*karabaştı kov*) which is somewhat of rarity. This type of sheep which is raised on high pastures has very little fat.

5. The way meat dishes are prepared among the Turkish peoples of South Siberia suites very much to their present style of everyday life. These traditions which belong to the ancient Central Asian nomadic period may provide a source for the ethnic and historical reconstruction of the food culture among the Göktürks.

D. D. VASILYEV

MANAS DESTANI VE KÖK TÜRK YAZISINDA ANLAN ASKERLERİN SAVAŞ KAHRAMANLIKLARI¹²⁹

«Manas»'ın sürdüğü dış düşmanlarına karşı savaşların, akrabalarla iç inücadelelerin ve başlıca kahramanlığı olan «büyük seferler»in betimlenmeleri ile VIII–IX. yüzyıllara ait Orhun-Yenisey metinlerinde gördüğümüz ve gerçekte yer alan savaş, meydan muharebeleri ve askeri hareketlerin betimlenmeleri arasında büyük benzerlik görülebilir.

Güney Sibirya'daki kısa Gök Türk mezar yazıtlarında anılan kahramanlar, coğrafya ve halk isimleri, ayrı ayrı olaylar, yabancı değil, öz Türk me hazlarına dayanarak Gök Türk tarihçesinin rekonstrüksyonu için son derece kıymetli zemin oluşturmaktadır. Şayan ve Altay bölgelerinde yaşamış olan Türk soylu kabilelerin düşmanları, müttefikleri, soy topraklarının savunmaları ve uzak seferleri hakkındaki bilgiler, «Manas» destanının bazı hikâyeleriyle kıyaslanabilir.

Gök Türk devleti dönemine ait yazılı me hazlarda ilk kez kaydedilen askerî tarih hikâyesi geleneklerinin devam ettirilmesi farzedilebilir.

Gök Türk, Yenisey Kırğızı, Uygurların, Altay Tele kavim birliğinin yaptıkları askerî seferler ve kahramanlıklar üstüne Kuzey Moğolistan, Yenisey havzası, Altay Tanrı Dağlarındaki eski Türk yazıtlarındaki bilgiler, Türk kahramanlık destanlarının benzer süjeleriyle birlikte İç asya Türklerinin erken Ortaçağ dönemi askerî tarihçesi için bilgi tavanı oluşturmaktadır.

(Rapor seyrinde Sayan ve Altay bölgesinde yaşamış olan Türk askerlerinin heykellerini gösteren slaytlar da gösterilecek).

¹²⁹ Эпос Манас и воинская доблесть в тюркской рунике. Опубликовано в: *Manas Destanı ve Etkileri uluslararası bilgi şöleni*. Ankara, 1995. S. 269–270.

D. D. VASILYEV

THE CULTURE OF WRITING AND LITERACY IN KOK-TURKISH SOCIETY¹³⁰

The state-formations in Central Asia in the early Middle Ages clearly display the continuity between the Kok-Turkish (551–744), the Uighur (745–840) and the Kirghiz (840–10th century) states. These three states show differences neither in the ethnic and cultural sense nor in the socio-economic sense. Owing to the identity of their social order, ethnic and cultural structures, it is possible to evaluate the period of their ascendancy as one uniform phase in history. This phase is named the Kok-Turkish era after the first state was founded.

The inscriptions convey particularly important data for the understanding of the social system and the structure of interdependencies in this culture. The epitaphs, adorning the graves of Kok-Turkish, Uighur and Kirghiz aristocrats were produced in the course of five-hundred years. Aside from the praise of the aristocrat, these inscriptions recorded the feats of the deceased, and their proverbial admonitions were full of political messages, rendering the epitaphs vehicles of propaganda. Not only did the inscriptions reflect a world view, but they also taught it. One of the main issues of discussion among specialists in the area of Kok-Turkish inscriptions are the ethnographic, historical, and linguistic interpretation of those inscriptions called runic-type. These are short writings (one or two lines at the most) found on rocks, but a number of household items — small bones, stones,

¹³⁰ Опубликовано в: *Human Values and Human Rights among the Turks*. Eds. S. Artamet, A. Mill. Istanbul: Türk kültürüne hizmet vakfı, 1996. P. 42–44.

and metal items — bearing the same kind of inscription have also been found. Though similar to the larger Orkhun-Yenisey inscriptions, these latter display significant typographical and paleographical differences. Their discovery has, for one, added a few graphemes to our store of the Kok-Turkish script. But the differences between the runic-type inscriptions and the Turkish runic writings far exceed those of the simple variant of a script. Both in terms of their decipherment and ethnographic and historical interpretation, and in terms of their dating, issues around the runic-type remain inconclusive. Their dating varies among scholars as widely as the sixth to the tenth centuries, just as their phonetic meaning is not to be derived by comparison with the Orkhun-Yenisey inscriptions.

The same problems have been recorded in relation with East European runic-type inscriptions. The similarities between the yet-undeciphered Central Asian runic-type script and the East European versions of the same are striking. In the light of the geographic regions where some twenty runic-type specimens have been found and given indications that they date from before the Orkhun inscriptions, it seems imperative that we revise our assumption that the Turkish runic alphabet was constituted in the era of the Second Turkish Khanate as a derivative of the Soghd alphabet. The actual process of the formation of the alphabet which would eventually constitute the national script of the turks was much more complicated as well as older than it could possibly have been had it been derived directly from the Soghd alphabet.

The types of extant Turkish inscriptions include the following:

1) Inscribed monuments devoted to the memory of statesmen and the phases of the state. These consist, however, not so much of commemorative discourse but of subjective accounts of the deeds of the individual commemorated. These written documents of the Second Turkish Khanate were characteristic of political controversy signified by the rhetoric of the inscriptions that intend to persuade the reader of the righteousness of the deeds described. On the other hand, they belong to the genre of the graveyard poem, which occupied an important place in the burial ritual.

2) A wide variety of small objects, where the writing is used to convey instruction in the use of the object, thus indicating wide-spread literacy. This group also includes insignia on objects indicating the owner or the maker, and gift objects that convey descriptions of or wishes for the occasion for which the gift has been presented. Examples to the latter are a jar displaying an inscription that narrates that it is a gift to a girl for her wedding, and dinnerware that bears writing such as the following: «Good hero Umsü, taste of this meal!», «Bold Amash, look at your fate!», «Altın, eat your food!», «Thank you, Sepinlig!». The

inscription on a belt belonging to military attire indicates the use of writing to convert an ordinary object into a talisman or charm. Chinese coins, for example, having lost their monetary value, were used by the Turks as personal charms. The use of charms or written appeals to God shows the high level of the religious culture and the variety of the ways in which the runic was used among the Turks. Included in the group of small, inscribed objects are the mirror inscriptions such as the writing on the mirror found in the Upper Irtysh. The nature of the text is ethical-pedagogic, but rather than recording an ethical teaching in the abstract, it seems to be directed at a specific person.

3) The group of the smallest inscriptions consists of the writings on glazed tile objects. It is this group, too, that conveys the most interesting information about the spread of runic writing among the Turks. These are found on partially preserved remnants of larger jars and indicate use of the jars: «...seed storage...» «rub the inside with flour...», «...courtyard... give...». The names of owners and of makers are also shown on the jars. Thus, runic writing fulfilled a large variety of needs of Turkish-speaking peoples.

4) Visitors' inscriptions on rocks are numerous but they are brief and deciphering them presents special difficulties. Those that have been interpreted mostly give directions or constitute notes regarding social and daily life. Some of them are invectives addressed to specific persons, express a wish, or narrate an interesting event. As Kiselöv has pointed out, these inscriptions convey the impression of being similar to graffiti, written in passing, with casual instruments. This inscription group is still being catalogued and edited for publication, while new specimens continue to be discovered.

Dmitri D. VASILYEV

KÖK-TÜRKLERİN OKUMA YAZMA BİLMELERİ SORUNU¹³¹

V.V. Barthold, Türk halklarının kültür tarihine ait eserlerinde Merkezî Asya'nın Orhon anıtları dili ve bu dilin runik alfabe ile ifade edilmiş şekline, bu dilin ve alfabenin taşıyıcılarının göçmen olduğu halde kültür düzeylerinin çok yüksek olduğuna işaret eder. Kök-Türk yazı diline gelince, V.V. Barthold ayrıca şunları yazar: «Elimizde Türk diline her hangi bir başka yazı şeklinden daha iyi uyan bileşik bir alfabe bulunmaktadır. Bu alfabede seslilerin sayısı azdır, sessizler de ses uyumuna göre iki gruba ayrılmıştır. Böylece bir Türk diline tüm olarak uyan bir alfabe oluşmuştur. Bu alfabede işaret çokluğundan gayet karmaşık imlâ kuralları kullanılmıştır. Böyle bir mükemmel yazı şeklinin var olması, bu yazıtı yazanların bundan başka da birçok yazıt yaptığını göstermektedir. Ne yazık ki, bu konuda veriler yok. ...Halkın yazıtı okumaya davet edilmesi ilgi çeker ve okuma yazma bilmenin gayet yaygın olduğunu gösterebilirdi, fakat göçebe yaşayış koşullarında bunu beklemek zor. Bu davetin bir tür belâgat şekli olması ve her halde mecazî anlamda kullanılmış olması çok daha mümkündür»¹³².

V.V. Barthold'un Orhon-Yenisey Türkleri arasında okur yazar sayısının çok olmasına ait varsayımı, en büyük hanedan anıtlarına ve o tarihlerde belli olan birkaç Yenisey anıtına dayanılarak yapılmıştı. Bundan sonra Altay, Yedisu, Orta

¹³¹ Проблема грамотности у древних тюрков. Опубликовано в: *Uluslararası Osmanlı Öncesi Türk Kültürü*. Ankara, 1997. S. 297–306.

¹³² V. V. Barthold. Obzor istorii t'ürkskih rodov. *Soçineniya*. Cilt 5. M., 1968. S. 430.

Asya, Lena nehri, Volgaboyu, Kuzey Kafkasya gibi runik yazıtların bulunduğu yeni bölgeler keşfedildi, runik yazıtlı yeni eşyalar bulundu.

Türk runik yazıtlarını araştıran bilginler yeni buluşları yayınlarken, runik alfabenin Türkler tarafından kullanılmasının yaygınlığı sorununa özel bir dikkat vermediler, fakat aynı zamanda runik alfabenin ancak mezar taşlarında değil, daha geniş bir alanda kullanıldığına işaret ettiler.

Arkeolog A. N. Bernştam, bu yazıtların gerek paleografi bakımından çok çeşitli olmalarına, gerekse hayatta, günlük yaşayışta çeşitli şekiller de kullanıldığına işaret etmektedir: «Bu yazıtlara; belge, mezar kitabesi, şaman metni ve eşyaların üzerinde kitabeler olarak rastlanmaktadır. Tüm bunlar halkın nisbeten geniş derecede okuma yazma bildiğini gösteriyor»¹³³.

S. E. Malov'un yazdığına göre, Yenisey yazıtlarının dili, canlı konuşma dilinin öğelerini de içine alır ve bu öğelerin sokulmasında "seyyar okur yazarların" rolü de vardır¹³⁴.

Sibirya arkeolojisi uzmanı S. V. Kiselöv'un fikrince, «Yukarı Yenisey ve Abakan bölgesindeki runik mezar kitabeleri yalnız soylu okuyucular için değil, gözle görülür bir tarzda geniş okuyucu çevreleri için de yazılmıştır. Bunların çoğu, kayaların üzerinde sıkça ucu sivri bir aletle yazılan notlar biçimindedir. Maalesef, bu belgeler şimdiye dek, okunması şöyle dursun, büyük derecede toplanmamıştır da»¹³⁵.

Yazıtların çok miktardaki okuyucu için yapılmış olduğu fikri, Prof. L. N. Gumilöv tarafından da belirtilmiştir. Gumilöv'a göre, yazılı metinler Türk toplumunun geniş tabakalarına «propaganda metinleri olarak yöneltilmiştir. Bunlar, tek bir fikre bağlı, amacı hiç maske edilmemiş ilândır, ve bu amaç, daha çok yanlı kanıtlamalarda sağlanmaktadır. Böylece Türkler, yazılı sözlerin gücüne, her halde etkili gözle baktılar»¹³⁶.

Prof. V. M. Nasilov, yazılı anıtlarda söylenen sözleri aynen tekrar eden ve hatta belli hitabet usullerini yansıtan üslûp metotlarının kesin olarak tespit edilmiş kurallara göre kullanıldığını kaydetti¹³⁷. Bu, her halde, yazıtın bir şahit tarafından gerek bilgi verme, gerekse anma amaçlarıyla yapıldığını gösterebilir.

Okuma yazma bilmenin Türkler arasında genişçe yayılmış olmasını Çin metinlerinin şu bildirisi de gösteriyor: 574 yılında bir kağanın isteği üzerine Kuzey Tszi imparatoru, bir Budist keşişe «Nirvana sûtra'yı Türklerin diline

¹³³ A. N. Bernştam. *Drevnetürkskoye pismo na r. Lene*. EV. 4, 1951. S. 85.

¹³⁴ S. E. Malov. *Yeniseyskaya pismennost türkov*. M.-L., 1952. Cilt 7.

¹³⁵ S. V. Kiselöv. *Kratkiy oçerk drevney istorii hakasov*. Abakan, 1951. S. 74.

¹³⁶ L. N. Gumilöv. *Drevniye türki*. M., 1967. S. 332–333.

¹³⁷ V. M. Nasilov. *Yazık orhono-yeniseyskih pamyatnikov*. M., 1960. S. 86.

çevirtip, bu çeviriyi Türkleri Budizm'e çekmek amacıyla aralarında dağıtmayı emretmişti. Göçebeler arasında dinî propagandanın ancak misyonerler yardımıyla değil, merkezi iktidar olan¹³⁸ Budist kağanın önerdiği gibi, yazılı belge ile yapılması, C. Clauson'un şu fikrine uyabilir: «Yollığ-tegin ve yazıt yazan başka kimseler, özellikle devlet bakımından önem taşıyan yazıtları yazanlar, okuma yazmayı bir okulda öğrenmişlerdir. O zaman (VIII. Yüzyılda. — D. V.) bu okulda günlük yaşayışta kullanılan alfabeden farklı ve ancak kağan için yapılan yazıtlarda kullanılan daha güzel ve elverişli bir alfabenin hazırlanması için çaba harcamışlardır»¹³⁹.

Bu fikri geliştirirsek şu nokta ilgimizi çekecektir: Daha geç zamana ait Doğu Türkistan metinleri kağıt üzerinde profesyonel yazarlar tarafından yazılmıştır, bu apaçıktır. Yazarlar, el yazmalarında kalem ve fırça kullanarak güzel yazı sanatını gösterirler. Mani dinine ait bir okulda runik yazmaların öğretildiğinin olasılığı küçüktür. Bir de birçok araştırmacılar, dinî runik edebiyatta, şamanlık öncesi ve şamanlık inançlarının yansıtılmasını göstererek bu el yazma metinlerinin daha önceki epigrafik metinlerle ilişkilerini bulurlar¹⁴⁰. N. V. Pigulevskaya, Hara-Hoto'da bulunan ve Sir-Türklerle ait bir el yazma parçasını inceledikten sonra, Hristiyanlığı Suriyelilerden benimseyen Türklerde kitap şeklindeki yazılı anıtların var olduğu sonucunu çıkarır¹⁴¹.

Böylece kimi araştırmacıların küçük notları ve tek tük gözlemleri, artık delillerin bir bütünlüğünü oluşturur. Bu deliller, Kök-Türkler arasında okuma yazma bilmenin genişçe yayılmış olduğunu gösterir.

Merkezî Asya'nın çeşitli bölgelerinde runik mezar kitabelerini inceleyen S. E. Malov, şunu kaydetti: «Yazıtların dilinde bazı lehçe şekilleri dikkati çeker. Örneğin, tek birinci Yenisey yazıtında -e halinin çeşitli şekillerine rastlanır: «Kunçuyma, oğlanıma, budunuma»¹⁴². Öte yandan, bunların yanısıra «elimke», «yaşımka», «yerimke» şekilleri de vardır (E4. — D. V). Sık sık kullanılan «adırlıtm» fiili («öldüm»), aynı yazıtta «adırlıdım» olarak da yazılır. Örneğin, «bin» sözünün gerek «bin» gerekse «bın» şekilleri vardır.

S. E. Malov'un bu gözlemi, ne yazık ki, Türkologların dil bilimi eserlerinde geliştirilmemiştir. Türk runik yazıtlarının dilinde lehçe özelliklerini tesbit eden

¹³⁸ Liu Mau-tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u küe)*. Cilt 1. Wiesbaden, 1958. S. 43.

¹³⁹ G. Clauson. The Origin of the Turkish 'Runic' Alphabet. *Archiv Orientalni*. Cilt 32. 1970. S. 81.

¹⁴⁰ S. E. Malov. *Pamyatniki drevnetürkskoy pismennosti*. M.-L., 1951. S. 13; I. V. Stebleva. *Drevnetürkskaya kniga gadaniy: Istoriya, kultura i yazıkı narodov Vostoka*. M., 1970. S. 155–156.

¹⁴¹ N. V. Pigulevskaya. Eşço raz o siro-türkskom. *Türkologiçeskiy sbornik*. K 60-letiyu A. N. Kononova. M., 1970. S. 155–156.

¹⁴² S. E. Malov. *Yeniseyskaya...* S. 13.

imlâ, özünde pratik olarak hiç araştırılmadı. Bundan başka, VII–VIII yüzyıllarda tek standart edebiyat dilinin olmasını tanıyan teori, metinlerin üslûp bakımından tek tipliliğine dayanıyordu. Bu dilin oluşmasını ve yayılmasını Türk devletlerinin oluşmasına bağlayan bu teori, runik yazıtlardaki lehçe ve yerli telâffuz belirtilerini belli derecede gölgede bırakıyordu¹⁴³.

Türk runik yazıtlarının incelendiği bütün dönem içinde yazıtların bölgelere göre sınıflandırılması oluştu. Yazıtların harf şekilleri bakımından özelliklerine göre Orhon, Yenisey, Yedisu ve daha başka bölgelere özgü şekilleri saptanabildi. Üstelik, aynı bölgede bile çeşitli metinlerde çok sayıda ferdi çizgiler var. Bunlar, her şeyden önce yazarın lehçe özelliklerini yansıtır¹⁴⁴. Aynı tarihî ve kültürel yörede bulunan yazıtların ferdî şekil ve imlâ özellikleri, Türklerde çeşitli runik yazma okul merkezlerinin olduğunu savunan varsayım ile çelişmez¹⁴⁵.

Bugüne dek toplanan yazıtların metin ve şekilleri, Türkler arasında runik yazmanın genişçe kullanılması konusunda olumlu deliller sayılabilen verilerden genel hükümler çıkararak bunları bir sistem haline getirmek olanağını sağlar.

Anıtların şu fonksiyonel tiplerine değinelim.

I. Yazıtlı taşlar

Bunlar, her şeyden önce devletin yaşamındaki tarihî olaylara adanan metinleri içine alan Orhon v.b. anıtlarıdır. Üzerindeki yazıtlar, anma niteliğinde olmayıp gözle görünür bir şekildedir. Bu o zamanki okuyucuya yazıtın kahramanı adına onun şu veya bu hareketlerinin sübjektif bir anlatımını verir. Romantik duygusal renkler, detayların canlılığı ve sempati okuyucuda olayların içinde bulunduğu izlenimini doğurur. Olayların güncel olması ise, o zamanın okuyucusunu belli bir politik tutum almaya itiyordu. Böylece kesinlikle söyleyebiliriz ki, ikinci Türk kağanlığında yazılı belge siyasi çekişmenin aracıydı.

Türkler arasında okur yazarlığın ne derecede yayılmış olduğu sorununun aydınlatılması için Yenisey mezar kitabelerinden yararlanmak zordur. Bunun birkaç nedeni var. Birincisi, mezar kitabelerinin belli genel şeklidir. Aralarındaki farklar, çoğu zaman biyografik ayrıntılardan oluşur. İkincisi, mezar kitabesinin yapılması, cenaze töreninin bir parçasıydı. Malov'un deyişiyle, bunlar «mezarlık

¹⁴³ E. R. Tenişev. O naddialektnom haraklere yazıka türkskih runičeskih pamyatnikov. *Turcologica*: K 70-letiyu akademika A. N. Kononva. L., 1976. S. 164–171.

¹⁴⁴ I. A. Batmanov. *Sovremennaya i drevnyaa yeniseika*. Frunze, 1962. S. 16; L. R. Kızlasov. O datirovke pamyatnikov yeniseyskoy pismennosti. *CA*, 1965. No. 3. S. 49.

¹⁴⁵ D. D. Vasilyev. Grafičeskiye osobennosti pamyatnikov Hoyio-Tamira. *Voprosi vostočnogo literaturovedeniya i tekstologii*. M., 1975. S. 100–109.

şiiirleri»’dir, ve bu deyim bir tesadüf değildir. Yazıtın kutsal bir anlamı da olabilirdi ve bu anlam mezar taşının anma önemini tamamlıyordu. Bundan başka tüm mezar kitabelerinde olduğu gibi bu yazıtlar da, belki çok sayıda ağızdan ve yazı dilinden kaybolan eskimiş sözlerle doludur.

Konumuz için iki nokta önemlidir. Her ikisi de, yazıtın profesyonel bir yazar tarafından değil, tesadüfen olay yerinde bulunan bir kimse tarafından yapıldığına işaret eder. Birincisi, yaklaşık olarak aynı bölgede bulunan taşlarla harf şekilleri arasındaki fark. İkincisi, kimi hallerde imlâ kurallarının iyi bilinmemesinden kaynaklanan çok sayılı imlâ varyantlarıdır.

Böylece bu durumda imlâ kurallarının bozulduğunu gösteren çok sayılı örnekler, Türklerin geniş derecede yazmayı kullandığını doğrulayan delillerdir. Başka bir deyişle, okuma yazma bilme, çok yaygın olmakla birlikte yeteri kadar esaslı değildi. Sonuç olarak yazma normlarından sapmalar ortaya çıkıyordu. (Yerli telâffuzlar da bunu etkileyebildi.)¹⁴⁶.

II. Küçük eşyaların üzerindeki yazıtlar

Günlük yaşamışta kullanılan çeşitli eşyaların üzerindeki runik yazıtlara çok sayıda rastlanılması, geniş okuyucu kitlesinin olduğunu tahmin etmek olanağını verir. Bu yazıtlar, bronz ayna, para, ağırlık, gümüş ve altın küp, kemer plâkı gibi çeşitli eşyaların üzerinde bulunmaktadır. Bu grup yazıtlar konusunda şu fikirlerin belirtilmeye değer olduğunu sanıyoruz:

1) Bu yazıtlar, fonksiyonel özellikleri nedeniyle söz hâzinesi ve üslûp bakımından mezar kitabelerinininki kadar eski olamaz. Bunlar, yazma bilmenin belli bir eşyayla veya ondan faydalanılmasıyla ilgili bilgilerin iletilmesi amacıyla Türkler tarafından kullanıldığını gösterir.

2) Çeşitli eşyaların üzerindeki işaret niteliğinde adlar, tamgalar olduğu gibi, eşyanın bir kimseye ait olmasını veya bir kimse tarafından yapılmış olduğunu belirtiyordu. Minusinsk Müzesi’ndeki, «Cur» yazıtlı bronz plâk¹⁴⁷ ve, her halde Fergana’da bulunan ve «İnanç» yazıtını taşıyan bronz yüzük¹⁴⁸ bu gruptandır.

¹⁴⁶ Runik Glosser’de imlâ şekillerinin açık örneklerine. *Drevnetürkskiye dialekti*. Frunze, 1971, s. 87–107) ve P. M. Meleoranski’nin 1826’da bu konuda imparatorluk Kunstkamera müzesine getirilen küpün üzerindeki imlâ hatası” konulu notuna başvuruda bulunulabilir. P. M. Melioranski. Dva serebryanış sosuda s yeniseyskimi nadpisyami. *ZVORAO*. Cilt 4. Vıp. L. 1902. S. 20.

¹⁴⁷ A. M. Şerbak tarafından kaybolmuş bir yazıt olarak kaydedilmiştir. A. M. Şerbak. Yeniseyskiye runičeskiye nadpisi. K istorii otrıtniya i izuçeniya. *Türkologičeskiy sbornik*, 1970. M., 1970. S. 113. 1973’te onu yeniden bulduk. Şimdi Minusinsk Müzesi’tin ekspozisyonundadır.

¹⁴⁸ S. G. Klyaştorı. Drevnetürkskaya runičeskaya nadpis na bronzovom perstne iz Ferganı. *Trudi AN Tadj SSR*. Cilt 103. Vıp. 5. S. 167–168.

Oysa ki, bronz yüzük, belli yetkilere sahip olan bir kimse için mevki gösteren bir işaret rolünü de oynayabilirdi. Söz konusu grupta başka eşyalar da var, örneğin, Tuva'daki Aymırlık kurganlığından kemik yay parçaları.

3) Altay ve Yenisey bölgelerinde bulunan küplerin üzerindeki yazıtların özü, herkes tarafından okunup anlaşılabilirliğinin farz edildiği izlenimini önceden tahmin eder. Bu yazıtlardan biri, küpün nişanlanan bir kız için armağan olarak alındığını anlatır¹⁴⁹, bazıları da, sofrta takımlarında geleneğe göre yazılan dilekler şeklindedir: «İyi kahraman Umsug, bu yemeğin tadına bak!»; «Kahraman Amaş, kaderine bak!»; «Altın yemeğini ye!»; «Sağol, Sepinlig»¹⁵⁰.

4) Bir kemer takımındaki ağır uç plâkının üzerindeki yazıt,¹⁵¹ askeri donatımının detayına uygun bir hayırlık dileğinin parçasıdır. Hayırlık dilekleri, eşyaları tılsım haline getiriyordu. Örneğin Çin paraları yeni çevrede olağan görevlerini kaybederek sahibin tılsımı olurdu¹⁵².

Türklerde bir Tanrıya başvuran yazıtları taşıyan tılsımların kullanılması¹⁵³, aynı zamanda dinî kültürün yüksek düzeyini ve runik yazmanın çok çeşitli şekillerde uygulandığını gösterir.

5) Okunması şüphesiz doğru olan az sayılı ayna yazıtlarından biri, Yukarı İrtiş'te bulunan aynanın üzerindeki yazıttır.

Etik bir kural niteliğinde olan bu yazıt, Budizm'e ait «yaşarken mükâfat veya ceza alma» fikrini içine alır ve bağı işlevlerine sahip olduğu tahmin edilen eşyalar üzerindeki yazıtlara benzemez¹⁵⁴. Metnin karakteri öğretici, fakat bu soyut nasihattan daha çok bir armağanın üzerinde yapılan belli bir insana yöneltilmiş bir yazıttır.

III. Çini eşyaların üzerindeki yazıtlar.

Bu, en küçük yazıt grubu¹⁵⁵, Türkler arasında runik alfabenin kullanılma yaygınlığı sorusu için çok enteresan bilgiler verir. Çoğu halde «hum» denen

¹⁴⁹ P. M. Melioranski, *Dva serebryanış sosuda*. S. 21.

¹⁵⁰ A. K. Borovkov, *Yeniseyskiye nadpisi*. S. 192, 193, 195; P. M. Melioranski, *Dva serebryanış sosuda*. S. 19.

¹⁵¹ A. K. Borovkov, *Yeniseyskiye nadpisi*. S. 194.

¹⁵² S. G. Klyashornı. Monetı Türkskoy runičeskoy nadpisyu iz Mongolii. *Türkologičeskiy sbornik*, 1972. M., 1973. S. 337.

¹⁵³ D. D. Vasilyev, Runičeskaya nadpis na kamne-amulete. *Pismennıye pamyatniki i problemi istorii kùltür narodov Vostoka. X Godičnaya sessiya LO IV AN SSSR*. M., 1974. S. 57–60.

¹⁵⁴ F. M. Arslanova, S. G. Klyashornı. Runičeskaya nadpis na zerkale iz Verhnego Priirtışya // *Türkologičeskiy sbornik*. 1972. M., 1973. S. 313–314.

¹⁵⁵ Çini parçalarda ve eşyalarda yapılan runik yazıtların bibliyografisi: Y. A. Zadneprovski. Türk-skiye pamyatniki v Fergane. *CA*. 1967. No. I. S. 270–274.

büyük küplerin parçaları olan çini parçaların üzerinde bulunan ve ancak kısmen korunmuş olan metinler, sırf ekonomik işlevi yansıtır: «...tohum ambarı...», «...içini unla...», «...avlu, vermek. ...» Çini parçalarının üzerindeki yazıtlar arasında yeni, şimdiye dek yayınlanmamış buluşlar kayda değer. Bunlar, şu bölgelerde bulundu: Kuzeyde Doğu Aralboyu ve Kızılkum gölü, güneyde Kuzey Toharistan ve Kala-i Kafirnigan arkeoloji anıtı.

A. N. Bernştam, çini parçalarının üzerindeki yazıtları değerlendirerek, şöyle yazdı: «...bu yazıtlar, küplerin çapı ve görevini göstermekle kalmadı, bir kimseye ait olmalarını ve üreticinin adlarını belirtiyordu. Böylece, runik yazma, çeşitli görevler gerçekleştirerek, Türk dilinde konuşan, ya da «Türk dilini, Türk söyleyişini bilen halk» tarafından okunmasına hizmet ediyordu¹⁵⁶.

IV. Kayaların üzerindeki ziyaretçi yazıtları

Bu yazıtların sayısı büyük, fakat kısa ve okunması zor olduğundan dolayı, bunlar okunmamış ve çoğu halde yayınlanmamıştır. Ancak defalarca ve her defasında başka bir şekilde okunan Haya-Uju metinleri bir istisna halindedir¹⁵⁷.

Anma metinleri olmayan, yol gösteren, sosyal ve günlük yaşayışa ait notlar niteliğindeki yazıtlar Dağlık Altay'da bulunur ve böyle yazıtların en büyük grubunu oluşturur. Bazı Altay yazıtları, belli şahıslara yöneltilmiş bir emir şeklindedir veya bir dilek ifade eder ya da ilgi çekici bir olay anlatır. Bunların araştırılması, metinlerin aranması ve kaydedilmesi safhasında bulunmakta, fakat şimdiye dek yapılan gözlemler bile bu yazıtların görünüşüne göre çok çeşitli yazılarla yazılmış olduğunu gösterir. Özel aletler kullanmayarak, her halde sadece bıçakla kayaların üzerinde yazılan bu grafitiler, S. V. Kiselov'un söylediği gibi, «geçerken yapılan notlar» izlenimini bırakır. Bu metinlerin okunmasında ilk varyantların hemen hemen her biri değişiyor, bazen de başka araştırmacılar tarafından ciddi itirazlara yol açıyordu. Bu husus, kayalar üzerindeki kısa not ve emirlerin zorlukla deşifre edilebildiğini gösterir.

Kayalar üzerindeki runik epigrafi, yazıtların çokluğu, yazıtların çoğunu yapanların profesyonel yazma sanatına sahip olmamaları, notların aceleyle,

¹⁵⁶ A. N. Bernştam, Drevnetürskiye runičeskiye nadpisi iz Ferganı. *EV*. No. 11. 1956. S. 57.

¹⁵⁷ W. W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 3. *Lfg.* St.-Pbg., 1895. S. 325–327; N. Orkun. *Eski Türk Yazıtları*. Cilt 3. İstanbul 1940. S. 89–92; S. E. Malov, *Yeniseyskaya pismennost türkov*. M.-L., 1952. S. 44–45; Z. B. Aragaçi, D. M. Nasilov. O nadpisi na skale Haya-Uju». *Uçenyje zapiski Tuvinskogo NİİYALİ*. Vıp. 10. Kızıl, 1963. S. 257–263; D. D. Vasilyev, *Korpus Türkskih ruhičeskih pamyetnikov bassejne Yeniseya*. L., 1983.

özenmeden yapılmış olması izlenimi sayesinde tartıştığımız soru için özel bir önem kazanır.

Üstelik, grafiti janrı (böyle bir terim yerinde olursa) runik yazmanın genişçe kullanıldığını doğrular. Son zamanlarda bu anıtların derlenmesi, özellikle Altay, Yukarı Yenisey, Kırgızistan'da bulunan yeni yazıtlarla hızla tamamlanmaktadır.

Çeşitli tür yazıtların araştırılması, Kök-Türklerin göçebe kültürü için okuma yazma bilmenin genişçe yayılmış olduğu fikri lehine bütünüyle bir delil kompleksini getirmek olanağını sağlar. Harf şekillerinin bireysel özelliklerine ve imlâ varyantlarına göre bir birinden çok farklı olan bu mezar kitabelerininin büyük çoğunluğu runik yazmanın Budist propaganda amacıyla kullanıldığını, yazıtların ütiliter uygulanması ve günlük yaşayış eşyalarını işaretleyen adlar (ancak tamgalar değil), eşyaların ve donatım parçalarının üzerinde bulunan yazıtlar, Merkezî Asya, Altay ve Kazakistan'daki çok sayılı grafitiler, bilimsel çalışmalar için bol bir malzeme verir.

D. D. VASİLYEV

GÖKTÜRK YAZI KÜLTÜRÜNÜN ASYA’NIN MERKEZİNDEN DOĞU AVRUPA’YA YOLU¹⁵⁸

Türk lehçelerinde konuşan göçmenlerin Ortaçağ devrinde Avrasyanın enginliklerinde kurdukları devletlerin oluşmasıyla ilgili en enteresan kültür gelişmelerinden biri, bu halkların yazılı anıtları ile yazıtları sayılabilir. Taş yapı veya kayaların üzerinde yapılan bu yazıtlar, Büyük Petro zamanından beri Rus bilim adamları tarafından, önce Güney Sibirya’da sonra da Moğolistan’da bulunmuştu. Günümüzde bu tip anıtlar veya benzerleri, Avrasya’daki isteklerin hemen hemen her yerinde bulunmaktadır. Bunlar, VI.–XI. yüzyıllar dönemini kapsıyan çeşitli göçmen ve yerleşik halkların tarihi, dili ve kültürü üstüne en değerli kaynak niteliğindedir.

Sibirya’da XVII. yüzyılın sonunda ve XVIII. yüzyılda toplanan, «bilinmeyen» yazılara ait bilgiler, II. Katerina zamanından beri Avrupa ilim âlemince belli olmuştu.

Yazıların dış görünüşü İskandinav runalarına benzediği için onlara «Sibirya runları» adı verilmişti. Fakat keşfedildikten sonra geçen ilk yüzyıl içinde, yazıların okunması şöyle dursun, bunların hangi dile ait olması bile belirlenmedi. Varsayımlar bir birini yalanlıyor, bilim adamlarının tartışmaları devam ediyordu. Bu esrarengiz yazıtların bir yandan runlara benzemesi, öte

¹⁵⁸ Путь письменной культуры древних тюрков из центра Азии в Восточную Европу. Опубликовано в: *Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten*. 1993. Ankara: Atatürk kültür, dil ve tarih yüksek kurumu, 1995 (Türk dil kurumu yayınları 613). S. 61–66.

yandan da ilk buluşların Güney Sibirya'da yapılması sayesinde, gerek Avrupa, gerekse Rus bilim adamlarının büyük dikkati, yüzyılı aşan bir dönem içinde bunlara veriliyordu.

XIX yüzyılın en son yıllarında, Rus arkeolog Nikolay Yadrintsev tarafından Moğolistan'da Orhon kıyısında, Yadrintsev'in kendi ifadesiyle «Sibirya yazmasıyla» ve Çince yazılan büyük paralel metinlerin keşfedilmesinden sonra, bu yazıların okunması başarılabilirdi.

Hedefe en yakın yaklaşan, Şarkiyatçı poliglot profesör Vilhelm Ludvvig Peter Thomsen oldu. Bundan tam yüz yıl önce, 15 Aralık 1893'te Danimarka Bilimler Akademisi toplantısında Thomsen, kendi buluşu hakkında rapor okudu. Bir ay sonra, 15 Ocak 1894'te Sankt Peterburg Bilimler Akademisi üyesi, Wilhelm Radloff, Thomsen' in buluşuna atfen, 731 yılında Göktürk prensi Kül-Tegin'in hayatını ve kahramanlıklarını övmek amacıyla yapılan yazıtın kendi tercümesini takdim etti. Thomsen, bu tercümeye yüksek değer vererek Rusyalı bilgine şunları yazdı: «Yazıtların tefsiri ve tercümesine gelince, kendimin Radloff olmamasından dolayı esef duyarım».

Danimarka, Finlandiya ve Rusya bilim adamları, XIX. yüzyılın sonlarında – XX. yüzyılın başlarında şarkiyat alanında yeni bir bilim dalının temelini atmışlardı. Bu, Göktürk runik yazı bilgisidir. Sonra bu bilim dalı, Türk, Macar ve Alman ilim adamlarlarının önemli eserlerinde geliştirilmişti. Bugün 300 kadar yazıt, Yenisey havzasında, Altay dağlarında, Yakutya, Orta Asya, Moğolistan, Çin Türkistanı, Kırgızistan'da bulunmuş ve yayınlanmıştır. Bu yazı geleneği, Orta Asya' da doğarak Doğu Avrupa' ya varır. Ancak İdil boyu, Kuzey Kafkas ve Tuna havzasında bulunan ve bu yazı geleneği ile yazılmış olan yazıtlar, şimdiye kadar okunamamıştır. Bu yazı geleneği ile kahramanların ve hükümdarların, asker ve çobanların mezarlarının yanında kurulan taş yapıların üstünde hemen hemen ikiyüz yıllık Türk imparatorluğunun tarihçesi yazılmıştır. Çeşitli kabilelere ait göçmenlerin hayatını yansıtan bu tarihçe, heyecanlı olaylarla doludur. İmparatorluğun Avrasya devletleri arasında oynadığı rol çok büyüktü. Türkler; Çin, Tibet, Uzak Doğu, Kuzey Sibirya ve Bizansla ekonomik ve diplomatik ilişkileri geliştiriyorlardı.

İmparatorluk yalnız göç alanlarından ibaret değildi. Yenisey Kırgızları ve Yukarı Yenisey bölgesinde yaşayan diğer Türk kavimleri, gelişmiş bir tarım sistemine sahipti. Sogd'ların ticaret merkezleri, müstahkem kasaba zinciri halinde Sayan ve Altaylar'dan geçen kervan yolları boyunca yerleşiyordu. Doğu Türkistandaki şehirlerle ticaretin anlaşma temeline oturtulmuş uzun vadeli karakteri vardı. Bunların izlerini Göktürk runlarıyla kağıt üzerinde yazılmış olan iş belgelerinde görmekteyiz.

Yazılarda göçmen toplumunun hayatının manevî ve sosyal tarafları yansıtılıyor. Tanrı panteonu, dünya görünüşüne ait kategoriler, çok dereceli devlet ve kabile hiyerarşisine sahip imparatorluk yapısı, yeteri kadar tam derecede restore ediliyor. Askerî ve politik tarihçesinin olaylarını yeni açıdan yorumlamaya imkân veriliyor, meselâ göçmenlerin, kendi soylarının topraklarını ve malını yerleşik halkların birliklerinden savunmaya mecbur oldukları ortaya çıkıyor.

Orta Çağ döneminde geniş, çoğu göçmenlerin yaşadıkları imparatorlukta devlet çapında kullanılan, otohton yazı dilinin oluşması ve uzun zaman içinde kullanılması olayı, Merkezî Asya'da yaşayan göçmen ve yerleşik halkların ekonomik ve kültürel ortak yaşamı sayesinde ortaya çıkabilmiştir.

Fakat Türk runik yazma biliminin çerçevesine bundan yüz yıl önce okunmuş olan Orhon – Yenisey tipi yazıtlardan başka geleneksel olarak tipoloji bakımından yakın, ama zor deşifre edilen, runiform denen yazıtlar da var. Bunların dil bilimi ve tarih bakımından yorumlanması ve etnik menşenin belirlenmesi, bugün Türk runolojisinin en çok tartışılan konusu olmuştur.

Oluşum zamanı, çeşitli araştırmacılarca geniş olarak, VI. dan X. yüzyıla kadar uzanan ve bir-iki satırdan ibaret olan kısa yazıtlar, kayaların ve kemik, taş, maden ve seramikten yapılmış olan ev eşyalarının üzerine yazıldı. Bu metinlerin okunmasındaki başlıca zorluk, işaretlerin fonetik anlamının, tipolojik benzerliklerine rağmen, Merkezî Asya (Orhon – Yenisey) Göktürk runlarıyla kıyaslanamamasından kaynaklanıyor. Bu yazıtların runolojik araştırma fonuna getirilmesi tarihçesi uyarınca, bunlara terim olarak «Doğu Avrupa runik yazıtları» adı verildi. Bu terim, zaman geçtikçe doğruluğunu kaybediyor. Bunun sebebi, epigrafik runik belgelerin yayıldığı bölgenin Asya kesiminde bulunan yeni yazıtların, işaretleri bakımından Orhon Yenisey veya Yedisu grafiklerine değil, Doğu Avrupa grafiğine benzemesidir.

Bundan önce bu gibi yazıtlara, bilhassa Merkezî Asya Bölgesinde, seyrek rastlanmıştır, yayınlamaları genel olarak enformasyon niteliğindeydi, okunmaları varsayım olarak değerlendirilebilir. Asya'da ilk bulunan bu tip buluşlar, iyice bilinmektedir. Bunlar, Talaş ahşap çubuğu ve Minusinsk ovasından küçük taş ağırlıklardır. Bu eşyaların üzerindeki yazıtlar, işaretleri bakımından, sık olarak bazı Doğu Avrupa runiform yazıtlarıyla karşılaştırılır. Her yeni buluştan sonra yayınlanan yazılarda geleneksel olarak tablolar çizilir ve bu tablolarda fonetik bakımından belirlenmeyen, fakat birbirine benzer işaretler, birbirinden çok uzak bulunan Kuzey Kafkas, İdil boyu, Nagysenmiklôs ve Güney Sibirya'dan kaynaklanmasına rağmen, bir sıraya konulur. Bu, dikkate değer bir gelenektir. Okunmamış Asyalı runiform

yazıtlarıyla aynı tip Doğu Avrupalı yazıtlar arasındaki benzerliğin, Merkezi Asya'da birbirine yakın bulunan Runik ve runiform yazıtlar arasındakinden daha büyük olması, her araştırmacının gözüne çarpar.

Şimdiye dek araştırmacılar, bu benzerliğini genetik akrabalıkla izah etmekten kaçınıyorlardı. Bunun bir kaç sebebi var. Herşeyden önce, runolojinin uzun bir dönemi içinde Merkezi Asya'da bulunan ve Doğu Avrupa'dakine grafik bakımdan benzeyen veya onlarla aynı olan runiform yazıtların sayısı küçüktü. Bir de ancak küçük eşyalar üzerindeki yazıtlar belliydi. Bundan başka, Doğu Avrupa tipi runik yazıtlarının bulundukları son noktalar, yani Yedisu ile Kuzey Kafkas arasındaki Orta Asya'ya düşen büyük bir boşluk vardı. Halen Asya bölgesinde belli olan, Doğu Avrupa runiform grafiğine yakın yazıt sayısı otuzu aştı. Fakat en önemli husus şu ki, bu tip yazıtların keşfedildiği yeni yerler belirlendi. Bu noktalar, runiform yazmanın kullanılma bölgesini veya varyantlarının yayılma yollarını gösteriyor. Söz konusu buluşlar, Doğu Aral bölgesi, Kızılkum çölü, İdil boyu, Azak denizi bölgesi ve sonra, en batısında Tuna havzasında yapıldı. Bunlar, runiform yazıtların yayılma yolları, kullanılma bölgesi ve belki de, deşifre edilmesini etkileyebilir.

Avrupa runiform yazıtlarını okumaya çabalayan araştırmacı önüne çıkan problemler, onu grafik benzerlikleri aramaya iter. Bu Avrupa runiform yazıtlarının şekil bakımından her yerde aynı olmamasıyla, aralarında iç varyantların bulunmasıyla tevsik edilir. Araştırmalarda Doğu Avrupa grafiğini karşılaştırma sistemi oluştu. Ne yazık ki, tipoloji bakımından yakın Asya örnekleri bu karşılaşmalarda çok küçük derecede gözönünde bulundurulur.

Araştırmalara yeni buluşların, bu arada gerek Asya, gerekse Avrupa yazıtlarının geçirilmesi, bunların kavranması, J. Nemeth'in Nagysentmiklós gömüsüne ait eşyalar üzerindeki yazıtları okuma çabalarında esaslı yaklaşımı ve bilim adamınca bulunan fonetik uyumların çoğunun doğru olduğunu gösteriyor. J. Németh'in belirlediği fonetik karşılıkların tamamlanması, sonraki dönemde A. Róna-Tas, S. G. Klyashomiy, A. M. Şçerbak ve İ. Vasary'ye şimdiye kadar tam olarak deşifre olmamış runiform yazmayla yazılan kısa yazıtların tek tük sözlerini okumak imkanını sağladı.

Bu yüzden Güney Sibirya'daki kayalar üzerinde yapılan runiform yazıtların ve okunması sırasında Asya runik işaretlerinin fonetik anlamlarından faydalanabileceği runiform metinlerin keşfedilmesi, özel bir önem kazanıyor. Bunu A. Róna-Tas, *Sarvash* yazıtını okurken kısmen gösterilebildi, Prof. O. Pritsak «Hazar belgesi» ndeki yazıtı okurken tamamen başardı. Biz de aynı yaklaşımı varsayım olarak yay ve ok kılıfının üzerindeki kemik süsler üstünde yapılan yazıt için teklif ediyoruz.

Asya bölümündeki runiform yazıtların çoğu, Sayan ve Altaylarda bulunuyor. Yazıt kompleksleri, genel olarak tabîî tapınma yerlerine bağlı olup sihir sözü veya ziyaretçi notu niteliğindedir. Sayan-Altay runiform yazıtlarının paleografik özelliklerine göre, bu yazma şeklinin Orhon-Yenisey runlarına kıyasla daha arkaik olması sanılabilir. Yazıtların teknik bakımdan daha düşük düzeyde yapılmış olması ve bunların, Orhon-Yenisey bölgesinde olduğu gibi, mezar taşları üzerinde kutsal kitabeler halinde bulunmaması, bu sonuç lehine bir delil daha.

Merkezî Asya ve Avrupa runiform yazıtlarının jenerik bakımdan karşılaştırılması için engel gözüyle bakılan husus, bu iki bölgeyi birleştiren geniş kesimde bu tip yazıtların bulunmasıydı. Aral bölgesi, Sirderya havzası, Fergana ovası, Kızılıkum çölü, Hazar denizinin Kuzeyindeki bozkır (eski Hazar devleti toprakları) gibi bölgelerde yapılan yeni buluşlar, bu boşluğu doldurur.

Yazıt bulma yerleri, Doğudan Batıya ilerleyince bir zincir oluşturur. Bu zincirin doğrultusu, göç ve ticaret yollarına uyar. Doğu Avrupa kesiminde runiform yazmanın daha geliştirilmiş grafik sistemi, iyileşme, daha bileşik ve detaylı olma belirtileri dikkati çeker. Edinilen izlenime göre, arkaik yazma, asıl bu yerlerde yeniden doğuşu ve gelişmesi için ivme almıştır. Merkezî Asya'da runiform varyantının Türk ve Kırgız soylularının mezar taşlarında kullanılmamış olması da, bu sonuca aykırı gelmiyor. O zamanlarda runiform varyantın yerini iyi ve bazı hallerde çok şekilde okunabilen Türk runik alfabesi aldı.

Biz, bu tür yazıtlar için terim olarak «arkaik tip runiform yazıtları» adını teklif ediyoruz. Bu yazıtların çoğu, Altay dağlarında bulunuyor. «Arkaik tip» runiform grafik sistemin geliştirilmiş olmamasını ve aynı zamanda onun runik yazıtlarla şüphe götürmez tipolojik akrabalığını gözönünde bulundurarak, bir kaç yıl önce yayılan ve Türk runik yazmasının Türk Orhon İmparatorluğu, ya da İkinci Türk Kağanlığı zamanında Sogdlardan alınıp uydurulmasını farzedenden varsayıma yeni gözle bakmak zorundayız.

Başka bir varsayıma göre, Sayan-Altay dağlarında aynı zamanda ayn dillere ait yazı sistemi, yani «Türk runik» ve «Güney Yenisey» denen yazı sistemleri vardı. Elimizde bulunan materyaller, Güney Yenisey varyantının hangi halka ait olması hakkında fikir edinmek imkanını vermiyor. Bunun içindir ki, onun Samodi menşei mümkün sayılır.

Bu hususla ilgili olarak en az iki itiraz ortaya çıkıyor. Birincisi, yazıtların bulundukları tüm noktalar zinciri boyunca bunlara, Türklere ait arkeolojik eşyalarla birlikte rastlanmasıdır. Kızılıkumlarda Samodilerin mevcut olması, izah edilemez.

Bir varsayım daha uyarınca, runiform yazının şekillendirilmesi, en geç IV.–V. yüzyıllarda Doğu Türkistan'ın vahalarında Sogd yazmasının belirleyici etkisi

altında geçiyordu Birinci Türk kağanlığında bu yazı, devlet tarafından destek görmemiştir. Sonra Probulgar (Tele) kavimleriyle Batı'ya doğru İdil, Don ve Tuna havzalarına kadar yayılan yazı, burada birkaç varyant halinde mevcuttur.

Bu sorunda ana delil, Birinci Türk Kağanlığı dönemine ait runik yazıtlı anıtların bulunmuş olmamasıdır. Bir teyit olarak Soğd yazısıyla yapılan ve Türk kağanını öven Bugut yazıtı gösteriliyor.

Bu varsayım en büyük dikkate değer. Oysa ki, Doğu Türkistanda kaynaklanan runiform tip yazıtların mevcut olmaması, en arkaik ve ilkel runiform yazıtların en çok miktarda Dağlık Altaylarda bulunması ve Türklerin ilk olarak Altay ile ilgili olarak zikredilmesi, bunun tamamen kabul edilmesini engellemektedir. Bu aşamada Sogd menşei de şüphelidir. Sogd alfabesi, runiform arkaik yazıtlar, Orhon tipi Türk runik yazısına uyarlanırken ve bunun tek şekli hazırlanırken belli bir etkiye bulunmuştur. Fakat çok uluslu devleti kurma sürecine katılmış olmayan Türk dilli kavimler tarafından Sayan-Altay karma karışıklıklarında IV.–V. yüzyıllarda çok daha yüksek grafik düzeyde bulunan yabancı dil yazı sisteminin benimsenmesi, az muhtemel görülüyor. Ancak Hazar-Bulgar ve Orhon devletleri geliştikçe, runiform yazı da gelişmeye başladı. Fakat bu gelişme yolları farklıydı. Merkezî Asya'da bu yazı, yoğun Sogd etkisi altında reformdan geçirildikten sonra VII. yüzyılın ikinci yarısında – VIII. yüzyılın başlarında, Louis Bazin'in deyimiyle, «Türklerin millî yazısı» haline gelir. Doğu Avrupa'da da Merkezî Asya'nın arkaik grafik temeli iyileştirilip geliştirilir. Tabii, bu tahmine göre, Türk runik alfabesinin ancak iki varyantının mevcut olduğunu düşünmek doğru değil. Çeşitli sebepler, soy simgeleriyle ilgili gelenekler, yerel özellikler, başka dillerin grafiğinin etkisi çeşitli değişmelerin oluşmasına yol açmıştır. Bu otohton yazının, kavimlerin birbirinden ayrılmış olmasından dolayı, çok çeşitli varyantları vardı. Bunlardan hiç biri, genel devlet statüsüne sahip olmadı. Hepsi günlük yaşayışta kullanılıyordu. Fakat asıl bu yazı, Türk lehçelerinde konuşan kavimlerce (genel olarak Tele kavimince) Doğu Avrupa'ya getirildi.

Bu gün elimizde yeteri kadar büyük miktarda runiform yazıtlar var. Bunlar, uzun zaman içinde büyük enginliklerde kullanılan orijinal, Türk dilli yazma sisteminin mevcut olmasını ve bu sistemin içinde çeşitli varyantların bulunmasını gösteriyor. Zaman geçtikçe bu sistem modernizasyonda geçirilmişti. Bu modernizasyon çok başarılıydı. V. V. Barthold, runik alfabenin Türk lehçelerine sonraki tüm alfabelerden, bu arada Arap, Latin ve Kiril alfabelerinden de daha iyi uyduğuna işaret etti.

Merkezî Asya'dan Doğu Avrupa'ya kadar uzanan bölgede bulunan yazıtlar şu tahminde bulunmak imkânını veriyor: Ortaçağ döneminde Avrasya'da yaşayan ve Türk lehçeleriyle konuşan göçmenlerin kullandıkları yazı sistemleri arasında şekil

ve menşe bakımından belli genellik veya hiç olmazsa akrabalık var. Avrasyanın dağ ve bozkırlarında geçen kültür gelişme süreçleri incelenirken, şimdiye dek gereği kadar güvenilir bir şekilde okunmamış runiform yazıtların yanısıra modernize edilmiş Orhon tipi Türk runik yazıtlarının bir evrim kompleksi olarak araştırılması, bundan önce arkeologlar tarafından kaydedilen ve tüm bölgede yer alan, ayrı maddî kültür öğelerinin benzerliğine yeni deliller sayılır. Buna göre, söz konusu benzerlikler, ayrı ayrı kültür değişimi olaylarla değil, genel devlet kültürlerini şekillendiren güçlü geleneğin ifadesiyle izah edilir. Bu kültürler, pratik olarak tüm Ortaçağ dönemi boyunca yerli ve bölgesel kültürlerle yanyana yaşayıp geliyordu.

Bildirime son verirken şunları kaydetmek istiyorum: Bu salonda çok sayıda gençleri, öğrenci ve araştırmacıları görmekten dolayı çok mutluyum. Bildirimle, Göktürk harflerinin 100 yıl önce okunmasına rağmen, türkolojinin bu alanında çok yapılmamış bir çok şeyin olduğunu göstermek istedim. Böylece, siz gençler için geniş faaliyet alanı ve Thomsen'in yazdıklarını tekrar etmek imkanı açılıyor. Hepinize bu çalışmalarda başarılar dilerim.

Dmitriy D. VASİLYEV

GÜNEY SIBİRYA’DA GÖKTÜRK TAŞ HEYKELLERİNDE SAÇ, BIYIK VE SAKAL ŞEKİLLERİ¹⁵⁹

Sibirya ve Orta Asya’da bulunan ve arkeologlarca «taş baba» adı verilen taş heykeller, Türklerin en eski portreleridir. Göktürk taş heykellerinin ne ifade ettiği çeşitli bilimsel çalışmalarda hararetle bir biçimde tartışılmış ve birkaç varsayım öne sürülmüştür. Ancak uzun tartışmalar ve çeşitli delillerin gösterilmesi sonucunda şu görüş ağırlık kazanmıştır diyebiliriz: Göktürk taş heykelleri, yenilmiş düşmanlar değil, ölen veya savaşta can veren Türk askerlerinin kendilerini temsil etmektedir. Bu nedenle Güney Sibirya’daki taş heykellerin yüzlerindeki detayların VIII.–IX. yüzyıllarda Sayan ve Altay dağlarında yaşayan Türklere ait oldukları kabul edilebilir¹⁶⁰.

Göktürk heykelleri, erkek heykelleridir; bunlar, görüldüğü üzere, çoğunlukla bir cenaze töreninde oturarak yemek yiyen arkadaşları tasvir eder. Göktürk heykellerini araştıran bilim adamları, bu heykeller için birçok sınıflandırma teklif ettiler. Heykeller, bir kadehin var olmasına, bu kadehi tutma biçimine, giysi detaylarına, kuşak, silâh, süs, kuşağa takılı eşya çeşitlerine ve nihayet, bir başlığın

¹⁵⁹ Прически, усы и бороды древнетюркских каменных изваяний из Южной Сибири. Опубликовано в: *Saç Kitabı*. İstanbul, 2004. S. 51–55.

¹⁶⁰ L. A. Yevtyuhova. *Kamennyye Izmyaniya Yujnoy Sibiri i Mongolii*. Moskova, 1952; A. D. Graç. *Drevnetyurkskiye Izvayaniya Tuvi*, Moskova, 1961; Ya. A. Tşer. *Kamennyye Izvayaniya Semireçya*. Moskova-Leningrad, 1966.

mevcudiyeti ve başlık tiplerine göre gruplara ayrılmıştır¹⁶¹. Göktürk heykellerinin yüzlerini saç, bıyık, ve sakal tiplerine göre de sınıflandırmak pek tabii bir şey gibi geliyor. Ancak, böyle bir sınıflandırma, araştırmalarda hemen hemen hiç yer almadı. Bazen, sadece sakalın veya bıyıkların, ya da kısmen veya tamamen saçları örten başlığın mevcut olması belirtildi¹⁶².

Saç, bıyık ve sakal şekillerini incelerken, kaşları da zikretmek gerekir, Heykellerdeki yüzlerde kaş şekline ve yapılma tekniğine büyük dikkat gösteriliyordu. Kaide olarak kaşlar, burun kökü üzerinde aralığı olmayan tek bir şerit şeklindeydi. Bu şerit, oyma veya rölyef tekniği ile yapılıyordu.

Göktürklerin çoğunun Moğol antropolojik tipine ait olması dolayısıyla, yüzlerinde az miktarda saç bulunmaktadır. Bu nedenle heykellerin sadece bir kısmında bıyık ve daha az sayıda bir kısmında da sakal görülmektedir. Şunu da kaydedebiliriz ki, bıyık ve sakallar, Avrupa ve Moğol tiplerinin birleştiği ve Avrupa unsurlarının üstün geldiği heykellerde görülür.

En erken dönemde Sayan ve Altay dağlarında yaşayan Türkler hayalinde kötü tann karşısındakiler! korkutmak için ne tür bir saç şekli ile savaşa girişmekteydi? Bunu tasavvur edebilmek için gerekli verileri Bronz Çağma ait insan yüzü resimlerinde ve bu resimlerin rekonstrükyonlarında bulabiliriz. Saçlar, başın tepesinde toplanıp boynuz şeklindeki bir takıya bağlanır, yüzün etrafında da alev ve ateşi sembolize eden ışıklara benzer saç bulunurdu. Bu itibarla, şu husus ilgi çeker: *Altay Baatırlar* destanının ozanı, şaman Aleksey Kalkin'den aldığımız bilgilere göre, Yer, Su ve Erlik han gibi en güçlü tanrıların kırmızıya çalan saçları bulunmaktadır.

Savaş sırasında bir Türk askerinin saçları düşman korkuturdu. Bu amaçla, saçlar ensede bir at kuyruğu şeklinde bağlanırdı. Bu tür saç şekilleri, Hakasya'nın Kopönü köyü yakınındaki meşhur kurganın kazılan sırasında altın ve gümüş eşyalarla birlikte bulunan bronz plakadaki resimde görülmektedir. Bu resim, S. V. Kiselöv tarafından yayınlanmıştır¹⁶³. Benzer resimlere Sulek yazılı kayasında

¹⁶¹ D. G. Savinov. Antropomorfruye izvayaniya i vopros o rannih tyurko-kırgızskih svyazyah. *Tyurkologičeskiy Sbornik*, 1977. Moskova, 1981. S. 242–248; A. A. Şarikov. Rannesrednevekoviyе skulpturi iz vostočnogo Kazahstana. *Sovetskaya Arheologiya*. 1976. No. 4; V. D. Kubarev. *Drevnetyurkskiye Izvayaniya Altaya*. Novosibirsk, 1984. S. 22–46; V. E. Voytov. Kamenniyе izvayaniya iz Ungetu. *Tsentralnaya Aziya — Novye Pamyatniki Pismennosti i İskusstva*. Moskova, 1987. S. 92–109.

¹⁶² A. A. Şarikov. Novaya seriya kamennih statuy iz Semireçya. *Srednevekoviyе Drevnosti Yeuraziyskih Stepey*. Moskova, 1980. S. 213–234; V. E. Votyov. *Drevnetyurkskiy Panteon i Model Mirozdaniya*. Moskova, 1996. S. 83–91, 107–111.

¹⁶³ L. A. Yevtyuhova, S. V. Kiselev. *Otçet o Rabote Sayano-Altayskoy Arheologičeskoй Ekspeditsii v 1935 Godu*. TGIM, Moskova, 1941.

da rastlanır. Sulek resimleri ilk olarak J. Aspelin¹⁶⁴ tarafından defalarca yayımlandı, geçen. ağustos ayında tarafımızdan da titiz bir şekilde tekrar kopyalandı.

Yukarı Altaylarda bulunan ve bilim adamlarınca iyi bilinen Kudırge taşı üzerindeki VII. yüzyılın birinci çeyreğine ait kompozisyon, en erken Göktürk portresi olarak kabul edilir. Bu amt bugün kaybolmuş sayılır. Heykelin yüzünde uçlan zarif bir biçimde yukanya burulmuş ince yatay bir çizgi şeklindeki bıyık açık bir şekilde görülür. Erkek portresinin sakalındaki üç köşeli kılıf da, barzır bir biçimde gösterilmiş bir ayrıntıdır¹⁶⁵.

Kudırge taşındaki resimler, üslûp bakımından erken Türk petrogliflerinden Göktürk heykelcilik tasarıma bir geçiş mahiyetindedir; bıyık, kılıflı sakal ve saç örgüsü de dâhil olmak üzere, yüz detaylarının gösterilmesinde daha geç dönemlere ait Tuva ve Hakasya heykelleriyle şüphesiz paralellikler taşımaktadır.

Resim tekniği ister rölyef olsun işer oyma tarzı olsun, bütün bıyıklı heykellerde bıyıklara özel bir şeklin verilmesi dikkati çeker. İnce yatay çizgiye benzetilen bıyıklar, dudaklardan daha uzundur, uçları mahsusen zarıfçe yukan burulmuştur. Bu durum, Göktürk toplumun- da bıyıklara belli bir şeklin verilmesi hususunda bir modanın hüküm sürdüğünü, âdâp kuralları gereğince bıyıklara gerekli bakımın yapıldığını ortaya koyar; ayrıca, yüzün ön cephesinin, bugünkü deyişle, protokol taleplerine göre düzenlendiğini gösterir. Ölen kahramanın görünüşüne belirli bir şeklin verilmesi gerekiyordu, belirli bir biçimde traş edilmiş bıyıklar da bu gereğin bir parçasıydı.

Yedisu ve Orta Asya'daki heykellerde olduğu üzere, Sayan ve Altay bölgesindeki heykellerde de bir kıyafet detayı olarak, kısmen veya tamamen saçları örten bir başlık var. Başlık yerinde, bir savaş miğferi, bir kapişon, bir takke veya Çin tipi küçük yuvarlak bir şapka olabilir. Bu küçük şapka altında bir demet şeklinde toplanan saçlar bir firkete ile tutturuluyordu. Bazı heykellerin yüzlerinde başlık kenarı açıkça gösterilmiştir. Bazen kenarların, arkaya taranmış saç çizgileri olduğu düşünülebilir. Farklı olan unsur, başın tepesinde saçları ortadan ikiye ayıran çizginin bulunup bulunmaması ve heykelin arka cephesinde saçların görünümüdür.

Sayan ve Altay heykellerini diğer bölgelerdeki heykellerden ayıran detay (bu detay heykelde varsa), kaim bir örgü hâlinde toplanan saçlardır. Heykellere bakarak, örgünün bir kılıfa konulduğunu tahmin edebiliriz. Bazı heykellerde kulakların

¹⁶⁴ *Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelin's Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889 Herausgegeben von Hjalmar Appelgren-Kivalo.* Helsingfors, 1931, tabl. 65.

¹⁶⁵ S. I. Rudenko, A. N. Gluhov. *Mogilnik Kudırge na Altaye. Material po Etnografii.* 1927. C. III. No. 2.

üstünde ve şakaklarda saçların traş edilmiş olduğu görülür. Bu durumda, geriye kalan saçlar başın tepesinde toplanarak örülmüştür.

Doğu Türkistan ve Orta Asya fresklerinde, Yedisu ve Orta Asya heykellerinde Türklerin iki, üç veya birkaç saç örgüsü vardır. Güney Sibirya Göktürk heykellerindeki saç şekillerinin bundan farklı olması, başka etnik kültürden ve yerli halkın başka estetik geleneklerinden kaynaklanmaktadır.

Göktürk toplumunda insanın görünüşüne büyük önemin verildiğini ispatlayan bir delil daha bulunmaktadır: Bu da, göçebe yaşayışında maden aynaların yaygın kullanımıdır. Aynanın her erkeğe gerekli olduğu düşünülür ve aynanın tabiatüstü bir güce sahip olduğu varsaydırdı. Bir askerin ölümünden sonra da ayna, sahibinin yanında kalmalıydı. Birçok mezarda diğer bazı eşyalarla birlikte bütün bir ayna veya bir ayna parçası bulunmuştur. Bazı aynalar ve ayna parçalarının üzerinde sahiplerinin özel işaretleri Göktürk harfleri ile aynanın kenarına yazılmıştır¹⁶⁶.

Orta Asya göçebelerine özgü kültürel ve törensel geleneklerin Eski Çağdan erken Orta Çağ dönemine devredilmiş olması birçok araştırmacı tarafından kaydedilmiştir¹⁶⁷. Öte yandan, en eski Çin kaynaklarında, Türk kavimleri Sayan ve Altay bölgesinin aslî halkı olarak zikredilmektedir. Bütün bunlara dayanarak, bu bölgedeki Göktürk heykellerinde görülen saç, bıyık ve sakal şekillerinin ve yine bu heykellerde görülen dış görünüm ayrıntılarının çağımızın ilk asırlarına kadar uzandığını farzedebiliriz. Göktürk taş heykellerinde gördüğümüz saç, bıyık ve sakal şekilleri, yapıları ve çeşitleri, Türk kavimlerinin etnik tarihi bakımından değerli bir kaynak niteliğindedir. Bu malzemenin bir sisteme bağlanması ve tahlil edilmesi, gayet geniş Avrasya bölgesinde yaşamış olan çeşitli etnik toplulukların karşılıklı kültürel etkileşimi konusunda ilgi çekici neticeler verecektir.

¹⁶⁶ Ya. A. Тшер, *Kamenniye izvayaniya Semireçya*. Moskova-Leningrad, 1966; A. A. Шариков. *Kamenniye Babı Kazahstanskogo Prnrıışya*. Omsk, 1979.

¹⁶⁷ D. D. Vasilyev. *Korpus Tyurkskih Runičeskih Pamyatnikov Basseyına Yeniseya*. Leningrad, 1983. S. 37–39.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

КОЧЕВАЯ АРИСТОКРАТИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ КАГАНАТА¹⁶⁸

Историко-филологические интерпретации групп древнетюркских памятников, которые могут быть объединены территориально, предлагались сравнительно редко, хотя обобщения и корреляции текстов весьма кратких надписей позволили бы более полно использовать их как источник. Большинство известных памятников с древнетюркскими эпитафиями составляют сейчас музейные коллекции. Сведения в музейных паспортах и в публикациях указывали обстоятельства и место находки каждого отдельного памятника, а при сопоставлении этих данных с местностью определились группы памятников, находившихся на территории одного родового могильника, одной долины или иной зоны, имеющей четкие природные границы. Картографирование памятников с эпитафиями осложнялось тем, что они поступали в музейные коллекции в течение столетия, часто доставлялись краеведами-любителями, и поэтому точные сведения о пунктах находок в ряде случаев отсутствовали.

Основную часть надписей составляют эпитафии: они невелики по объему, а состав их лексики в ряде случаев ограничен текстовой формулой. Будучи одновременно письменными и археологическими памятниками, они

---

¹⁶⁸ Опубликовано в: *Chronica. Annual of the Institute of History University of Szeged, 2007–2008*. S. 249–260.

дают возможность применения различных исследовательских методик. Текстологическое исследование эпиграфического памятника в целом совпало с изучением любого другого письменного источника. Вместе с тем монументальный характер сооружений с эпитафиями позволяет их локализовать, картографировать, датировать по археологическому комплексу и сопоставить эти данные со сведениями текстов одной или целой группы надписей.

Древнетюркские эпитафии на каменных сооружениях в большинстве своем отличаются трафаретной текстовой основой и определенным лексическим репертуаром. Тем не менее каждая надпись имеет текстовые, формально-композиционные, графические, семантические, художественно-изобразительные и другие особенности, что делает каждый памятник уникальным историко-культурным и письменным источником. Связь каждой эпитафии с конкретной персоной, имя, титул, символы и жизнеописание которой в различной степени представлены в тексте, подчеркивает эту уникальность. Однако трафаретная основа древнетюркских эпитафий позволяет применить для исследования методику источниковедческой формализации письменных памятников массового типа.

Тексты древнетюркских эпитафий редко анализировались путем взаимного сопоставления как группа хронологически и территориально объединенных исторических источников. Чаще всего из одного-двух памятников извлекалась информация об определенном событии, а эта информация сопоставлялась с сообщениями иноязычных авторов. Тем самым большая часть информации, содержащейся в надписях, оставалась за пределами источниковедческой интерпретации. Краткость древнетюркских эпитафий и отсутствие у многих из них надежных переводов и датировок также способствовали этому.

Полевые археографические исследования позволили в отношении енисейских эпитафий установить, какие из них находились в непосредственной близости друг от друга и могут быть объединены в группы по территориальному принципу. Текстологическое исследование этих эпитафий дало дополнительный материал для подобной интеграции. В составе такой группы оказываются как пространные эпитафии, повествующие об определенных событиях жизни героя и его народа, так и краткие, состоящие только из имени и тамги.

Трафаретная основа большинства древнетюркских эпитафий позволила систематизировать данные этих текстов, относящиеся к личности героя той или иной надписи. Содержание различных по объему эпитафий рассмотрено нами по следующей схеме:

- имя героя надписи (личное, «геройское», официально-должностное);
- сведения о возрасте героя в момент определенных событий (смены имени, смерти родственников, совершения подвига, собственной смерти и т. п.);
- социальная характеристика, зафиксированная в тексте, унаследованный или приобретенный титул;
- родовая принадлежность героя, другие этнонимы, упоминающиеся в тексте (враги, союзники, породнившиеся этнические группы);
- топонимы и географические указания, упоминающиеся в тексте;
- заслуги героя надписи;
- родовая тамга.

Информация по данной схеме была систематизирована на основе текстов более ста надписей. Ниже приводятся некоторые примеры.

Памятник Е 108

Бёпо, сын Алтая.

Бег, правитель низины Ойук и низины Эпок-Ойук.

Долина р. Ойук (Уюк).

Добыл богатство в военных походах, лично убил 15 вражеских воинов, сам был, по-видимому, также убит.

Тамга.

Памятник Е 3

[Ючин] Кюлюг Тириг.

Умер шестидесятитрехлетним.

Подчинен хану, обладатель пояса с 50 золотыми пряжками (знак воинского отличия и ранга), владелец шеститысячного табуна, имел пожалования от хана, имел в подчинении знатных и рядовых воинов (алп и эр) и простолюдинов (кара будун).

Называет своим народ тюльберов.

Владетель местности и реки Эпок-Катун (р. Уюк).

Служил правителям каганата (тенгри эль).

Тамга.

Памятник Е 11

Тёрю-Апа («Отец закона»).

В 15 лет был отправлен к императорскому двору в Китай для воспитания и образования в качестве почетного заложника, умер в 67 лет на чужбине.

Имел чин ич эрки, представитель знатного рода, имел золото, серебро, дорогие ткани, скот. Был женат на знатной китаянке. Прожил, по-видимому, большую часть жизни вдали от родных мест, но поддерживал связи с многочисленными друзьями и сородичами, много путешествовал, тосковал по родине. Текст надписи отличается изысканным стилем и поэтичностью.

Памятник Е 59

Кюлюг-Йигин, сын бега, имевшего титул ынал ёга.

Погиб в 27 лет, сражаясь с врагами.

Знатный воин, наследник правителя.

Вне связи с родом героя упоминается народ токуз-татар. Наиболее вероятным будет предположение, что именно в бою с токуз-татарами был убит герой надписи.

Заслужил «геройское имя», погиб, сражаясь с врагами, имел хорошие отношения с сородичами.

Тамга.

Памятник ЕЮ

Бег, глава рода, обладатель знамени и золотого пояса, владелец многочисленного табуна и стада. Благодаря доблестной службе хану получил титул эрки (по-видимому, ич эрки — «внутренняя служба»). Оборонял родные земли и сородичей во время нападения вражеского отряда и погиб в неравном бою («восемь против ста»). «Повязал себе золотой пояс под знаменем хана Кёртле. Достиг чина эрки благодаря своей бегской доблести и по милости имеющего знамя хана Кюлюг-Ток-Бёгюта».

Ревнитель родовых законов (тёрю), соблюдать которые завещает потомкам. Сообщается о благоденствии рода в период правления героя надписи и о его заслугах перед каганатом.

Памятник Е 1

Эль-Тоган-тутук.

Умер в 60 лет.

Тутук, затем стал эльчи (посланником), затем - бегом шести родов (багов).

Возглавил союз шести багов, был от них посланником, по-видимому, к правителям каганата («к моему небесному государству» — тенгри элимке).

Тамга.

Памятник E14

Эльчи Чор-Кюч-Барс.

Достиг совершеннолетия, имел сына.

Знатный воин, возможно, бег, имя указывает на личное участие в посольствах или родственные связи с посланниками. Находился на службе у улуг шада («великого шада»).

Тамга.

Памятник E 44

Кюлюг-Тоган, сын Арслан-Кюлюг-Тирига.

Погиб в бою в 40 лет.

Глава рода, военачальник, подчинен хану.

Глава рода ёз кюлюль.

Проявил воинскую доблесть, сражаясь с врагами, убил девять воинов, участвовал в боевых действиях объединенных войск каганата.

Тамга.

Памятник E12

Чочук-Бёри-сангун.

Владелец обрабатываемого поля, находился, по-видимому, в зависимости от госпожи (катун), которая являлась его теткой.

Тамга.

Памятник E100

Памятник, по-видимому, сооружен в честь воина, отличавшегося преданным служением своему бегу, личной скромностью. Герой надписи принадлежал к объединению шести родов азов (алгы азбудун), подчеркивается верная служба своему народу.

Тамга.

Памятник E 42

Ёз-Тогды. Умер в 67 лет.

Бег, подчинен хану, имел бегов-союзников, тысячные стада, богатую казну, парчовые ткани, отряд воинов, челядь. Герой надписи называет себя сангуном (сангун битидим), т. е. военачальником. Имел сто знатных родственников, был владельцем священных территорий (Ёз йерим ыдук йерим).

Проявил воинскую доблесть, убив многих врагов.

Тамга.

Рассмотрение по данной схеме текстов енисейских эпитафий, в особенности тех, которые найдены на памятниках, расположенных в относительной близости друг от друга, позволило сопоставить информационные блоки персоналий нескольких десятков эпитафий. На первом этапе анализа были выделены группы памятников, общность которых обусловлена указаниями в тексте на родство героев эпитафий, на одни и те же территориальные владения, на унаследованные титул, тамгу, имущество и пр. Учитывалось также и место сооружения памятника в непосредственной близости от других, составляющих данную группу, а в тех случаях, когда это оказывалось возможным, — относительная хронология и очередность их сооружения.

Взаимные сопоставления сведений различных эпитафий одной группы позволили в ряде случаев уточнить относительную хронологию исторических событий в регионе, определить родовые территории и изменение их границ и линии наследования. Родовые и социальные связи героев надписей оказались более четко представленными и образовали определенную историческую цепь. Что касается традиции сооружения памятников с древнетюркскими эпитафиями, то она просуществовала в регионе примерно в течение полутора столетий, отразив военную и родоплеменную иерархию. Сопоставления текстов локализованных групп верхнеенисейских эпитафий достаточно отчетливо демонстрируют родовые и социальные связи героев надписей, что дает возможность с определенными допущениями реконструировать родовые генеалогии знати на периферии тюркской империи.

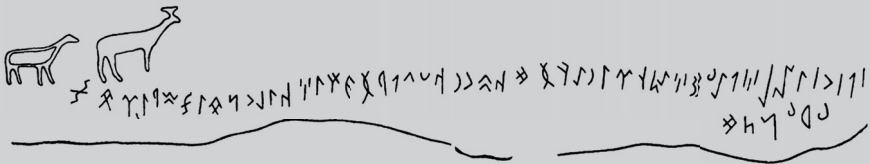
История раннесредневековых государственных образований кочевников известна главным образом по иноязычным источникам. Поэтому история этих народов остается как бы безличностной и содержит сведения только о деятелях высшего государственного уровня. Упоминания же о знати, чьи родовые владения находились на окраинах империй, в иноязычных источниках почти полностью отсутствуют.

Сравнительный анализ древнетюркских эпитафий (включая даже самые краткие, состоящие из имени и тамги) как взаимодополняющих единое историческое повествование текстов позволяет заполнить историю тюркоязычных кочевников именами реальных лиц и представить их место в политической структуре каганата.

Раздел 5

ФОТОГРАФИИ
Д. Д. ВАСИЛЬЕВА
РАЗНЫХ ЛЕТ

Библиография трудов Д. Д. Васильева

Васильев Д. Д. Тюркская руническая надпись из окрестностей Баян-кола. *Конференция молодых научных сотрудников и аспирантов ИВ АН СССР. Тезисы докладов.* М., 1973. С. 102–103.

Васильев Д. Д., Кляшторный С. Г. Тюркская руническая надпись Ыыр-Сайыр. *СТ.* 1973. № 2. С. 105–110. *Опечатка: на с. 110 в тексте рис. тамги дан набором.*

Васильев Д. Д. Вопрос о распространении грамотности у древних тюрков. *Бартольдовские чтения-1974.* М., 1974. С. 16–17.

Васильев Д. Д. Руническая надпись на камне-амулете. *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* X. М., 1974. С. 57–60.

Васильев Д. Д., Кляшторный С. Г. *Эпиграфические исследования на Верхнем Енисее. Археологические открытия-1973.* М., 1974. С. 208.

Васильев Д. Д. Графические особенности памятников Хойто-Тамира. *Вопросы восточного литературоведения и текстологии.* М., 1975. С. 100–109.

Васильев Д. Д. Исследования в Саянском каньоне. *Археологические открытия-1974.* М., 1975. С. 192.

Васильев Д. Д. К изданию Корпуса тюркской руники бассейна Енисея. *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* XI. М., 1975. С. 90–95.

Умняков И. И. *Аннотированная библиография трудов В. В. Бартольда. Н. Н. Туманович. Описание архива В. В. Бартольда.* Д. Д. Васильев — сост. ук. имен., геопонимики, этнонимов, назв. вост. соч., предметно-тематич. и др. М., 1976. С. 370–466.

Васильев Д. Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала. *Советская тюркология.* 1976. № 1. С. 71–81. *Опечатка: на с. 80, в заголовке вместо «Алая» значитя «Алтай».*

Васильев Д. Д. Методика палеографического исследования тюркской руники. *Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР.* Алма-Ата, 1976. С. 30–31.

Васильев Д. Д. Древнетюркская эпиграфическая традиция в Малой Азии. *История и филология Турции. К 100-летию со дня рождения академика В. А. Гордлевского.* М., 1976. С. 10–12.

Васильев Д. Д. Руническая надпись из окрестностей Баян-Кола. *Советская тюркология.* 1976. № 3. С. 97–101.

Беляева Н., Васильев Д., Ли Ю, Маштакова Е., Орешкова С., Юсипова Р. 100-летний юбилей академика В. А. Гордлевского. *Советская тюркология.* 1976. № 5. С. 95–99.

Бартольд В. В. *Сочинения.* Т. IX. М., 1977. Д. Д. Васильев — сост. алфав. ук. С. 956–964.

Васильев Д. Д. Вопросы древнетюрк. источниковедения. *Великий Октябрь и Турция*. М., 1977. С. 81–86.

Васильев Д. Д. Еще о древнетюркской эпиграфике Тепсея. *Советская тюркология*. 1977. № 2. С. 79–81.

Васильев Д. Д. Культурно-письменные центры тюркского каганата. *Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. К 200-летию со дня рождения*. Мат. конф. Ч. II. М., 1977. С. 79–82.

Васильев Д. Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. *Тюркологический сборник-1975*. М., 1978. С. 99–101.

Васильев Д. Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала. II. *Советская тюркология*. 1978. № 5. С. 92–95.

Васильев Д. Д., Раззакова Э. И. Тюркологическая тематика Бартольдовских чтений 1974–1978. *Известия АН Туркменской ССР*. Вып. 1. Ашхабад, 1979. С. 94–96.

Васильев Д. Д. Тюркская руническая надпись Хэнтэй I. *Советская этнография*. 1978. № 3. С. 149–151.

Васильев Д. Д. Тюркская руника на металлических зеркалах из Минусинской коллекции. *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. XIV. М., 1979. С. 27–33.

Васильев Д. Д. Древнетюркская эпиграфика как этно-лингвистический источник. *Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий*. Омск, 1979. С. 228–231.

Васильев Д. Д. Вопрос о распространении грамотности у древних тюрков. *Средневековый Восток*. М., 1980. С. 53–59.

Васильев Д. Д., Насилов Д. М. К прочтению Абаканского памятника. *Средневековый Восток*. М., 1980. С. 60–65.

Васильев Д. Д.. *Графический фонд тюркской руники азиатского ареала*. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1979.

Васильев Д. Д., Чадамба З. Б.. Тюркские рунические надписи Уюк-Оорзак. *Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев*. Кызыл, 1980. С. 131–143.

Васильев Д. Д. Принципы палеографического исследования тюркских рун. *Проблемы современной тюркологии*. Алма-Ата, 1980. С. 364–369.

Васильев Д. Д., Трифионов Ю. И.. Руническая надпись из окрестностей Черби / Тува/. *Памятники истории и литературы Востока*. М., 1986. С. 5–7, 239.

Васильев Д. Д., Чадамба З. Б. Древнетюркская эпиграфика из долины реки Уюк / новые открытия/. *Тюркологический сборник-1977*. Москва, 1981. С. 63–75.

Васильев Д. Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири. II. *Тюркологический сборник-1977*. М., 1981. С. 51–62.

Васильев Д. Д. Новая тюркская надпись из Тувы. *Археологические открытия 1979 года*. М., 1980. С. 193.

Васильев Д. Д. Наскальные тюркские рунические надписи VIII–X вв. как историко-филологический источник. *Бартольдовские чтения*. М., 1981. С. 23–24.

Васильев Д. Д. О некоторых сложностях изучения тюркской руники на основе существующих изданий. *Бартольдовские чтения*. М., 1981. С. 24–26.

Васильев Д. Д. Всесоюзная школа молодых востоковедов. *Общественные науки*. 1981. № 3. С. 201–204.

Васильев Д. Д. По поводу одной гипотезы В. В. Бартольда. Почему в письменных памятниках тюрков домусульманского периода не упоминается духовенство. *Бартольдовские чтения*. М., 1982. С. 13–14.

Васильев Д. Д. Особенности подготовки к изданию региональных групп эпиграфических памятников тюркской рунической письменности. *Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников /тезисы докладов/*. Тбилиси, 1982. С. 25–27.

Васильев Д. Д. *Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала*. М.: ГРВЛ, 1983.

Васильев Д. Д. *Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея*. Л.: Наука, 1983.

Васильев Д. Д. Неопубликованная руническая надпись с горы Тепсей. *Эпиграфика Востока*. Вып. XXII, Л.: Наука, 1984. С. 48–49.

Васильев Д. Д., Кормышева Э. Е. (ред.). *Древний и средневековый Восток. История. Филология*. М., 1983.

Васильев Д. Д., Волков С. (ред.). *Древний и средневековый Восток. История. Филология*. М., 1984.

Васильев Д. Д. Самая северная тюркская руническая надпись на Енисее. *Turcologica. К 80-летию академика А. Н. Кононова*. Л., 1986. С. 53–56.

Васильев Д. Д. Источниковедческий аспект картографирования тюркских рунических памятников, *Ареальные исследования в языкознании, картографии и этнографии*. Уфа, 1985. С. 37–39.

Васильев Д. Д. Данные тюркских рунических памятников для составления этнической карты каганата. *Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников*. Всесоюзн. научн. сессия 17–19 окт. 1985. Батуми, Тбилиси, 1985. С. 31.

Васильев Д. Д., Вайнштейн С. И. Рец. на: Д. Г. Савинов. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху, ЛГУ, 1984. *СЭ*. № 1, 1987.

Васильев Д. Д. *Принципы описания тюркских рунических памятников и особенности их издания. Вопросы советской тюркологии*. Ашхабад, 10–12 сент. 1985 г. С. 317–318.

Васильев Д. Д. Нерасшифрованный вариант сибирской руники. *Узбек тили ва адабиети*. 1986. № 4. С. 42–44.

Базарова Д. Х., Мирзаахмедова П. М., Якубова Н., Васильев Д. Д. *XXIX Международная конференция алтаистов. НАА*. № 4. 1986. С. 132–137.

Васильев Д. Д. Полевые археографические изыскания тюркской руники в Южной Сибири. *Историко-культурные контакты народов Алтайской языковой общности*. Тезисы XXIX сессии Постоянной Международной Алтаистической Конференции (PIAC). Ташкент, М., 1986. Т. I. С. 19–20.

Васильев Д. Д., Семенов В. А. Новые находки памятников тюркской рунической письменности, *Ист.-культ. контакты народов Алтайской языковой общности*. Тезисы XXIX сессии Постоянной Международной Алтаистической конференции (PIAC). Т. 1. Ташкент, М., 1986. С. 127–128.

Васильев Д. Д. Общее собрание Всесоюзной Ассоциации востоковедов. *НАА*. 1988. № 2. С. 104–110.

Васильев Д. Д., Хелимский В. А. XXIX сессия Постоянной Международной Алтаистической конференции. *Вестник Академии наук СССР*. 1987. № 5.

Васильев Д. Д. XXIX Международная Алтаистическая конференция. *Информационный бюллетень МАИКЦА*. Вып. 12. М., 1987. С. 106.

Васильев Д. Д. Реконструкция родовых генеалогий по эпиграфическим памятникам (на примере тюркских эпитафий). *Акт. Пробл. изучения и издания письм. ист. источников*. Тбилиси. 1988, С. 31–32.

Васильев Д. Д. О деятельности Всесоюзной Ассоциации востоковедов. *Вестник Академии наук СССР*. № 3. 1989. С. 122–125.

Васильев Д. Д. Персоналии древнетюркских эпитафий: возможность источниковедческого анализа. *Бартольдовские чтения 1990*. Тезисы докладов и сообщений. М., 1990. С. 16–17.

Васильев Д. Д. Коллекции памятников тюркской рунической письменности Южной Сибири в музеях СССР. *Archaeographia orientalis. Материалы Всесоюзного рабочего совещания по проблемам восточной археографии*. М., 1990. С. 44–48.

Vasiliev D. Gok Turk Mezar kitabelerinin incelenmelerinde yeni imkanlar. XI. *Turk Tarih Kurumu Kurultayı*. Bildiri Ozetleri. Ankara, 1990. S. 43–44.

Васильев Д. Д. Реконструкции родовых генеалогий по данным енисейской эпиграфики. *Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии*. Тезисы Межреспубликанск. научн. конф., посвященной памяти В. А. Ромодина. Бишкек, 1991. С. 28–32.

Васильев Д. Д. Пять последних лет на сессиях ПИАК. *Восток*. № 5, 1991. С. 168–173.

Васильев Д. Д. Компьютерные базы данных памятников тюркской рунической письменности /I/: Эпитафийная эпиграфика Южной Сибири. *Базы данных по истории Евразии в Средние века*. Вып. I. М., 1992. С. 14–16.

Vasiliev D. Hozzászolás, Dienes Istvan clőadásához. *Eletünk*. Budapest. No. 5. 1992. S. 547–548.

Васильев Д. Д., Горелик М. В., Кляшторный С. Г. Формирование имперских структур в государствах, созданных кочевниками Евразии. *Из истории Золотой Орды*. Казань, 1993. С. 33–44.

Васильев Д. Имя, титул, род, тамга — информационный комплекс. *Бартольдские чтения*. М., 1987. С. 24–25.

Зарубежная тюркология. Вып. I, М., 1986. Пер. и комм. Д. Д. и Е. А. Васильевых.

Vasiliyev D. Gök-Türk toplumunda yazı kültürü ve okuma yazma. Türklerde İnsani değerler ve insan hakları. Cilt 1. *Başlangıcından Osmanlı dönemine kadar*. Türk kültürüne hizmet vakfı. İstanbul, 1992. S. 221–234.

Васильев Д. Д., Кульганек И. Новое в оценке научного наследия и творческой личности С. А. Кондратьева. *IV Международный конгресс монголоведов*. Т. II. М., 1992. С. 18–24.

Васильев Д. Д. Ареал архаического типа тюркской рунической письменности. *Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь*. М., 1992. С. 33–36.

Vasiliyev D. Old Turkic Inscriptions on the Chinese Mirrors from Siberian Museums. *The 35th Permanent International Altaistic Conference*. Taipei, 1992. P. 94.

Vasilyev D. Sayan-Altay asilzadelerinin kişilikleri hakkında. Gok Turk Kitabelerindehi bilgiler. *Uluslararası Turk Dil Kongresi*. Ankara, 1992. S. 96–98.

Vasiliyev D. Turkic Runic Inscriptions on Monuments of Southern Siberia. *Archeology and Art history of the Eurasian Steppe*. University of Southern California. 1992. P. 121–130.

Васильев Д. Д. Симбиоз культур в государствах, созданных кочевниками. *Евразия, как полиэтническая система* (Мат. Московской научн. конфю). М., 1993. С. 30–35.

Vasiliyev D. New Finds of Old Turkic Inscriptions in Southern Siberia. *Rulers from the Steppe*. Los Angeles: Ethnographics Press, 1991. P. 116–131.

Vasiliyev D. The Culture of Writing and Literary in Kok-Turkish Society. Human Values and Human Rights among yhe Turks. İstanbul, 1996. P. 42–44.

Csizsova L., Fodor I., Vasziljev D. Oseink es Rokonaink. *A honfoglalo magyarsag kulturajanak keleti gyokerei*. Magyar Nemzeti Muzeum, Budapest, 1994.

Vasilyev D., Sertkaya O. Cengiz Han'ın ciger kızartması ve Sibirya'da yaşayan Türk Halklarının Koyun Kesip Parçalama ve Et Yemekleri hazırlamada Kadim Geleneği. *Beşinci milletlerarası Yemek Kongresi*. İstanbul, 1994, S. 293–297.

Vasil'ev D. D. Versuch zur Lozung der Kerbinschrift aus dem Umgebung von Kalocsa im Spiegel der eurasischen parallelen. *Folia Archaeologica*. T. XLIII. Magyar Nezeti Muzeum. Budapest, 1994. S. 180–191.

Vasilyev D. Manas Destanı ve Gök Türk Yazıtlarında anılan Askerlerin Savaş Kahramanlıkları. *Manas Destanı ve Etkileri uluslararası bilgi şöleni*. Ankara: 1995. S. 269–271.

Vasilyev D. D. Dağlık Altaylardaki Kalbak-Taş mabedinin Göktürk yazıtları (A47-A50). *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı 'Belleten*. Ankara, 1993. S. 91–97.

Vasilyev D. D. Information in Orhon Inscription on the Identities of Sayan-Altai Nobles. *Uluslararası Türk Dil Kongresi 1992*. Ankara, 1996. S. 357–366.

Vasilyev D. ORHUN. *Türkiye Dış İşleri Bakanlığı Yayınları*. Ankara, 1995.

Васильев Д. Д., Голованов Е. И., Столяров А. А. Многослойная гипертекстовая модель для баз данных исторических памятников. *Инф. бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. М., 1996, № 18.

Vasilyev D. D., Golovanov E. A., Stolyarov A. A. Hypertext Model for the Historical Monuments' Databases. *XI International AHC Conference*. М., 1996.

Васильев Д. Д., Голованов Е. И., Столяров А. А. Унифицированная модель для информационного исследования письменных памятников Востока. *Инф. бюлл. Асс. «История и компьютер»*. М., 1997. № 21.

Васильев Д. Д., Голованов Е. И., Столяров А. А. Востоковедный информационный сервер сети Internet. *Инф. бюлл. асс. «История и компьютер»*. М., 1997. № 21.

Васильев Д. Д., Голованов Е. И., Столяров А. А. Структура эпиграфической базы данных. *Базы данных по истории Евразии в средние века*. М., 1997. Вып. 4–5.

Vasilyev D. Sibirya Müzelerinde bulunan Gök Türk Arkeolojik Koleksiyonları. *Sibirya Araştırmaları*. İstanbul: Simurg, 1997. S. 401–410.

Vasilyev D. D. Kök Türklerin Okuma Yazma Bilimleri Sorunu. *Uluslararası Osmanlı Öncesi Türk Kültürü*. Ankara, 1997. S. 297–306.

Vasilyev D. D., Stolyarov A. A., Golovanov Eu. I. *Advanced Electronic Copies of Oriental Historical Objects: Approaches and Problems. Oriental Studies in the 20th Century: Achievements and Prospects. Abstr. of the Papers of GIS Scholars for the 35 ICANAS*. Budapest, 1997. Vol. 2. Moscow, 1997. P. 387.

Vassiliev D. D. History of Old-Turkic Runic Inscriptions from Altai Region. *Oriental Studies in the 20th Century: Achievements and Prospects. Abstr. of the papers of GIS Scholars for the 35 ICANAS*. Budapest, Jul. 7–12 1997. Vol. 2. Moscow, 1997. Pp. 389–393.

Васильев Д. Д. (сост.) *Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия*. М.: Эхо Кавказа, 1997.

Васильев Д. Д., Голованов Е. И., Столяров А. А. Российские ресурсы сети Интернет в области востоковедения. *Информационный бюллетень «История и компьютер»*. М., 1998. № 23.

Vassiliev D. D. Les caravanserais de la Crimée, du Caucase, de l'Asie Centrale et de la Turquie sur les vieilles photos des Archives de l'Académie de Sciences de Russie. *Analytic and Systematic Regional Inventory on Caravanserais in Central Asia*. Iranian National Commission for UNESCO. University of Yazd. 8–12 Nov. 1998.

Васильев Д. Д., Столяров А. А. Концептуальная модель создания электронных библиотек и их размещения в Интернете. *Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века*. М., 1998. Вып. 6.

Васильев Д. Письма с прародины. *Родина. Россия и Турция 500 лет соседства*. № 5–6. М., 1998. С. 12–15.

Алаев Л. Б., Васильев Д. Д. Востоковеды всех регионов, соединяйтесь! Съезд в Элисте. *Бюллетень Общества востоковедов РАН*. М., 1999. Вып. 1. С. 147–160.

Васильев Д. Д., А. А. Столяров. Компьютерные исследования в востоковедении в 1990-е гг.: итоги II Межд. конф. Ист. источники Евразийских и Североафриканских цивилизаций: компьютерные подходы. *Электронн. библиот. и базы данных по истории Евразии в средние века*. М., 1999. Вып. 7. С. 9–35.

Васильев Д. Д. Тюркские рунические надписи правобережья Улуг-Хема и создание базы данных эпиграфических источников. *Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга*. СПб, 1998. С. 225–231.

Васильев Д. Д. Ойратские надписи Чуйского тракта. *Компьютерные исследования монгольских и тибетских исторических источников*. М., 1999. С. 14.

Васильев Д. Д. Казанская тюркологическая школа и исследования памятников древнетюркской письменности. *Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы*. Казань, 1997. С. 11–15.

Васильев Д. Д. (член редколлегии). *История Востока* (в 6 т.). М.: Наука, 1997–2007.

Wassilijew D. D. Datenbasen für türkische Runeninschriften. Epitaphische Epigraphik aus Südsibirien. *Writing in Altaic World*. Helsinki, 1999. S. 298–313.

Васильев Д. Д. (Титульный консультант в книге) M. Benko. *Nomadic Life in Central Asia*. Budapest, 1999.

Vassiliev D. D. Creation of Electronic Catalogue of Relics of Literary Culture of Eurasian Turkishspeaking Nomads of the Early Middle Ages. *Bulletin*, IAMS. Ulaanbaatar, 1999. No 2. P. 71–76.

Васильев Д., Кулганек И. «Каждый мерит мир собственной душой...» Дневники С. А. Кондратьева, участника Монгольской эксп. П. К. Козлова. *Бюллетень Общества востоковедов РАН*. М., 2000. Вып. 3.

Vasilyev D. Rusya Bilimler Akademisi lisansüstü eğitim programlarında Türkçe öğretimi ile ilgili sorunlar. *Dünyada Türkçe öğretim semineri*. Ankara Üniversitesi, 1999. S. 9.

Васильев Д. Караван-сарай на путях в Поволжье. Великий Шелковый путь и города Поволжья. *Средневековая Казань: возникновение и развитие*. Казань, 2000. С. 256–261.

Васильев Д. Addenda et Corrigenda к фонду енисейской руники. Памятник Ийме 1. (Е 73). *ALTAICA. I*. М.: ИВ РАН, 1997. С. 34–45.

Васильев Д. Д. Надпись на серебряном сосуде с р. Чинге (Верхний Енисей). *Эпиграфика Востока*. М., 1998. Вып. XXV. С. 16–17, 166.

Васильев Д., Скобелев С. Addenda et Corrigenda (2) к фонду енисейской руники. Фрагменты надписи из окрестностей Саянского острога. *ALTAICA II*. М.: ИВ РАН, 1998. С. 27–31.

Васильев Д., Скобелев С. *Новые находки фрагментов плиты с рунической надписью с площади Саянского острога*. ALTAICA IV. М.: ИВ РАН, 2000.

Васильев Д. Электронный каталог памятников тюркской рунической письменности. *Древнетюркская цивилизация. Памятники письменности*. Алматы, 2001. С. 67–72.

Orientalistica iuvenile. Т. II. Сборник статей молодых сотрудников и аспирантов посвященный 55-летию Д. Д. Васильева, многолетнего редактора сборников молодых сотрудников и аспирантов ИВ АН СССР, организатора и вдохновителя этой серии. М.: ИВ РАН, 2001.

Vasilyev D. Turkish Language Teaching at Russian-Turkish Research and Training Center of the Russian State University of Humanities. *Symposium on Teaching Turkish as a Foreign Language in Europe*. Ankara, 2001. S. 35.

Vasilyev D. Karma Rus-Türk Tarihçiler Komisyonunun Faaliyeti. İşbirliğinin ilk adımları. (О деятельности смешанной Росс.-тур. комиссии историков). *Atatürk ve Modern Türkiye*. Ankara, 2001. S. 361–384.

Васильев Д. Д. Электронная музеефикация эпиграфических памятников тюркских кочевников Центральной Азии. Каталог и Атлас. *RCDL 2001. Сборник анн. стендовых докладов Третьей Всероссийской конференции по Электронным библиотекам. Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции*. Петрозаводск, 2001. С. 30.

Vassiliev D. D. Digital Museum Applications and Development of Old Turk Inscriptions Library and Atlas. *Proceedings of the Tokyo Symposium for Digital Silk Roads* (Int. Symp. on Crossroads of Cultural Heritage Preservation and Digital Technologies). Tokyo, UNESCO and National Institute of Informatics, 2001. P. 285–290.

Васильев Д. Д., Кара Д. Ойратская эпиграфика Горного Алтая. *Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в Средние века*. М., 2001. Вып. 9. С. 28–32.

Васильев Д. Д. Евразийский ареальный аспект руноподобной письменной культуры тюркоязычных кочевников. *Цивилизация Центральной Азии: земледельцы и скотоводы. Традиции и современность*. Самарканд, 2002. С. 43–44.

Васильев Д. Д. Руноподобная надпись на костяной пластине из Калоча. *Бюллетень Общества востоковедов РАН*. Вып. 9. *Hungaro-Russica*. М.: ИВ РАН, 2002. С. 37–46.

Васильев Д. Д., Зайцев И. В. Новое венгерское периодическое издание по истории (Chronica. Annual of the Institut of History — University of Szeged. 2001. Vol. 1. *Бюллетень Общества востоковедов РАН*. Вып. 9, *Hungaro-Russica*. М., ИВ РАН, 2002. С. 282–285.

Vasilyev D. D. Tayga Ormanı Gölü'nün Adasındaki Eski Uygur Kağanı'nın Sarayı ve Kalesinin Araştırılması. Обследование дворца и крепости уйгурского кагана на острове таежного озера в Туве. XIV. *Türk Tarih Kongresi. Bildiri özetleri*. Ankara, 2002. S. 224.

Vasilyev D. Önsöz (Предисловие). Khadir Güldiken, Lügat-i Farsça – Türkçe – Rusça'yi. (Персидско-турецко-русский словарь). Tebriz, 2002. S. 3–8.

Васильев Д. Д., Аверьянов Ю. Из истории Русского археологического института в Константинополе. *Dialog Avrasya*. 2003. № 9. S. 56–60.

Vasilyev D. D. Kuzeydoğu Avrupa Türk Halklarında Ayakkabı imalatı ve Dericilik İşlemi Hakkında Eski Rus Vakayınamelerindeki Bilgiler (Сведения русских источников о кожевенном и обувном производстве у тюркских народов Юго-Восточной Европы). *Ayakkabı kitabı*, Kitabevi yayıncılık, İstanbul, 2003.

Vasilyev D. D. 20. Yüzyılın Başlarında Erzurum ve Civarı (Rus Arşivlerinde Bulunan Malzemelere Göre) (Эрзерум и его окрестности по материалам российских фотоархивов). *23 Temmuz Erzurum Kongresi ve Kurtuluşun Günümüze Erzurum. Uluslararası Sempozyumu*. Ankara, 2003. S. 469–498.

Васильев Д. Д. Возможности цифровой видеомузеефикации археологического объекта в сочетании с эпиграфическим памятником. *Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века*. М., 2003. Вып. 10. С. 115–116.

Васильев Д. Д. Рец. на: А. Д. Насилов. Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI–XVII вв. *Восток*. 2003. № 6. С. 170–171.

Васильев Д. Д. Об опыте российско-турецкого учебно-научного центра РГГУ. *Заботы востоковедного образования*. МГИМО, 2003. С. 51–57.

Васильев Д. Д., Г. В. Длужневская, М. Е. Малевинская. *Православные святыни Балкан*. СПб., 2004.

Васильев Д. Д. Персоналии древнетюркских эпитафий. Возможности источниковедческого анализа. *Источниковедение Кыргызстана*. Бишкек, 2004. С. 174–180.

Васильев Д. Д. Караван-сарай Крыма, Кавказа и Средней Азии на старых фотографиях из архивов РАН. *Международный Конгресс востоковедов*. М., 2004. С. 892.

Vasilyev D. Евразийская ареальная характеристика руноподобной письменной культуры тюркских кочевников. *Second International Congress on Turkic Civilization «Role and Place of the Turkic Civilization among the World Civilization»*. Бишкек, 2004. Р. 77–78.

Васильев Д. Д. Секретный рапорт Сталину о похоронах Ататюрка. *Турция в XX веке*. М., 2004.

Васильев Д. Д. Корабли штурмуют бастионы. *Новые берега*. № 3, 2004. С. 38–41.

Vasilyev D. D. Güney Sibirya’da Göktürk Taş Heykellerinde Saç, Bıyık ve Sakal Şekilleri. *Saç Kitabı*. İstanbul, 2004. S. 51–55 (Прически, усы и бороды древнетюркских каменных изваяний из Южной Сибири).

Vasilyev D. D. 1889 Yılında Orhun Yazıtlarını İlk Olarak Keşfeden N.M. Yadrintsev’in Arşivinden Bilinmeyen Anıt Kopyaları. V. *Uluslararası Türk Dili Kurultayı. Bildiri Özetleri*. Ankara, 2004. S. 194–195.

Васильев Д. Д. Неизвестные копии древнетюркских надписей, выполненные в 1889 г. их первооткрывателем Н. М. Ядринцевым. *ТУРКОЛОГИЯ*. № 6. Туркiстан, 2004. С. 3–13.

Васильев Д. Д. Становление государственности и исламизация раннесредневековых тюркских кочевников. *Исламская культура в Волго-Уральском регионе*. İstanbul, 2004. S. 207–213.

Vassiliev D. D. Maps, Plans and Sketches Illuminating Two Russian Fleet Actions during the First Aegean Expedition of 1769–1770. *Archeology of the Ottoman Period in Hungary*. Hungarian National Museum. Budapest, 2003. P. 383–388.

Vasilyev D. D. Rusya-Devlet Beşeri Bilimler Üniversitesi Rus-Türk Araştırma ve Eğitim Merkezinde Türkçe Öğretimi. Zeynep Korkmaz Armağanı. Ankara, 2004. S. 434–437.

Vasilyev D. D., Vasilyeva E. Günümüzde Atatürk’ün «Nutuk»unun Rusçaya Bilimsel Yorumlu Şekilde Çevirisinin Özellikleri ve Bu Çevirinin Rus Okurlara Adaptasyon Şekilleri. *Zeynep Korkmaz Armağanı*. Ankara, 2004. S. 438–442.

Wassiljew D. Ein Wort zuvor. Предисловие к книге S. Weinstein. *Geheimnisvolles Tuwa. Expeditionen in das Herz Asiens*. 2005. Alouette Verlag, Oststeinbek, GMBH. S. 5–8.

Васильев Д. Д. (сост.) *Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия*. М.. Региональн. фонд поддержки гос. нац. политики, 2005.

Vasilyev D., Аверьянов Ю. Yevgeniy Onegin Türkiye’de. *Dialog — Avrasya*. İstanbul, 2005. № 16. S. 86–91.

Vasil’ev D. D. The Eurasian Areal Aspect of Old Turkic Written Culture. *Acta Orientalia. Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 58 (2005). No. 4, Akademiai Kiado, Budapest. P. 323–330.

Васильев Д. Д. О подготовке электронного каталога памятников письменности тюркоязычных кочевников Евразии эпохи раннего средневековья (по материалам коллекций российских музеев). *Письменные памятники Востока*. СПбФ ИВ РАН, 2005. № 1(2). С. 321–323.

Васильев Д. Д. Из истории Общества востоковедов при РАН. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. Уфа, 2005. Т. 10. № 3. С. 64–70.

Vasilyev D. Gemiler Kalelere saldııyor. *Mülkiyeliler Birliği*. Ankara, 264-4, Ocak 2005, S. 39–42.

Мустафа Кемаль Ататюрк. «Речь». Пер. с турецкого (отв. ред. Д. Д. Васильев). *Центр Ататюрковских Исследований*. Анкара, 2005.

Vasilev D. The Sayan-Altai Mountain Region and South-Eastern Siberia. *History of Civilisation of Central Asia*. Vol. VI. UNESCO Publishing, 2005, Paris. P. 329–346 (and maps, P. 942).

Васильев Д. Д. Сведения османских географов о землях и племенах адыгов. *VI Межд. конф. «Исторические источники Евразийских и Северо-Африканских цивилизаций»*. Майкоп, 2005. С. 43–44.

Васильев Д. Д., Тектен Т. Особенности методики преподавания востоковедческих дисциплин в Российско-Турецком учебно-научном центре РГТУ. *VI Межд. конф. «Исторические источники Евразийских и Северо-Африканских цивилизаций»*. Майкоп, 2005. С. 44–46.

Васильев Д. Д., Шеремет В. И. О специфике вхождения вайнахского этноса в Российскую империю до начала Большой Кавказской войны (1818–1864 гг.). *VI Межд. конф. «Исторические источники Евразийских и Северо-Африканских цивилизаций»*. Майкоп, 2005. С. 167–174.

Vasilev D. D. Тамговая семантика родственных отношений Саяно-Алтайских тюрков. *Permanent International Altaistic Conference, 48th Meeting*. Moscow, 2005. Pp. 91–92.

Vasilyev D. Atatürk’ün Eserlerinin Rusça Yayınlanması için ve Zamanımızda Açılan Yeni Olanaklar ve Perspektifler. *The Fifth International Congress on Atatürk*. Ankara, 2005. Cilt I. S. 753–760.

Васильев Д. Д., Кульганек И. В. Дневник С. А. Кондратьева 1923–1925 гг. *Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева в Монголии и в России*. СПб, 2006. С. 69–220.

Васильев Д. Д. Евразийский ареальный аспект руноподобной культуры древних тюрков. *Теория и методы исследования восточной эпиграфики* (отв. ред. Д. Д. Васильев). М., 2006. С. 30–43.

Vasilyev D. Güney Sibirya’da Yeni Keşfedilen Gök Türk Yazıtları. *XV. Turkish Congress of History. Abstracts*. Ankara, 2006. S. 207–208.

Васильев Д. Д., Столяров А. А. Электронные библиотеки и базы данных по истории средневековой Евразии (к 15-летию востоковедческого научного проекта). *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. Уфа, 2006. Т. 11. № 3. С. 56–63.

Васильев Д. Д., Длужневская Г. В., Кырымлы Х. *Крым в прошлом. Издания Турецкого исторического общества*. Сер. XXXI. № 9. Анкара, 2006 (Иллюстр. монография на двух языках).

Васильев Д. Д., Зайцев И. В. *Арабские, тюркские и персидские мусульманские рукописи в московских собраниях. Источники и исследования по истории татарского народа. В честь юбилея академика АН РТ М. А. Усманова*. Казань, 2006. С. 71–74.

Васильев Д. Д. Из истории Российско-Османского боевого содружества (по материалам Фонда канцелярии адмирала Ф. Ф. Ушакова в РГА ВМФ). *Turcica et Ottomanica. Сборник статей в честь 70-летия М. С. Мейера*. М., 2006. С. 164–180.

Vasiiiev D. D. Rus Türk-öğörlarının Sofilik Hakkındaki Eserlerinde Denizli ve Civarı. *Uluslararası Denizli ve Çevresi Tarih ve Kültür Sempozyumu*. Pamukkale Üniversitesi Bildirile, 2007. C 1. S. 76–79.

Васильев Д. Император, султан и Ушак-паша (От боевого содружества к демократическим гарантиям). *Родина*. 2007. № 4. С. 50–54.

Vasilyev D. Source Study Aspect of Mapping the Monuments of Old Turkic Script Steppe Zone. *ECAI. Congress of Cultural Atlases III "Time & Space in Eurasia"*. Moscow, 2007. P. 49–50.

Vasilyev D. D. Said Nursi'nin manevi mirası ve avrasyacılık teorisi. *Adalet. Uluslararası Sempozyum*, 18–20 Kasım 2007. İstanbul İlim ve Kültür Vakfı. S. 113–116.

Васильев Д. Д. Проект раскопок и реставрации древнеуйгурской крепости в Южной Сибири. *Birinci Uluslararası Avrasya arkeoloji Kongresi*. 21–24 Mayıs. İzmir, 2007. S. 216–218.

Васильев Д. Д., Столяров А. А. Теоретик и историк отечественного востоковедения. К 75-летию Леонида Борисовича Алаева. *Восток*. 2007. № 5. С. 211–213.

Васильев Д. Д., Аликберов А. К., Иващенко А. С., Рябинин А. Л., Столяров А. А. VI Межд. конф. «Ист. источники Евразийских и Северо-Африканских цивилизаций». *Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в Средние века*. М., 2007. Вып. 12.

Васильев Д. Д. Кочевая аристократия енисейской периферии Каганата. *Chronica. Annual of the Institute of History University of Szeged*, 2007–2008. Institute of History University of Szeged. Vol. 7–8. S. 249–260.

Итоги. ICANAS XXXVII. М., 2007. ИВ РАН. Сост.: Васильев Д. Д., Столяров А. А. *Международный конгресс востоковедов. Труды*. В 3 т. М.: ИВ РАН, 2007 / сост. и ред. Васильев Д. Д., Столяров А. А.

Васильев Д. Д. Участие востоковедов в проекте «Крепость Пор-Бажын». *Бюллетень ОВ РАН*. Приложение 5. М.: ИВ РАН, 2008.

Васильев Д. Д. (научн. ред., предисл. комм. и хронология). А. Жевахов. *Кемаль Ататюрк*. М.: Молодая гвардия, 2008. ЖЗЛ.

Васильев Д. Д. Секретные материалы о помощи российских мусульман Османской империи в период балканских войн. *Научный Татарстан*. Гуманитарные науки. Тюркология. № 1. Казань, 2008. С. 14–16.

Васильев Д. Д., Столяров А. А. VII межд. конф. «Ист. источники евроазиатских и североафриканских цивилизаций: компьютерные подходы» на тему: «Применение Географических Информационных Систем в востоковедческих научных исследованиях». *Вестник РГНФ*. № 1(50). 2008. С. 181–189.

Васильев Д. Д. Голоса далекого прошлого. Предисл. на трех языках к альбому S. Somuncuoğlu. *Sibirya'dan Anadolu'ya taşta Türkiye*. AZ Yayınevi. İstanbul, 2008.

Васильев Д. «Я, солдат, это написал...». *Родина*. 2008. № 11. С. 69–74.

Васильев Д. Д., Столяров А. А. III международный конгресс ЕСАИ историко-культурных атласов: «Пространство и время в Евразии». *Восток*. № 3, М., 2008. С. 158–165.

Wassilieff D. D. Alt-Türkische Runen-Inschriften auf den Chinesischen Metallspiegeln aus Minussinsk Museum. *Hungaro-Russica III. История и культура Евразийской степи*. Бюллетень ОВ РАН. Вып. 13. М., 2008. С. 136–149.

Васильев Д. Д., Фодор И. In Memoria Геза Фехер. *Hungaro-Russica III. История и культура Евразийской степи*. 3-й сб. статей рос. и венгерск. востоковедов. *Бюллетень ОВ РАН*. Вып. 13. М., 2008. С. 155–173.

Васильев Д. Д. Надписи крепости Пор-Бажын. *Южная Сибирь и Центральная Азия*. М.: ИВ РАН, 2009.

Алаев Л. Б., Базаров Б. В., Васильев Д. Д. VI орг.-научн. съезд востоковедов. *Восток*. 2009. № 2. С. 143–148.

Васильев Д. Д. Путешествие в Китай через Моголию в 1820 и 1821 гг. Е. Ф. Тимковского как исторический источник. *Мат. межд. научн. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее»*, посв. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Ч. 1. Элиста. 2009.

Васильев Д. Д. Новые находки древнетюркских надписей в Туве. *Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование*. Ч. 1. Кызыл, 2009. С. 40–53.

Васильев Д. Д. Российско-турецкий диалог в области древнетюркского источниковедения. *Отечественная османистика и тюркология. Итоги и перспективы*. Казанский ГУ. Казань, 2009. С. 70–73.

Васильев Д. Д. Тюркские рунические надписи из урочища Кара-Булун и их орфографические особенности. *Эпиграфика Востока*. 2009. № 28. С. 21–26, 197.

Васильев Д. Д. Фолклористички теренски истражувања во рамките на рускиот проект «Твердината Пор-Бажин» и еквиваленти на балканот од областа на шаманистичката митологија на Јужен Сибир. *Македонски Фолклор*. Година 35, Бр. 67. Скопје, 2009. С. 95–104.

Васильев Д. Д. Биографические сведения об авторе «Путешествия в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» Е. Ф. Тимковском и его братьях. *Восточный архив*. 2010. № 1(21). С. 34–42.

Васильев Д. Д. Общественный интерес в Турции к России (по материалам журнала «Нива» за 1914 г.). *VITALEUS. Сб., посвященный 70-летию В. И. Шеремета*. М., 2010. С. 76–95.

Васильев Д. Д., Длужневская Г. В. Города Османской Турции на старинных фотографиях, выполненных российскими учеными. *Османский мир и османистика (к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой)*. М., 2010. С. 195–205.

Васильев Д. Д., Орешкова С. Ф., Смилянская И. М. Об Анне Степановне Тверитиновой. *Османский мир и османистика (к 100-летию со дня рожд. А. С. Тверитиновой)*. М., 2010. С. 15–26.

Васильев Д. Д., Орешкова С. Ф., Смилянская И. М. К 100-летию со дня рождения Анны Степановны Тверитиновой. *Восток*. № 5. 2010. С. 213–217.

Васильев Д. Д. Guney Sibirya'daki Gok Turk Runik Yazitlarında Adlari Geçen Kisilerin Hayatları ve Kahramanlıkları Hakkındaki Tarihi Bilgiler. Ankara, Hacettepe Üniversitesi Orhon Sempozyumu, 26–29 Mayıs 2010. S. 106–107.

Васильев Д. Д., Фодор И. Новая гипотеза о происхождении сабли Багыра. *Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона*. Т. 2. Кызыл, 2010. С. 151–157.

Васильев Д. Д. Guney Sibirya'daki Runik Yazitlarında Gok Türk Beğleri Hakkında Tarihi Bilgiler. XVI. *Turkish Congress of History*. 20–24 September 2010, Ankara. Türk Tarih Kurumu. Sc. 167–168.

Васильев Д. Д., Столяров А. А. 35 лет Бартольдским чтениям. *Бюллетень ОВ РАН*. М., 2010. Вып. 15, М., 2010.

Васильев Д. Д., Столяров А. А. (сост.). Приложение к Бюллетеню ОВ РАН. М., 2010. Вып. 6. *Ветераны востоковедения о себе*.

Vasılyev D. D. Said Nursi'nin felsefi mirası veyeni Avrasya topluluğunun oluşmasıyla ilgili problemler. *İnsanlık Onuruna Layık Bir Gelecek için İlim, İman, Ahlak*. Sempozyum Tebliikleri. İstanbul, 2010. S. 220–225.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д., Курникова О. М., Мейер М. С., Столяров А. А., Тимохин Д. М. VII Съезд российских востоковедов. *Проблемы востоковедения*. № 3(49), Уфа, 2010. С. 91–101.

Васильев Д. Д. Виталию Ивановичу Шеремету — 70 лет. *Восточный архив*. 2010. С. 5.

Васильев Д. Д. 110-летие Российского общества востоковедов. *Родина*. 2010. № 12.

Васильев Д. Д. 110-летие Российского общества востоковедов. *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 12.

Васильев Д. Д. Надписи крепости Пор-Бажын. *История и культура Центральной Азии*. Комиссия ЮНЕСКО по изучению Центральной Азии. под ред. С. И. Потабенко. 2010. С. 80–87.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д. Каменные изваяния из окрестностей озера Ван. *Археология Южной Сибири. Вып. 25. Сборник научн. трудов, посв. 80-летию Я. А. Шера*. Кемерово, 2011. С. 152–155.

Васильев Д. Д., Столяров А. А. VII съезд российских востоковедов. *Новая и новейшая история*. 2011, № 1

Васильев Д. Д., Васильев А. Д., Курникова О. М., Тимохин Д. М. II съезд российских востоковедов. *Восток*. 2011, № 2.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д.. Реликты пребывания монголов в Малой Азии в турецких легендах и топонимике. *Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций. К 350-летию присоединения Бурятии к России*. Улан-Удэ, 2011. С. 450–452.

Васильев Д. Д., Длужневская Г. В. Фотографии Пекина второй половины XIX в. (из коллекции Великих князей генерал-адмирала Константина Николаевича и Августейшего Президента РАН Константина Константиновича и фонда Мраморного дворца в Фотоархиве ИИМК РАН). *В потоке научного творчества (к 80-летию академика В. С. Мясникова)*. М.: Наука, 2011. С. 283–295.

Васильев Д. Д., Байтенов Э. Неопублик. надписи Тарбагатай. *Эпиграфика Востока*. 2011. 29. С. 36–39.

Васильев Д. Д. Заметки к интерпретации рунических надписей лесостепного Алтая. *Эпиграфика Востока*. Вып. 29. М., 2011. С. 68–72.

Васильев Д. Д., Рыбаков Н. И. Тюркские рунические надписи на плитах погребальных оградок, *Эпиграфика Востока*. Вып. 29. М., 2011. С. 73–79.

Васильев Д. Д., Анисеева Т. А. «Книга моего деда Коркута» как памятник огузско-го эпоса. *Книга моего деда Коркута*. М.: 2011. С. 115–135.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д.. Прологомены к истории руссификации в Турции. *Руссификация за рубежом*. М.: изд. Историко-архивного института РГГУ, 2011. С. 521–539.

Васильев Д. Д. Новые находки енисейских надписей и перспектива их дальнейших изысканий на маршрутах исследователей прошлых столетий. *Урал-Алтай: через века в будущее*. Мат. конф., посв. 80-летию Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа: ИИЯЛ, 2012. С. 145–147.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д. Особая позиция Газиза Губайдуллина на I-м Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку в 1926 г. *Бюлл. Общ-ва востоковедов России*. Прил. 7. М., 2012. С. 25–30.

Васильев Д. Д. 15 лет изданий «Бюллетеней Общества востоковедов РАН» и «Приложений» к ним. *Бюллетень Общества востоковедов России*. Вып. 20. М., 2012. С. 56–58.

Васильев Д. Д. Библиографические указатели публикаций и исследований тюркской руники. «Живем дружно, “молодые” разного возраста...»: сб. статей в память востоковеда-тюрколога А. Н. Самойловича. М., 2012. С. 41–45.

Васильев Д. Д. Карта И. Ф. Табберта фон Страленберга как источник XVIII в. по истории научного изучения Азиатской России. *Сб. тезисов докладов VIII Межд. конф. Звенигород, 3–5 окт. 2012 г.* С. 33–34.

Васильев Д. Д. Хроникальные заметки. Анкара. *Восток*. № 4. 2012. С. 183–185.

Васильев Д. Д., Шеремет В. И. Osmanlı döneminde Balkanlarda Uygarlıklar arasında temas ve Mübadele Bölgesinin Oluşması (XIV–XX Başlangıcı). Uluslararası Balkan Türkolojisi Sempozyumu Bildirileri (08–12 Eylül 2003, Kotor). *Balkan Türkoloji Araştırmaları Merkezi Yayınları: 16 Bildiriler Dizisi*:5. Prizren, 2011. S. 243–250.

Васильев Д. Д. Yüzyılın sonunda Adriatik Denzinde Rus ve Osmanlı Ortak Hareketleri Hakkında Arşiv Belgeleri. *Uluslararası Balkan Türkolojisi Sempozyumu Bildirileri (03–07.12.2007)*. Prizren, 2011. S. 21. 185–191.

Васильев Д. Д. Kök Türklerin Askeri Seferleri İstikametlerinde Kurulacak Yeni Tuva Demiryolunun Projesi. *Uluslararası Osmanlı öncesi ve Osmanlı Tarihi Çalışmaları Sempozyumu*. Uşak Üniversitesi, 2011. S. 123.

Васильев Д. Д. К историографии памятников древнетюркской письменности Горного Алтая. Мат. Межд. научн. Конф. «Тюркская цивилизация и суверенный Казахстан». Астана, 2011. Т. 1. С. 252–259.

Васильев Д. Д. Güney Sibirya'daki Gök Türk Runik Yazıtlarında Adları Geçen Kişilerin Hayatları ve Kahramanlıkları Hakkındaki Tarihi Bilgiler. III. *Uluslararası Türkiye Araştırmaları Sempozyumu Bildiriler Kitabı*. Ankara, 2011. Hacettepe Üniversitesi. Cilt 2. S. 901–911. Электронная версия и альбом на CD.

Васильев Д. Д. Kök Türklerin Askeri Seferleri İstikametlerinde Kurulacak Yeni Tuva Demiryolunun projesi. *CİEPO. Uluslararası Osmanlı Öncesi ve Osmanlı Tarihi Araştırmaları 6. ara Dönem Sempozyum Bildirileri*. Cilt II. Uşak ili Kalkınma Vakfı, 2011. S. 1283–1294.

Васильев Д. Д. Рец. на: Запорожец В. Сельджуки. М., Воениздат, 2011. *Tarih incelemeleri dergisi*. İzmir, Vol. XXVII. 2012. № 1. С. 271–274.

Васильев Д. Д. Eski Rus edebiyatında «Hojdeniya» (seyahatnameler) ve Çar Şehrinin (Konstantin şehrinin) edebi tanımlamaları. *Tuncer Baykara Armağanı (сборник статей в честь юбилея профессора Эгейского университета Тунджера Байкара)*. Ankara: Türk Kültürü araştırmaları Armağan Dizisi, 2011. S. 121–126.

Васильев Д. Д. Güney Sibirya'da Yeni Keşfedilen Gök Türk Runik Yazıtları. *Günümüz Rusyası'nda Türkiye çalışmaları*. Yunus Emre Enstitüsü. İstanbul, 2012. S. 24–31.

Васильев Д. Д. Каганская крепость в Туве и новые находки тюркской руники. Альманах Международной Тюркской Академии Turkic World. Вып. 1. Астана, 2012. С. 314–326.

Васильев Д. Д. La Turquie dans les coeurs de deux poetes. Pushkin et Mickiewicz. *Mickiewicz-Turcija-Europa*. Muzeum Literatury Adama Mickiewicza w Warszawie. Warszawa, 2012. S. 124–132.

Васильев Д. Д. *Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири*. Т. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. Сер.: Памятники тюркской письменности. Астана, 2013.

Васильев Д. Д. *Из Центральной Азии в Анатолию. Город и человек*. На русск., англ. и тур. яз. Анкара: Союз муниципалитетов тюркского мира, 2013.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д. Прологомены к истории руссиеведения в Турции. *Зарубежное руссиеведение*. М.: РГГУ, 2013. С. 520–540.

Васильев Д. Д. Работы Эпиграфической экспедиции ИВ РАН в Южной Сибири в 2012–2013 гг. и новые находки тюркских рунических надписей. *7-я Международная конференция «Источники по истории кочевников средневековой Евразии»*. Звенигород, 2013. С. 27–28.

Васильев Д. Д., Бурханов А. Памяти коллеги и друга. *Восточный архив*. 2013. № 2(28). С. 95.

Васильев Д. Д. Türk Kağanlığının Kuzey Kenarında Yaşamış Olan Türk Beglerinin Kendi Hayatlarını Anlattıkları. *Turkic World Almanac*. Астана, 2013. S. 81–91.

Васильев Д. Д., Мейер М. С., Каврелишвили Р. Памяти М. Х. Сванидзе. *Восток*. 2013. № 5.

Васильев Д. Д. Работы Эпиграфической экспедиции ИВ РАН в 2012–2013 гг. и новые находки древнетюркских рунических надписей. *Наследие юго-восточного Туркменистана в системе древних и средневековых культур Евразии*. Ашгабат, 2014. С. 78, 284, 457–458.

Vasilyev D. D. Altay Dağlarındaki Runik Türk Yazıtlarına Bilimsel ilgi ve Araştırmalarının Perspektifi. *Yalın Kaya Bitigi Osman Fikri Sertkaya Armağanı*. Ankara, 2013. S. 613–619.

Васильев Д. Д. Работы Эпиграфической экспедиции ИВ РАН в 2012–2013 гг. и новые находки древнетюркских рунических надписей. *Наследие юго-восточного Туркменистана в системе древних и средневековых культур Евразии*. Ашгабат, 2014. С. 78, 284, 457–458.

Vasilyev D. D. Altay Dağlarındaki Runik Türk Yazıtlarına Bilimsel ilgi ve Araştırmalarının Perspektifi. *Yalın Kaya Bitigi Osman Fikri Sertkaya Armağanı*. Ankara, 2013. S. 613–619.

Васильев Д. Д. Интервью тур. газете *Байбурт Пост*. 05.06.14. *Rus Türkolog Bayburt Fotoğraflerini paylaştı*.

Васильев Д. Д. Крепость уйгурского кагана в Туве и новые находки тюркских рунических надписей. *Сб. докладов Второго съезда востоковедов в Баку «Восточные общества: традиции и современность»*. Центр стратегических исследований при Президенте Азербайджана. Москва-Баку, 2014. С. 43–47.

Васильев Д. Д. От «Бартольдовских чтений» до президента российских востоковедов. Миркасым Госманов. *Тарихи-биографик, фэнни-документаль жыен-тык*. Казан: Жыен нэшрияты, 2014. С. 617–620.

Васильев Д. Д. Русские научные экспедиции на Кавказский фронт Первой мировой войны. *Межд. Конф. к 100-летию Первой мировой войны*. Трабзон-Байбурт 27.05–02.06.14.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д. Межд. научн. конф. «Древний и современный Байбурт». Турция, 27.05–02.06.2014. *Восток*. 2014. № 5.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д. 100 лет единению Тувы с Россией. Межд. научн. конф., посвященная 100-летию единения Тувы и России. Кызыл, 2–5. 07. 2014. *Восток*. 2014. № 5.

Васильев Д. Д. Московские собрания шедевров тюркского искусства I. Тувинская каменная пластика в коллекциях Москвы. Взгляд дилетанта. *Антология*. Астана, 2014.

Васильев Д. Д., Аникеева Т. А. «Книга моего деда Коркута» как источник для изучения цивилизационных особенностей ранне-тюркского кочевого общества. *Альманах*. Вып. 3, Астана: Тюркская академия, 2014.

Васильев Д. Д. Работы Эпиграфической экспедиции ИВ РАН в 2012–2013 гг. и новые находки древнетюркских рунических надписей. Мат. VII Межд. конф. «Источники по истории кочевников средневековой Евразии». М.: ИВ РАН, 2014. С. 79–90.

Васильев Д. Д. Крепость уйгурского кагана в Туве и новые находки тюркских рунических надписей. *I межд. уйгуроведческая конф. Ун-т им. Дж. Вашингтона*. Вашингтон, 25–27.09.2014. С. 45–46, 76.

Аникеева Т. А., Васильев А. Д., Васильев Д. Д., Дробышев Ю. И., Дубровская Д. В., Кадырбаев А. Ш., Чвырь Л. А. I межд. конф. по изучению уйгуров: история, культура, общество. Вашингтон, 24–28.09.2014. *Восток*, 2014.

Аникеева Т. А., Васильев А. Д., Васильев Д. Д., Дмитриев С. В., Дробышев Ю. И., Дубровская Д. В., Кадырбаев А. Ш., Чвырь Л. А., Бармин В. А. I межд. уйгуроведческая конф.: история, культура, общество. Вашингтон, 24–28.09.2014. *Проблемы востоковедения*. Уфа, 2014. № 4.

Васильев Д. Д. Материалы о русских научных экспедициях в Восточной Анатолии в период Первой мировой войны. *III Межд. конф. «Архивное востоковедение»*. М.: ИВ РАН, 2014. С. 45–46.

Васильев Д. Д., В. В. Беляковым, А. Д. Васильев. Памяти коллеги и друга. *Восточный архив*. 2014. № 2(30). С. 95.

Васильев А. Д., Васильев Д. Д. «Задачи каждого грамотного трудящегося...»: сб. статей к 80-летию Д. М. Насилова, *Alkıç bitig*. М.: ИСАА, 2015, С. 169–177.

Васильев Д. Д. и др. Первый международный уйгуроведческий конгресс. История, культура, общество. Вашингтон, октябрь 2014. *Восточная аналитика*. М., 2015. С. 88–114.

Васильев Д. Д. Стела Окуневской культуры с тюркской рунической надписью и тамгой. *Проблемы востоковедения*. Уфа, 2015. № 3. С. 43–46, 101.

Васильев Д. Д. Новые находки тюркских рунических надписей Эпиграфической экспедиции ИВ РАН в Южной Сибири в 2012 г. *Эпиграфика Востока*. Т. XXXI. М., 2015. С. 12–25.

Васильев Д. Д., Дмитриев С. В. Первая международная конференция по уйгуроведению: история, культура и общество. *Восток*. 2015. № 1. С. 162–171.

Васильев Д. Д., Настич В. Н. Елена Абрамовна Давидович (1922–2013). *Эпиграфика Востока*. Т. XXXI, М., 2015. С. 332–337.

Васильев Д. Д., Тишин В. В. Сергей Григорьевич Кляшторный (1928–2014). *Эпиграфика Востока*. Т. XXXI, М., 2015. С. 338–343.

Васильев Д. Д. Памяти коллеги — энтузиаста сибирской рунгологии. *Эпиграфика Востока*. Т. XXXI, М. 2015. С. 344–345.

Vasilyev D. D., Anikeeva T. A. Oğuzların “Kitab-ı Dedem Korkut” Destanını Oluşturan Hikayelerin Folklorik ve Edebi Kaynakları. *Alkış Bitiği*. Kemal Eraslan Armağanı, Ankara, 2015. S. 271–276.

Васильев Д. Д. Предисловие. *Российско-Турецкие отношения (период до 2015 г.)*. РСМД-РГГУ. М., 2016.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д. Из истории изучения России в Турции. *Российско-Турецкие отношения (период до 2015 г.)*. РСМД-РГГУ. М., 2016, С. 131–148.

Васильев Д. Д. К итогам исследований древнеуйгурской крепости на оз. Тере-холь в Туве. *Сб. мат. Третьей Межд. уйгуроведческой конф. «История, культура, общество»*. М.: ИВ РАН, 2016. С. 23, 122.

Васильев Д. Д. Стела Уйтаг с рунической надписью и тамгой кыргызских правителей. *Энесайлык данакер этнограф*. Бишкек, 2016. С. 24–26.

Васильев Д. Д. Очерк к итогам комплексных исследований древнеуйгурской крепости на озере Тере-холь в Туве. *Мир Большого Алтая*. Усть-Каменогорск. 2016. № 2 (2.2). С. 364–373.

Vasilyev D. Rus Arşivlerinde bulunan Eski Fotograflarda Trabzon ve Civarındaki Dini Kültür Anıtları. I. *Uluslararası Geçmişten Günümüze Trabzon 'da Dini Hayat Sempozyumu*. Bildiriler kitabı. С. 2. İstanbul, 2016. S. 1167–1173

Аникеева Т. А., Васильев А. Д., Васильев Д. Д., Досовицкая В. В., Дробышев Ю. И., Тимохин Д. М., Тишин В. В. Третья Международная Уйгуроведческая Конференция: история, культура, общество. Москва (Звенигород), 23–26 октября 2016 г. *Проблемы востоковедения*. 2017. № 1(75). С. 88–93.

Васильев Д. Д. Отечественное научное уйгуроведение продолжило традицию. *Восточный архив*, 2017. № 2. С. 89–95.

Васильев Д. Д., Бутанаев В. Я. Новая находка тюркской надписи в фондах Хакасского Республиканского музея. *Эпиграфика Востока*. М., 2016–2017. Т. 32. С. 37–39.

Васильев Д. Д., Восстановленные фрагменты тюркской рунической надписи стелы могильника Уйтаг (Республика Хакасия, РФ). *Эпиграфика Востока*. М., 2016–2017. Т. 32. С. 40–56.

Васильев Д. Д. Фотографии памятников Крыма, выполненные русскими востоковедами, как исторический источник. *Ист., культ., межнац. и религ. связи Крыма*

с Сирией и государствами Ближнего Востока. Межд. научн. конф. ИВ РАН, Музей-заповедник Херсонес Таврический. Севастополь, 6–8 июня 2017. М., 2017. С. 24–25.

Vasilyev D. D. Photographs of the Monuments of Crimea, Made by Russian Orientalists, as a Historical Source. Межд. научн. конф. «Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока». Севастополь, 2017. М., 2017. С. 182–183.

Васильев Д. Некоторые аспекты дискуссии по вопросам латинизации тюркских алфавитов на I-м Всесоюзн. тюрколог. съезде 1926 г. *Мат. I Форума гум. наук «Великая степь»*. Астана, 2016. С. 9–11.

Васильев Д. Тюркская руника и значение эпиграфических памятников для изучения истории Востока. *Сборник в честь 80-летия акад. М. Жолдасбекова*. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2017. С. 139–140.

Vasilyev D. Runik Yazıtı ve Kırgız Hükümdarlarının Damgasını Taşıyan Uytag Dikili Taş. *Altay Communities Symposium*. İstanbul, 24–26 Temmuz 2017. S. 20–21.

Васильев Д., Длужневская Г., Кырымлы Х. *Крым в прошлом в старых фотографиях. Eski fotoğraflarda bir zamanlar Kırım*. Тур. Ист. общество. Türk Tarih Kurumu'nun Gözden geçirilmiş ve Düzeltilmiş İkinci Baskı. Сер. ТТК-XXI, Вып. 9. Ankara, 2017.

Васильев Д. Д. Очерк востоковедческих исследований древнейгурской крепости на озере Тере-холь в Туве. Сб. мат. III Международной Уйгуроведческой конференции «История. Культура. Общество». ИВ РАН, ИВ МОН РК. М., 2017. С. 102–114.

Васильев Д. Д., Дацышен В. Г., Дубровская Д. В. *Е. Ф. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.* М.: ИВ РАН, Общ-во востоковедов России, 2017.

Васильев Д. Д. Памятники Крыма, воспеты А. Мицкевичем, на гравюрах и фотографиях XIX–начала XX вв. из российских архивов. *Ист., культ., межнац. и религ. связи Крыма со Средиземноморским регионом*. Межд. научн. конф. Севастополь, 2018. М., 2018, С. 23–24.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д. «Самой историей нам суждено совместное существование». *Воронцово поле*. № 2. 2018. С. 38–39.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д. Конф. российских и турецких историков в Москве. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 245–251.

Васильев Д. Д., Фодор И. Где добыл свою саблю Багыр? Восточно-европейские трофеи у кочевников Центра Азии. *Тюркские кочевники в Азии и Европе*. Труды ИВ РАН. Вып. 7. М., 2018. С. 88–100.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д. Первая мировая война и российско-турецкие отношения в начале XX века. Межд. конф. М.: фонд «История отечества», 4–5 апреля 2018 г. *Проблемы востоковедения*. № 2/80, 2018. Уфа. С. 95–98.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д. XVIII Межд. конгресс по тюркской истории — крупнейший форум тюркологов, побивший все рекорды. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 4. С. 210–218.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д. О чем писали русские полковые газеты, издававшиеся на Кавказском фронте в Первую мировую войну. *Архивное востоковедение* (Мат-лы симп. к 200-летию ИВ РАН). Редколл. Беляков В. В., Васильев Д. Д., Курникова О. М., Романова Н. Г., Тимохин Д. М., Чарыева Н. К. М.: ИВ РАН, 2018. Труды ИВ РАН. Вып. 17. С. 85–91.

Васильев Д. Д. Дополнения к почтению и фотокопии наскальной рунической надписи Красноярского водохранилища («Городовая стена»). *Эпиграфика Востока*. Вып. 33. ИВ РАН. М., 2018. С. 3–11.

Васильев Д., Митько О., Ключников Т. Неизвестная криптограмма на лезвии клинка. *Эпиграфика Востока*. Вып. 33. ИВ РАН. М., 2018. С. 143–146.

Васильев Д. Д., Длужневская Г. В. Крымский альбом, изданный в Турции. *Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (К 70-летию Г.В. Длужневской)*. Ч. 1. Друзья и коллеги о Г. В. Длужневской. ИИМК РАН. СПб, 2018. С. 63–68.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д. «Самой историей нам суждено совместное существование». *Воронцово поле*. № 2. 2018. С. 38–39.

Васильев Д. Д. «Можно смело утверждать: отечественное научное востоковедение занимает одно из ведущих мест в мире». *Воронцово поле*. № 3. 2018. С. 30–33.

Васильев А. Д., Васильев Д. Д. «Легион Туркестан» в составе вермахта. *Вторая мировая война и Восток*. М.: ИВ РАН, 2019. С. 334–349.

Vasilyev D. Turkic Runic Inscriptions on the Battlefields of the Yenisey Kyrgyz (Тюркские рунические надписи на полях сражений енисейских кыргызов). *Tarptautine Mokslinė Konferencija Turkijos-Lietuvos Santykių Raida*. 26–30 Mayis 2019. Vilnius. С. 15–16.

Васильев Д. Д., Дробышев Ю. И. Нефритовое изделие с рунической надписью из Монголии, *Эпиграфика Востока*. Т. 34. М., 2019, С. 166–169.

Васильев Д. Д., Заика А. Л. Тюркская руническая надпись писаницы Березовая в Хакасии. *Эпиграфика Востока*. Т. 34. С. 3–8.

Васильев Д. Д. Addenda et corrigenda к истории изучения и прочтения тюркской руники Шалаболинской писаницы (Красноярский край). *Эпиграфика Востока*. М., 2019. Т. 34. С. 5–15.

Васильев Д. Д. Памяти тюрколога, коллеги и друга. Ш. Ш. Ахмедов. *Вестник ИВ РАН*. М., 2019. Вып. 3(9). С. 324–326.

Васильев А. Д., Васильев Д. Д. 500 лет российско-турецких отношений в архивных документах: Выставка документов XVI–XX вв. из фондов Гос. архивов Турецкой Республики, приуроченная к 200-летию ИВ РАН (Москва, 30 октября — 13 ноября 2018 г.). *Проблемы востоковедения*. № 1(83). 2019. Уфа. С. 93–96.

Васильев Д. Д. Мост между Россией и странами Востока. *Воронцово поле. Вестник фонда История отечества*. 2020. № 1. С. 62–66.

Васильев Д. Д. Предисловие к колл. монографии «Революция и гражданская война в восточном измерении». М., ИВ РАН, 2020. С. 3–11.

Васильев Д. Д. Васильев А. Д. Судьба русского офицера-востоковеда на фронтах Первой мировой и Гражданской войн. *Революция и гражданская война в восточном измерении*. М., ИВ РАН, 2020. С. 293–306.

Васильев Д. Д. Турецкая пресса о нашем учителе Жаке Ихмальяне. *Вопросы тюркской филологии*. Вып. XIII. Мат. 28 Межд. тюркологич. конф. «Дмитриевские чтения». ИСАА МГУ. М., 2020. С. 21–36.

Васильев Д. Д. Историческая память и евразийская интеграция. *Интеграционный и модернизационный потенциал Евразии: состояние, проекты, форматы реализации*. Труды VIII Казанского Евразийского Форума. Казань, 2019. С. 294–296.

Васильев Д. Д. Издание научного наследия выдающегося крымского ученого-краеведа Усеина Боданинского. Рец. на: «Усеин Боданинский. Собрание сочинений». *Крымское историческое обозрение*. Инст. истории АН Респ. Татарстан, Крымский научн. центр. Казань-Симферополь, 2020. № 2. С. 253–269.

Васильев Д. Д., Васильев А. Д. Памятники династии «грамотеев» правобережья Улуг-Хема (Верхний Енисей, Республика Тыва). *Эпиграфика Востока*. М.: ИВ РАН, 2020. Т. 35. С. 172–180.

Васильев Д. Д. Восточная эпиграфика. Новые книги. *Эпиграфика Востока*. М.: ИВ РАН, 2020. Т. 35. С. 181–186.

Васильев Д. Д. Значение архивных изысканий для древнетюркского источниковедения. Сборник статей Межд. онлайн конф. «История Центральной Азии в официальных документах: проблемные аспекты, интерпретация и анализ (VII–XIX вв.)». Инст. истории АН и Мин. Инновационных развитий Республики Узбекистан в рамках научного семинара историков имени профессора Розии Мукминовой. Ташкент, 2020.

Васильев Д. Д. Историческая география на «Бартольдовских чтениях» в Институте востоковедения АН СССР (к юбилею академика Н. М. Валихановой): *сб. статей Национального музея Азербайджана*. Баку. Принято к печати. Выход сборника — 2021 г.

Summary

Dimitry D. Vasiliev

Selected Works. Vol. I

The proposed selection of collected works reflects the main areas of academic interests of Professor Dimitry Dimitrievich Vasiliev (1946–2021), combining his articles from different years into several sections. The section “History of Oriental Studies and Türkology” includes articles by Dimitry D. Vasiliev dedicated to the activities of the Soviet and Russian Society of Orientalists, the formation of academic schools in Russian Türkology, as well as the history of the study and decipherment of the ancient Türkic runic writing. The second section — “Ancient Türkic Runic and Archeology” — includes works by Dimitry D. Vasiliev on the study of monuments of ancient Türkic runic writing. The study of the graphic features of these monuments is a separate area, where the Turkologist became one of the pioneers. The section “History and Culture of the Turkic Peoples” unites articles by Dimitry D. Vasiliev dedicated to the history, customs, beliefs and culture of the ancient Turks and Turkic peoples of Siberia. A special section of the collection is devoted to the role of Dimitry D. Vasiliev in the development of Russian-Turkish relations. The collection is provided with color illustrations.

Благодарности

Составители сборника выражают искреннюю благодарность всем, кто поддержал это издание научным и редакторским трудом, морально и финансово. Большое спасибо дирекции Института востоковедения, Издательскому отделу в лице И. В. Федулова и всем сотрудникам Отдела истории Востока, принявшим участие в создании сборника памяти Дмитрия Дмитриевича Васильева.

Научное издание

Васильев Дмитрий Дмитриевич

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Т. I

Редактор Д. В. Дубровская

Корректор М. Я. Колесник

Дизайн обложки, компьютерная верстка Н. В. Бусыгин

Подписано в печать 15.09.2021
Формат. 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,56. Уч.-изд. л. 11,27
Тираж 500 экз. Зак. No. 472.

Федеральное государственное
Бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. Отделом И. В. Федулов
e-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5